

Федеральное государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
СИБИРСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
(г. Красноярск)

П.В. Тепляшин

**МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ГАРМОНИЗАЦИИ
УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ
В УСЛОВИЯХ ИНТЕГРАЦИИ ПРАВОВЫХ СИСТЕМ**

Монография

Красноярск
СибЮИ МВД России
2010

УДК 343.812
ББК 67.409

Рецензенты: Н.В.Щедрин – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой деликтологии и криминологии Юридического института Сибирского федерального университета;
А.В.Тиканов – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры криминологии, психологии и педагогики Тюменского юридического института МВД России

Тепляшин, П.В.

Методологические основы гармонизации уголовно-исполнительного законодательства России в условиях интеграции правовых систем : монография. – Красноярск: СибЮИ МВД России, 2010. – 228 с. – ISBN 978-5-7889-0170-1.

В монографии исследуется феномен интеграции правовых систем и его роль в гармонизации уголовно-исполнительного права и законодательства Российской Федерации. Повышение эффективности обращения с осужденными рассматривается посредством концепции гармонизации уголовно-исполнительного законодательства России на фоне дальнейшего внедрения в отечественную практику исполнения уголовных наказаний международных пенитенциарных стандартов, расширения механизмов судебно-правового регулирования уголовно-исполнительных отношений и использования в науке уголовно-исполнительного права метода сравнительного правоведения.

Предназначена для студентов, аспирантов, специалистов в области уголовно-исполнительного права, сотрудников правоохранительных структур и органов юстиции, а также для широкого круга читателей, интересующихся теорией и практикой исполнения уголовных наказаний.

ISBN 978-5-7889-0170-1

© Сибирский юридический институт МВД России, 2010
© П.В. Тепляшин, 2010

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Глава I. Социально-исторические и научно-теоретические предпосылки гармонизации уголовно-исполнительного права России в условиях интеграции правовых систем	11
§ 1. Социально-историческая обусловленность и культурно-правовая ценность интеграции правовых систем	11
§ 2. Научно-теоретическая парадигма гармонизации уголовно-исполнительного права России	30
Глава II. Концептуальные основы гармонизации уголовно-исполнительного законодательства России в условиях интеграции правовых систем	57
§ 1. Роль международных пенитенциарных стандартов и правил в гармонизации уголовно-исполнительного законодательства России	57
§ 2. Метод сравнительного правоведения как инструмент гармонизации уголовно-исполнительного законодательства России	113
Глава III. Правоприменительные аспекты гармонизации уголовно-исполнительного права и законодательства России в условиях интеграции правовых систем	149
§ 1. Естественнно-правовой и позитивистский типы правопонимания в практике исполнения уголовных наказаний	149
§ 2. Перспективы расширения судебно-правового регулирования уголовно-исполнительных отношений	160
Заключение	189
Библиографический список	203

ВВЕДЕНИЕ

Обращение к методологическим основам гармонизации уголовно-исполнительного законодательства России в условиях интеграции правовых систем обусловлено возрастанием научно-практического интереса к зарубежному опыту исполнения уголовных наказаний и международным пенитенциарным стандартам. Особенно актуальная данная тема в новых условиях функционирования российской модели исполнения наказаний, проведения широкомасштабной реформы отечественной уголовно-исполнительной системы, при которой признание и высокая оценка зарубежных концепций борьбы с преступностью указывают на необходимость с особым вниманием отнестись к опыту их становления и развития. Так, совпадающая в общих чертах история развития пенитенциарной науки в различных странах мира, наличие типичных концептуальных подходов и теоретических направлений, использование схожих методов исследования, процесс заимствования наиболее эффективных средств и методов исправления преступников, усиление международных контактов и взаимовлияний в этой сфере указывают на существование знаний, имеющих международное универсальное значение для всех стран мира в области исполнения нака-

заний. Интегрирующим фактором служит развитие научного интереса к сравнительному правоведению, доказывающему тезис о том, что наука (соответствующие учебные дисциплины) не может развиваться лишь на основе информации, полученной в рамках собственного внутригосударственного права, позволяющему объективно оценить достоинства и недостатки отечественной правоприменительной и правотворческой деятельности, понять, таким образом, перспективы гармонизации российского уголовно-исполнительного права. Изучение зарубежного права имеет целью выявление как положительных образцов, так и отрицательного опыта во избежание возможных ошибок в отечественной правоприменительной и правотворческой деятельности. Хотя право государств и отражает национальные и культурные традиции, но декларируемое стремление России продолжать движение по пути социально-экономических и политических реформ требует осмысления чужого позитивного опыта и конструктивного подхода к нему. Весьма точной видится точка зрения А.Н. Тарбагаева, который считает: «анализируя иностранное уголовное право и сравнивая его с национальным законодательством, исследователь получает своеобразный стереоскопический эффект, позволяющий объективно оценить достоинства и недостатки как отраслей права в целом, так и их отдельных институтов»¹. Ведь «компаративисты по-прежнему считают своей главной задачей поиски наилучших моделей, которые могут быть использованы в ходе различного рода национального права»². Также, с точки зрения современного политико-правового и практического интереса

1 Тарбагаев А.Н. Введение в уголовное право Нидерландов: основные институты Общей части: учебное пособие. Красноярск: Государственный ун-т, 2000. С. 47.

2 Карбонье Ж. Юридическая социология / пер. с фр. и вступит. статья В.А. Туманова. М.: Прогресс, 1986. С. 41.

ТЕПЛЯШИН П.В.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ГАРМОНИЗАЦИИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ В УСЛОВИЯХ ИНТЕГРАЦИИ ПРАВОВЫХ СИСТЕМ : МОНОГРАФИЯ. КРАСНОЯРСК: СИБЮИ МВД РОССИИ, 2010.

для нашей страны, активно интегрирующей в единое европейское пространство, очень важен опыт борьбы с преступностью партнеров по Совету Европы.

Методологические основы гармонизации уголовно-исполнительного права могут быть представлены в виде парадигмы, состоящей из совокупности научно-теоретических категорий, имеющих ценность для познания потребностей и основных направлений совершенствования отечественного пенитенциарного законодательства и практики его применения, методов такого исследования, позволяющих организовать и упорядочить приемы и способы построения искомой модели уголовно-исполнительного законодательства, а также научно-практических способов апробации достигнутых теоретических результатов. В рамках настоящего исследования сравнительное правоведение, по существу, становится методологией для теории «среднего уровня» – гармонизации уголовно-исполнительного законодательства России в условиях интеграции правовых систем. Нельзя переоценить роль метода сравнительного правоведения для науки уголовно-исполнительного права и отечественной практики исполнения уголовных наказаний. Например, еще в середине XIX столетия Министерство внутренних дел Российской империи не ограничивалось сбором тюремной статистики, поставив перед собою гораздо более сложную и в то же время весьма перспективную цель – изучение зарубежного пенитенциарного опыта, чтобы на его основе выбрать доступную во всех смыслах для России модель пенитенциарной системы. При этом российскими чиновниками была проделана огромная аналитическая работа по изучению зарубежных пенитенциарных систем со всеми их плюсами и минусами с целью приспособления к российской тюремной действительности. В соответст-

вующем списке присутствовали практически все европейские страны. Примечательно, что исследователи обращали внимание не только на учреждения, исполняющие наказания в виде лишения свободы, но и на органы управления ими, включая кадровый состав, то есть на всю уголовно-исполнительную систему иностранного государства в целом, рассматривая её в самом широком смысле. Вне всяких сомнений, работа по изучению зарубежного опыта послужила прекрасной организационно-правовой основой для создания цивилизованной тюремной системы России.¹

Таким образом, гармонизация уголовно-исполнительного права России состоит в том, что в условиях сближения правовых систем исследование международного пенитенциарного права и зарубежного юридического опыта способствует пониманию отечественных традиций в этой сфере, самобытного правового уклада и перспектив развития национального законодательства.

Так, в настоящее время происходит культурно-правовое сближение между отдельными странами и, что более симптоматично, между отдельными правовыми системами. Такими процессами в первую очередь охвачены правовые системы романо-германского и англосаксонского права. Следовательно, и российская правовая система, относящаяся по основным параметрам к романо-германской правовой системе, охвачена процессом культурно-правового сближения с англосаксонской правовой системой. При этом специалистами отмечается, что борьба с преступностью в государствах англосаксонской правовой системы основывается на доктрине сильного государства и реши-

¹ См.: Печников А.П. Тюремные учреждения российского государства (1649–октябрь 1917 гг.): историческая хроника. М.: Щит-М, 2004. С. 63–64.

ТЕПЛЯШИН П.В.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ГАРМОНИЗАЦИИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ В УСЛОВИЯХ ИНТЕГРАЦИИ ПРАВОВЫХ СИСТЕМ : МОНОГРАФИЯ. КРАСНОЯРСК: СИБЮИ МВД РОССИИ, 2010.

тельного противодействия криминальной активности. Декларируя приверженность к демократическим ценностям, краеугольным камнем которых выступают права человека, система уголовной юстиции этих государств не склонна рефлексировать при решении дилеммы «права человека – безопасность общества и государства». В соответствии с прагматичным подходом эта проблема быстро решается в пользу общественных и государственных интересов, что выражается в «целесообразной законности», когда интересы борьбы с преступностью диктуют положения законодательного акта.¹

Каждая из «сближающихся» правовых систем, обладая высокой социально-исторической развитостью, будет сохранять свою «самобытность», коренные ценности и начала каждой из них будут продолжать иметь органически включенные в правовую материю очертания. В этом процессе будет оставаться непоколебимой зависимость национальной правовой системы от культурной идеологии и менталитета народа. Вместе с этим фарватер современного развития отечественного права должен находиться в русле универсальной юридической культуры и правосознания граждан, отражать так называемое «право цивилизованных народов».

Явление сближения правовых систем (правовой конвергенции) подвергает правовую материю демократических стран некоей интеграции, в данных странах появляются известные черты общности публично-правовых институтов, юридической техники и даже правосознания. Вне концептуального понимания значимости такого исследования и, как отмечают специа-

¹ Клейменов И.М. Борьба с преступностью в государствах различных правовых систем (сравнительное исследование) : автореф. дис. ... к.ю.н. Омск: Академия МВД России, 2002. С. 7, 14.

листы¹, широкого использования практики функционирования пенитенциарных учреждений зарубежных государств правовая система России рискует остаться во власти стихийных процессов «слепого» заимствования зарубежных и международных пенитенциарных стандартов и эталонов, сплошных верификаций и экспериментов без необходимых смысловых ориентиров и исторически апробированных форм правового регулирования уголовно-исполнительных отношений. Успех в реформировании отечественной уголовно-исполнительной системы во многом зависит от готовности российской юридической науки удержать прогрессивные достижения прошлого и обогатить их культурно-правовыми ценностями сегодняшней эпохи.

Для достижения наибольшей научно-познавательной глубины исследования, всемерной демонстрации всех аспектов гармонизации отечественного уголовно-исполнительного законодательства и наиболее полного описания общественных отношений и явлений, сопутствующих развитию и современному состоянию практики обращения с осужденными, в монографии проведен соответствующий анализ международных пенитенциарных стандартов и вопросов судебно-правового регулирования уголовно-исполнительных правоотношений, обращено особое внимание на ранее неизвестные особенности европейской пенитенциарной традиции, курьезные примеры в практике исполнения уголовных наказаний и неоднозначно интерпретируемые

¹ В частности, см.: Цаплин И.С. Правовые и организационные основы охраны исправительных учреждений Минюста России : автореф. дис. ... к.ю.н. М.: Академия управления МВД России, 2003. С. 15–16; Максимова М.В. Проблемы использования зарубежного опыта по нейтрализации последствий криминального экстремизма органами внутренних дел : автореф. дис. ... к.ю.н. М.: Академия управления МВД России, 2003. С. 19, 22–23.

явления, связанные с правопониманием уголовно-исполнительного законодательства.

Таким образом, в настоящем исследовании осуществляется анализ феномена гармонизации уголовно-исполнительного законодательства в условиях интеграции (конвергенции) правовых систем и выявления его проблемно-теоретических и практических особенностей, делается попытка изучения правовой оболочки и практического содержания данного феномена и на этой основе формирования комплексного видения механизмов, лежащих в изменении субстанции карательного элемента и социальной модальности уголовного наказания, судебно-правового регулирования уголовно-исполнительных отношений и реализации международных пенитенциарных стандартов, корпуса научных парадигм в области репрессивно-исправительного воздействия государства на преступника.

Теоретическая часть проведенной работы основывается на анализе научной и учебной литературы отечественных и европейских правоведов, посвятивших труды исследованию тех или иных аспектов обращения с осужденными.

Практическая часть основывается на изучении отечественной правоприменительной практики в сфере исполнения уголовных наказаний, непосредственном ознакомлении с пенитенциарной системой Англии – посещении некоторых тюрем в Лестере, Ноттингеме, Лондоне. В силу данного обстоятельства допускается авторская оценка и некоторая интерпретация европейских пенитенциарных традиций, содержания общественных отношений, социальных явлений и пенитенциарных реформ, сопутствующих теории и практике мировых моделей обращения с осужденными.

ГЛАВА I

СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ И НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ГАРМОНИЗАЦИИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРАВА РОССИИ В УСЛОВИЯХ ИНТЕГРАЦИИ ПРАВОВЫХ СИСТЕМ

§ 1. СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ И КУЛЬТУРНО-ПРАВОВАЯ ЦЕННОСТЬ ИНТЕГРАЦИИ ПРАВОВЫХ СИСТЕМ

Сегодня в концепте развития отечественного права происходит существенное преобразование самой юридической материи, трансформирующейся в одну из специфических культурно-правовых мегасистем, под которыми традиционно понимаются романо-германское право (сформировавшееся в континентальной Европе), англосаксонское право (сложившееся на основе общего права Англии), религиозное право (утвердившееся по канонам духовно-идеологических доктрин), социалистическое право (появившееся в силу непреложного и всемерного влияния на право со-

циалистической системы).¹ В специальной юридической литературе их традиционно именуют правовыми семьями (системами), для которых характерна относительно обособленная исторически обусловленная совокупность источников права, модель правосознания, правовой культуры и правового мышления, специфика и значимость юридической практики, а также особенности формирования и роль соответствующих государственно-правовых институтов. При познании правовой системы представляет интерес следующее ее определение – «активная составляющая государственно-правовой действительности, институциональной основой которой является исторически сложившаяся система права, концептуально-обусловленная совокупностью основополагающих идей (принципов), направленных на обеспечение позитивной жизнедеятельности и сосуществования членов общества, реализуемых через совокупность правозащитных организаций, правоисследовательских учреждений; законода-

¹ Однако существует позиция, согласно которой данная классификация правовых систем устарела и утратила функциональность, поскольку наиболее целесообразным выступает цивилизационный подход, позволяющий выделить две основные правовые группы: 1) страны, относящиеся к западной правовой цивилизации, и 2) страны, относящиеся к восточной правовой цивилизации (напр., см.: Ромашов Р.А. Законодательная дефиниция в условиях интеграции правовых систем: проблемы унификации // Законодательная дефиниция: логико-гносеологические, политико-юридические, морально-психологические и практические проблемы : материалы Международного «круглого стола» (Черновцы, 21–23 сентября 2006 года) / под ред. В.М.Баранова, П.С.Пацуркивского, Г.О.Матюшкина. Нижний Новгород: Нижегородский исследовательский научно-прикладной центр «Юридическая техника», 2007. С. 112–113). Вместе с тем данная позиция представляет предмет отдельного научно-теоретического исследования, не имеет должного уровня изучения и поэтому не в полной мере известна её прикладная роль в совершенствовании права.

тельных, исполнительных и судебных органов и выполняемых ими функций»¹.

Таким образом, правовая система складывается из четырех главных составляющих правовой действительности: 1) позитивного права, то есть институциональной совокупности правовых норм; 2) правовой идеологии, то есть правосознания граждан; 3) юридической (судебной) практики, то есть правоприменительной деятельности; 4) правовых учреждений и выполняемых ими функций.

В связи с этим важно ответить на вопрос о принадлежности современного российского права к соответствующей правовой системе. По авторитетному мнению Кр. Осакке, «тенденции развития современного российского права дают все основания полагать, что оно движется в сторону присоединения к германской подгруппе в семье романо-германского права»². При этом романо-германское (континентальное) право отличается следующими важнейшими особенностями, которые в первую очередь контрастируют с атрибутивными свойствами англосаксонской правовой системы. Так, для континентального права свойственно имманентное укоренение правовых начал в римском частном праве, которое утверждается на территории практически всей Европы с принятием Кодекса Юстиниана 529–534 гг. (*Corpus Jurist Civilis*). В результате в

1 Сереброва С.О. О необходимости законодательного закрепления дефиниции «правовая система» // Законодательная дефиниция: логико-гносеологические, политико-юридические, морально-психологические и практические проблемы : материалы Международного «круглого стола» (Черновцы, 21–23 сентября 2006 года) / под ред. В.М.Баранова, П.С.Пацуркивского, Г.О.Матюшкина. С. 397.

2 Осакке К. Типология современного российского права на фоне правовой карты мира // Государство и право. 2001. № 4. С. 12.

континентальной Европе утверждаются идеи римского материального права, его основные принципы, институты, терминология и правовые методы. В рамках настоящего исследования важно подчеркнуть, что право справедливости трактовалось римскими юристами как важный атрибут позитивного права, поэтому если соответствующая норма позитивного права не соответствовала общеправовому свойству справедливости, юридическая сила такой нормы признавалась ничтожной. По сути, данный принцип в несколько ином виде встречается и в доктрине английского права.

В меньшей степени римское право повлияло и на развитие английского права, поскольку достаточно длительное время Англия входила в состав Римской империи, однако вторжение римских легионов на территорию Англии произошло ранее принятия Кодекса Юстиниана и поэтому кульминация правовой интервенции произошла несколькими веками раньше, что в дальнейшем не имело столь значимого влияния на английское обычное право. Вероятно, сказалось и островное положение Англии, препятствующее интенсивному распространению римского права. Так, имея островное положение и подвергнувшаяся нескольким захватническим вторжениям, Англия, по существу, не знала состояния феодальной раздробленности, что не создало условий для формирования крепкого местного (корпоративного) права. Правосудие осуществлялось из центра – именно королевская власть «подмяла» под себя основные государственные функции, включая судебную. Поэтому политическая и правовая устойчивость английского государства во многом объясняется его географическим положением. В связи с этим важно заметить, что каждый завоеватель также стремился к объединению различных относительно самостоятельных территориальных образований и централизации

политической власти. В частности, именно с завоеванием английского пространства датским королем Кнудом следует ассоциировать первый шаг к переходу от многовековых англосаксонских обычаев к принципиально новой модели уголовно-правового механизма регулирования государственных и общественных отношений.¹ Однако такой «переход» не имел ярко выраженного характера, поскольку в основном все завоеватели, в том числе и нормандский герцог Вильгельм Завоеватель, стараясь представить себя преемниками англосаксонских королей, многие местные обычаи оставляли без изменений или только лишь частично корректировали. Континентальные обычаи и законы, пропитанные духом классического феодализма, таким образом, лишь незначительно вплетались в традиционное полотно обычного права Англии, но существеннее вживались в английское законодательство. В частности, в известных *Leges Henrici Primi* (Законах Генриха I) вводится принципиально новый институт частного обвинения в тяжком уголовном преступлении – фелонии, который фактически заменял институт кровной мести.

Также континентальному праву присуща доктринальность, поскольку его построение основывалось на теоретических трудах ученых-цивилистов. Данная особенность также отражает традиции римского права, законодательство которого выступает нормативным выражением мудрости известных мыслителей. Поэтому континентальное право олицетворяет научную организованность, систематизированность и логичность правовых фикций, тогда как общее право формировалось под влияние решений королевских су-

¹ Напр., см.: Хатунов С.Ю. Ранняя стадия уголовно-правового регулирования в средневековой Англии // История государства и права. 2003. № 2. С. 58.

дов Вестминстера (Glanvil, Coke, Mansfield, Denning). Так, начиная со времен Генриха II установилась идея вмешательства в правосудие через «королевские письма» и практика королевского влияния на другие суды через институт выездных судей или, как указывает В.В.Берви, «странствующих судей».¹ В этом наблюдался закономерный процесс последовательного стремления королевской власти взять под контроль законодательство и его реализацию (применение права). При этом данный процесс не имел респектабельной альтернативы и не встречал серьезного, в сравнении с континентальной Европой, сопротивления. Таким образом, возникло общее для всей Англии право («Common Law»)², для которого, в отличие от принципов континентального права, было характерно включение материальных начал большей частью в процессуальную систему уголовно-правового механизма³, отсутствие кодифицированного законодательства, превалирующее значение прецедентов – юридических предписаний, сформулированных судебной практикой на основе «stare decisis», и формирование судебного-обычного права («Case Law»), основанного на конкретных судебных прецедентах, наличие доктринального толкования закона, выступающего в качестве одного из источников права (напри-

1 См.: Берви В.В. Очерк судебного управления в Англии // Журнал Министерства юстиции. 1859. № 9 (сентябрь). С. 89–91.

2 См.: Богородский С.О. Очерк истории уголовного законодательства в Европе с начала XVIII века. Т. I. Киев: Университетская Типография, 1862. С. 9–11, 618; Виноградов П.Г. История правоведения. Курс для историков и юристов. Лекции, читанные в Императорском Московском Университете в осеннем семестре 1908/9 года / издание А.Ф.Изюмоа и Н.П. Невзорова. М.: Типо-Литография Ю. Венер, преимн. О. Фальк, Петровка, Рахмановский пер., д. Грачева. 1908. С. 193–194.

3 См.: Миттермайер К.Ю. Уголовное судопроизводство в Англии, Шотландии и Северной Америке / издание Унковского. М.: Типография Грачева и комп., 1864. С. 1–15, 28–52.

мер, показательно юридическое значение «книги авторитетов»). В частности, смысл принципа «*stare decisis*» сводился к необходимости судам руководствоваться имеющимися решениями судов (кроме палаты лордов, которая с 1966 г. не связывает себя своими же прежними прецедентными решениями – так называемая *The Practice Statment*¹⁾), вынесенным по аналогичным делам, а не законом, который зачастую просто отсутствовал для регулирования конкретных отношений. В результате сформировалась доктрина опоры на предыдущие судебные решения – прецеденты, накапливающиеся сравнительно единообразные решения по индивидуальным случаям, образующие некую общую юридическую норму. В связи с исследованием общего права Англии известный русский ученый М.М.Ковалевский указывал: «делая из охраны мира личное дело короля, отождествляя земский мир с миром королевским, полицейское законодательство англо-романского периода сделало из короля высшую инстанцию как полицейского, так и судебного управления. Пред этой инстанцией принуждены были склониться рано или поздно все и каждый из патримониальных судей страны... Первенствующая роль короля в деле охранения мира сделала невозможным с самого начала присвоение себе феодальными владельцами королевских прав *jura regalia* и прежде всего право казнить смертью и членовредительством. Надеясь феодальных владельцев вотчинной юрисдикцией, короли средневековой Англии в то же время постоянно удерживали за собою эти неотъемле-

1 Martin J. *The English Legal System*. 3rd ed. London: Hodder&Stoughton, 2002. P. 19–19, 23–25.

мые права государственного верховенства»¹. Эволюционируя, общее право приобрело прагматичный характер и практичность применения.

Нельзя не отметить ярко выраженное тяготение романо-германского права к кодифицированности, что имеет как безусловные «плюсы» (повышение доступности гражданина к закону, его ясность и логичность, директивность и поэтому относительная простота в обращении), так и соответствующие «минусы» (кодифицированный закон препятствует естественному развитию права, не охватывает все возможные случаи, требующие правового регулирования, инертен в применении, не основан на жизненном опыте, гипертрофирует роль законодательной власти в его принятии, снижает роль суда в регулировании общественных отношений). Обозначенные достоинства и недостатки кодификации требуют предметного изучения с позиций интерпретации данного явления российской правовой системой.

Очевидной особенностью романо-германского права выступает первичность материального права перед процессуальным, поэтому в регулировании общественных отношений основная роль отводилась законодательной власти, но не судебной. Материальное право подразделяется на публичное и частное. При этом частное право, имея предопределяющее значение в отношении к публичному, подвержено расщеплению на гражданское, коммерческое и международное частное право. В английском праве о таком делении не приходится говорить. Примат английского публичного права над частным, процессуального над материальным объясняется прерогативой *curia regis* в регулиро-

¹ Ковалевский М. Общественный строй Англии в конце средних веков. М.: Типография О.Б. Миллера. Покровка, Машков пер., д. №82, 1880. С. 268–269.

вании общественных отношений, в первую очередь государственно-публичного характера, тогда как частноправовые отношения находились в компетенции феодально-местных или иначе так называемых манориальных судов (*manorial courts*).

Высшим источником права в романо-германской правовой системе является законодательство, тогда как судебные решения выступают лишь средством его применения. Имеют место лишь «правовые обыкновения», позволяющие судьям действовать упорядоченно и в какой-то степени унифицированно. Как было отмечено, в системе общего права судебный прецедент имеет силу источника права и превалирует над законом, судебная практика и есть закон для суда – *cursus curiae est lex curiae*. Поэтому для континентальной системы свойственно тотальное господство права в его нормативном понимании, формальное отрицание возможности существования правовых норм вне законодательных актов; правоприменительные прецеденты всего лишь служат материалом, который может учитываться судьей при вынесении конкретного решения. В романо-германской правовой системе правоотношения пронизывают все стороны жизнедеятельности граждан, социально-правовой статус личности имеет жесткую «сцепку» с государственными институтами; для англосаксонской системы – ограничение пределов вмешательства публичных институтов в личную сферу человека и патерналистское отношение государства к гражданам, демонстрация индивидуальной ценности личности и независимости его *capitis deminutio*, её духовных и экономических свобод, избирательность правового регулирования общественных отношений.¹

¹ Также см.: Осаке К. Указ. соч. С. 12–16.

Рассмотрение атрибутивных особенностей романо-германской и англосаксонской правовых систем создает важные предпосылки для последующих выводов относительно методологических основ гармонизации уголовно-исполнительного законодательства России в условиях интеграции правовых систем. Так, анализ эволюционных изменений основных параметров правовых систем и преобразований самой правовой материи позволяет изложить два тезиса.

В соответствии с первым из них происходит культурно-правовое сближение между отдельными странами и, что наиболее симптоматично, между отдельными правовыми системами. В настоящее время такими процессами охвачены правовые системы романо-германского и англосаксонского права. Следовательно, и российская правовая система, относящаяся по основным параметрам к романо-германской правовой системе, охвачена процессом культурно-правового сближения с англосаксонской правовой системой.

Согласно второму тезису каждая из «сближающихся» правовых систем, обладая высокой социально-исторической развитостью, будет сохранять свою «самобытность», коренные ценности и начала каждой из них будут продолжать иметь органически включенные в правовую материю очертания. В этом процессе будет оставаться непоколебимой зависимость национальной правовой системы от её культурной идеологии и менталитета народа. Вместе с этим фарватер современного развития отечественного права должен находиться в русле универсальной юридической культуры и правосознания граждан, отражать так называемое «право цивилизованных народов».

Однако указанное «сближение» выступает лишь внешним проявлением соответствующих культурно-правовых процессов, которые, по мнению А.Г.Чер-

нявского, преобразуют правовую материю и её конструктивные особенности и могут быть названы правовой конвергенцией (интеграцией).¹ Цель правовой конвергенции состоит в обогащении права, её результат – «своеобразная интеграция в праве, при которой соединяются в единые правовые образования, в целостные юридические конструкции преимущества и достижения различных сфер права, разных систем... такие преимущества и достоинства, которые, казалось бы, отличаются чуть ли не полярной противоположностью, несовместимостью»². Также можно привести слова И.Я.Козаченко, справедливо считающего, что «любая правовая система, развиваясь даже в самых жестких рамках этнической автономии, обречена на интеграцию с другими, даже с "неродственными" ей правовыми системами»³. Думается, что такой внешней несовместимостью обладают системы англосаксонского и романо-германского права, однако их интеграция как раз способна привести к качественному обогащению права.

Явление правовой конвергенции подвергает правовую материю демократических стран некой интеграции, в данных странах появляются известные черты общности публично-правовых институтов, юридической техники и даже правосознания. В связи с этим Б.Свот замечает, что создание Европейского Союза явилось результатом появления нового социального

1 См.: Чернявский А.Г. Перспективы интеграции и гармонизации российской и европейской правовых систем // Российская и европейская правозащитные системы: соотношение и проблемы гармонизации : сборник статей / под ред. В.М. Баранова. Нижний Новгород, 2003. С. 209.

2 Чернявский А.Г. Указ. соч.

3 Козаченко И.Я., Койстинена Я. Проблемы сравнительного правоведения в сфере уголовного права России и Финляндии // Российский юридический журнал. 2010. № 1. С. 23.

права, генерирующего не только позитивное право, но и достоинства судебного прецедента, а также отличающегося широким применением судебных установлений.¹ Указанное обстоятельство позволяет рассматривать эти страны в единой культурной плоскости, примерять к каждой из них интеллектуальную суть права, видеть в правовой конвергенции не техническое лекало правовой материи, но тенденцию к совершенствованию права. В рассматриваемом явлении отражаются рациональные начала в совершенствовании права, обнаруживается стремление общественной мысли к конструктивной реализации прогрессивного опыта в области правоведения *viz.* гармонизации права.

Основой правовой конвергенции выступает наличие правовых потребностей (правовых проблем), тогда как её важнейшим условием выступает правило так называемой «презумпции идентичности», согласно которому существующие единые правовые потребности (правовые проблемы) для любой правовой либо национальной системы обеспечиваются (решаются) в какой-то мере единообразно. Наличие подобных потребностей, безусловно, отражает духовно-идеологические, культурно-цивилизационные либо социально-экономические особенности правовой системы и конкретных публично-правовых институтов, но в конечном итоге их удовлетворение воплощается в единообразном результате. Так, проблема обращения с осужденными всегда реализуется в исправительном воздействии на них, однако данное воздействие как самостоятельный публично-правовой институт имманентно отражает указанные особенности соответствующей правовой системы.

1 См.: Enforcing European Community Rules: criminal proceedings, administrative procedures and harmonization / edited by C. Harding and B. Swart. Aldershot, Brookfield USA, Singapore, Sydney: Dartmouth, 1996. P. 2.

Вместе с тем известен антипод правовой конвергенции – явление правового конформизма как стремление к модным и зачастую конъюнктурным преобразованиям в праве. Регрессивность таких преобразований состоит в излишнем «обхаживании» внешне прогрессивных идей правотворческого и правоприменительного характера без учета культурной идеологии и менталитета народа, «слепом» следовании авторитетному либо, наоборот, общему мнению, зачастую иностранного происхождения.

Инструментальной основой правового конформизма выступает рецепция права и правовая имплементация, первая из которых зачастую предполагает импортирование правовых институтов или так называемую трансплантацию права без всемерного учета их «приживаемости» и возможных негативных последствий отторжения правовой материей трансплантированных правовых институтов. Так, А.С.Карцов отмечает: «интенсивное заимствование правовых институтов и норм иностранного происхождения, обусловленное модернизацией, сопровождалось ослаблением и распадом исторически сложившихся социальности, государственности, культуры, а также дальнейшим разрывом между правовыми субкультурами групп, составляющих русское общество»¹. В результате правовой имплементации правовые явления переходят из одной правовой системы в другую в одностороннем порядке без взаимообогащения. Подобные явления являются результатом своеобразного «столкновения» и взаимного проникновения представителей правовых систем, находящихся на различных этапах (уровнях) социального развития. В условиях же универсализации

¹ Карцов А.С. Проблема рецепции в контексте консервативного правопонимания // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2008. Первый выпуск (№ 12). С. 69.

Тепляшин П.В.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ГАРМОНИЗАЦИИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ В УСЛОВИЯХ ИНТЕГРАЦИИ ПРАВОВЫХ СИСТЕМ : МОНОГРАФИЯ. КРАСНОЯРСК: СИБЮИ МВД РОССИИ, 2010.

правовых ценностей и стремления к общепризнанному уровню права, базирующегося на гуманитарных ценностях и демократических началах, важно критически переосмысливать явление правового конформизма.

В отечественном правовом поле явление правового конформизма (по сути, однопорядковыми явлениями выступают правовая стандартизация¹ и правовая унификация²) преимущественно проявляется в гипертрофированном понимании абсолютной ценности прав, свобод и законных интересов человека и гражданина без их надлежащего наполнения, выстраивания научно обоснованного вектора их реализации и создания действенных механизмов обеспечения данных элементов правового статуса. Экстраполируя данное утверждение на сферу исполнения уголовных наказаний, укажем следующую особенность. В настоящее время уголовно-исполнительная система выступает своеобразной «экспериментальной площадкой» верификации идеи непреклонного соблюдения и дальнейшего закрепления прав, свобод и законных интересов лиц, отбывающих уголовные наказания. В правоприменительной деятельности реальных шагов за черту апологии указанной идеи не наблюдается. В связи с этим можно привести мнение известного ученого В.М.Сырых о том, что «права личности, которые умиляют российских правоведов-идеалистов, преимущественно остаются не более чем вечерней сказкой для

1 См.: Лукьянова Е.Г. Основные тенденции развития российского права в условиях глобализации // Государство и право. 2004. № 7. С. 84–85.

2 См.: Саидов А.Х. Сравнительное правоведение и законоотворчество // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2006. № 1. С. 20.

взрослых».¹ В унисон указанному суждению профессор И.Л.Честнов отмечает: «права человека в нашей стране, как они представлены в Конституции, учебниках, выступлениях официальных лиц (в теоретическом правосознании) – идеологема, имеющая очень мало общего с реальностью, трансформирующаяся в туманную мифологию на уровне обыденного правосознания»².

В результате идея всемерного соблюдения и дальнейшего закрепления прав, свобод и законных интересов осужденных стала выступать непосредственным содержанием деятельности соответствующих субъектов по исполнению уголовных наказаний, тогда как должна быть скрепляющим компонентом правовой оболочки указанной деятельности. Ведь, как справедливо отмечает В.В.Мальцев, «в рамках уголовно-исполнительных отношений преимущественно осуществляются права и обязанности субъектов уголовно-правовых отношений. Соблюдение указанных прав и обязанностей, как и прав и обязанностей, непосредственно вытекающих из уголовно-исполнительного законодательства, следовательно, во многом является лишь средством реализации уголовной ответственности»³. При этом сама уголовная ответственность традиционно рассматривается как «основанное на уголовном законе и определяемое совершенным преступлением ухудшение правового статуса лица, заключающееся в

1 См.: Бобылев А.И., Миннихметов Р.Г. Актуальные теоретические проблемы правовой системы общества // Государство и право. 2004. № 7. С. 110.

2 Социальная антропология права современного общества : монография / под ред. И.Л. Честнова. СПб.: Санкт-Петербургский институт внешнеэкономических связей, экономики и права, Общество «Знание» Санкт-Петербурга и Ленинградской области, 2006. С. 126.

3 Мальцев В.В. Проблемы освобождения от уголовной ответственности и наказания в уголовном праве : монография. Волгоград: Академия МВД России, 2003. С. 65.

лишении или ограничении его прав и свобод, либо другое порицание виновного, выраженные в обвинительном приговоре суда»¹. Таким образом, произошла неоправданная с методологической точки зрения «подмена понятий» в ущерб собственно исправительной направленности уголовного наказания.

В силу таких рассуждений необходимо провести четкую границу между правовой конвергенцией и правовым конформизмом, поскольку первое явление гармонизирует национальное право и усиливает тенденцию цивилизованного правового развития, гармонически комбинирует национальную и заимствованную правовые традиции без противоречия самобытному социопсихологическому укладу общества, тогда как второе препятствует процессу эволюционного развития и совершенствования права, создает лишь патетичный образ прогрессивного, но не соответствующего глубинным социокультурным традициям и внутренним потребностям общества права, не имеющего подлинного вкрапления в правовую материю общественной мысли и единства интеллектуального содержания.

Правовая конвергенция имеет две основных сферы проявления – внешнюю, формирующую нормативные преобразования в правовой материи, и внутреннюю, отражающую эталонные преобразования в правовой материи. Характер указанных преобразований станет понятным после раскрытия сфер проявления правовой конвергенции.

Так, первая сфера проявления правовой конвергенции «обволакивает» диалектическое взаимодействие императивных и диспозитивных начал в праве, публично-правовых и частно-правовых юридических конструкций. В действительности результаты такого взаимодействия проявляются, с одной стороны, в утверждении

¹ Там же. С. 52.

важности социального статуса личности и её связи с государством, гарантирующих ролевую значимость каждого индивидуума в общественных отношениях и защиту его прав со стороны соответствующих публичных институтов, с другой – в непреложности индивидуальной ценности личности, её духовных и экономических свобод – сердцевины гражданского общества.

Вторая сфера проявления правовой конвергенции включает процесс формирования аксиологической парадигмы права. Выступая инструментом человеческой культуры, право имеет глубокие эволюционные формы, но еще более – беспредельные цивилизационные ареалы воплощения, поэтому предстоит познать еще более высокую и многогранную ценность права. Ведь, как указывает В.Нерсисянц, «история права как история форм (и норм) свободы показывает, что прогресс свободы в общественных отношениях, их либерализация осуществляется (и вообще в принципе осуществляется) как юридизация этих отношений, то есть распространение на эти отношения и их участников принципа формального (правового) равенства. Закон (и другие официально признаваемые формы и источники действующего "позитивного" права) – необходимая в условиях цивилизации форма и средство официально-властного признания, выражения и защиты исторически достигнутой в данном обществе степени прогресса свободы и права в человеческих взаимоотношениях, меры их либерализации и юридизации»¹. На этом основании аксиологическая парадигма права предполагает дальнейшее признание и конструктивное осмысление ценности права, его моделей, конструкций и механизмов, основа которых уже заложена в

¹ История права: Англия и Россия / рук. авт. кол. В.Нерсисянц, У.Батлер. М.: Прогресс, 1990. С. 6.

Тепляшин П.В.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ГАРМОНИЗАЦИИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ В УСЛОВИЯХ ИНТЕГРАЦИИ ПРАВОВЫХ СИСТЕМ : МОНОГРАФИЯ. КРАСНОЯРСК: СИБЮИ МВД РОССИИ, 2010.

различных правовых системах. В связи с этим следует подчеркнуть, что гармонизация права, в том числе в рамках национальной правовой системы либо даже отдельного правового института, невозможна без познания его аксиологической основы.

Органическое взаимодействие данных сфер, по сути, отражает сближение романо-германской и англосаксонской правовых систем. Так, первая символизирует ценность закона (нормативного правового акта), вторая – прецедента (казуса, закрепленного в судебной практике и выступающего эталоном применения). Как отмечается в специальной литературе, «возрастает роль прецедента и в странах романо-германской правовой семьи, доктрина которых ранее отрицала саму возможность существования правовых норм в иной, кроме официального нормативного правового акта или им санкционированного положения, форме»¹. По мнению В.Е.Усанова, «континентальные правовые системы признают прецедент в качестве одной из форм права и создают условия для его развития... ситуация наличия и признания фактического судебного право творчества существует и в современной России, что само по себе свидетельствует о том, что в процесс конвергенции её правовая система уже вступила»². Вместе с тем известна и тенденция отхода уголовного законодательства стран общего права от прецедента как единственного источника законодательства, кото-

1 Иванюк О.А. Прецедент: поиск законодательного определения // Законодательная дефиниция: логико-гносеологические, политико-юридические, морально-психологические и практические проблемы : материалы Международного «круглого стола» (Черновцы, 21–23 сентября 2006 года) / под ред. В.М.Баранова, П.С.Пацуркивского, Г.О.Матюшкина. С. 477.

2 Усанов В. Судебный прецедент: проблемы конвергенции в российскую правовую систему // Новая юстиция. 2008. № 1. С. 22.

рая обнаруживается уже во второй половине XX в.¹ В частности, начиная с первой половины 70-х годов прошлого столетия признается устаревшей концепция XVIII в. о судьях как *custos morum*, то есть лишь блюстителях нравственности, в силу чего стало декларироваться признание лишь за парламентом права относить какие-либо деяния к разряду преступных. Безусловно, данный вопрос остается дискуссионным до настоящего времени и его разрешение связано с перспективой принятия, в частности в Англии, кодифицированного уголовного закона.² Вместе с тем Д.Фримен в свое время лоббировал полностью воспринятую к настоящему времени идею «восстановления роли судебной власти» при определении, например, типа исправительного учреждения при назначении наказания, связанного с тюремным заключением, сокращением сроков тюремного заключения или решения вопросов условно-досрочного освобождения от отбывания данного уголовного наказания.³

Следовательно, первая сфера аккумулирует формально-нормативный характер преобразований правовой материи, вторая – эталонный, отражающий правовую сущность жизненных ситуаций, требующих соответствующего юридического разрешения. Взаимопроникновение данных сфер сублимирует юридические конструкции на качественно иной уровень, обо-

1 В частности, см.: Денис Я. Кодификация английского уголовного права // СССР–Англия: юстиция и сравнительное правоведение : материалы советско-английского симпозиума. М.: Институт государства и права Академии наук СССР, 1986. С. 6.

2 Денис Я. Указ. соч. С. 9–18.

3 См.: Фримен Д. Политика вынесения приговоров в английском праве и практике // СССР–Англия: юстиция и сравнительное правоведение : материалы советско-английского симпозиума. С. 32.

гащает интеллектуальное содержание права, приводит к гармонизации права.

Таким образом, правовая конвергенция (интеграция) выступает важной основой гармонизации права, включая уголовно-исполнительную сферу, в которой императивы прав человека неотделимы от индивидуального подхода к каждому осужденному. Таким образом, с учетом признания многих зарубежных прогрессивных моделей обращения с осужденными в науке уголовно-исполнительного права необходимо более конструктивно подходить к методу сравнительного правоведения; отечественное уголовно-исполнительное законодательство должно не просто декларировать международные пенитенциарные стандарты, но и соответствовать им, не просто сочетаться с судебно-юрисдикционной деятельностью, но и предполагать широкие возможности судебного порядка регулирования процесса исполнения наказания и исправительного воздействия на осужденных.

§ 2. НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА ГАРМОНИЗАЦИИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРАВА РОССИИ

Представляется важным рассмотреть методологические основы и авангардные направления влияния правовой конвергенции (интеграции) на гармонизацию отечественного уголовно-исполнительного права.

Правовая конвергенция (интеграция) и правовая гармонизация лежат в методологической плоскости международного и сравнительного права, их изучение неизбежным образом требует учета особенностей функционирования отечественного, иностранного и междуна-

родного права, а также анализа научно-теоретических достижений в области познания парадигмы правовых систем. Сравнительное право (сравнительное правоведение) отражает перманентные социальные потребности и так называемые социально-правовые явления компенсационного порядка. Как представляется, данные явления «прикрывают» своеобразные унификационные феномены, то есть имеющие универсальное значение очевидные правила или даже правовые институты (например, различные проявления естественных прав человека). В свою очередь, социальные потребности и явления компенсационного порядка выступают основой рассмотренного выше феномена современной юридической науки – правовой конвергенции.

Доминирующий вектор правовой конвергенции отражает прогрессивные тенденции в сфере международного права. Начиная с середины XX столетия в международном (в первую очередь публичном) праве наблюдается эскалация гуманитарных ценностей и правовых начал, что в целом свойственно и для внутреннего права. Однако данные тенденции показывают очевидный приоритет международного права над внутрисударственным.¹ При этом верным представляется замечание О.И.Тиунова о том, что широкий круг государств позволяет признать действующие международно-правовые стандарты в области прав человека обязательными для себя в силу их оптимальной «минимальности».² Как справедливо указывает Ю.Ю.Соковых, «интеграция России в европейское

1 В частности, см.: Craig P., Gráinne de Burca. EU Law. Text, Cases and Materials. 3rd ed. Oxford: Oxford University Press, 2002. P. 178–182, 189–190, 195–196.

2 См.: Тиунов О.И. Современные проблемы международного гуманитарного права // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2008. Первый выпуск (№ 12). С. 73.

Тепляшин П.В.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ГАРМОНИЗАЦИИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ В УСЛОВИЯХ ИНТЕГРАЦИИ ПРАВОВЫХ СИСТЕМ : МОНОГРАФИЯ. КРАСНОЯРСК: СИБЮИ МВД РОССИИ, 2010.

и мировое сообщество возможна при условии дальнейшего приближения отечественного законодательства и правоприменительной практики к международным гуманитарным стандартам¹. Ведь, по сути, культурное обогащение международного права опережает таковое в отношении внутринационального. В связи с этим М.А.Пшеничнов резонно отмечает, что в настоящее время «остро стоит проблема правового обеспечения реализации в России международных обязательств в области прав человека. В данной сфере гармонизация позволит равномерно сбалансировать международные и внутригосударственные средства обеспечения прав и свобод человека»².

Вместе с тем именно характер «повседневного» применения норм национального права позволяет говорить о его более высоком воспитательном воздействии в сравнении с международным правом. В свою очередь, развитость правового воспитания определяется правовой культурой как важнейшей предпосылкой формирования правового государства и гражданского общества. По мнению А.П.Плешакова, правовое воспитание предполагает не только целенаправленное освоение правовой культуры и конкретных нормативно-ценностных императивов, но и понимание общечеловеческих ценностей.³ В специальных исследованиях также указывается, что правовая культура может восприниматься как качественное состояние обществен-

1 Соковых Ю.Ю. Реализация международного гуманитарного права в законодательстве Российской Федерации: состояние и перспективы // Государство и право. 1997. № 9. С. 80.

2 Пшеничнов М.А. К вопросу о концепции гармонизации российского законодательства в контексте международно-правовых стандартов // Международное публичное и частное право. 2007. № 3. С. 33.

3 См.: Плешаков А.П. Правовая культура и становление новой российской государственности // Правовая культура. 2007. № 1. С. 48–49.

ной жизни, проявляющееся в ментальных отношениях между личностью и государством, «выражающих правовой генотип общества и характеризующих данное общество и государство через призму общечеловеческих ценностей»¹. Безусловно, что и правосознание граждан выступает важнейшим условием формирования современной правовой культуры общества даже не столько в рамках отдельного государства, но сколько в рамках целой правовой системы. Нельзя не согласиться с тем, что «состояние правовой культуры любого государства является важным показателем степени зрелости правовой системы. В правовой культуре... отражается достигнутый уровень прогрессивного развития общества»². Правовая культура находит отражение в правовой системе общества, поскольку показывая конкретно-историческую модальность права, абсорбирует соответствующий тип мышления, традиции, степень развитости науки, характер юридического образования и на этой основе демонстрирует самобытность права на фоне правовой системы мира. Как отмечает М.Н.Марченко, «правовая культура как часть Западной цивилизации является общей непосредственной базой, на которой возникают и развиваются как соответствующие национальные правовые системы, так и формируемые ими правовые семьи, а также

1 Сафронов А.А. Правовая культура личности в механизме устойчивого развития российского государства (теоретико-методологический анализ) : автореф. дис. ... к.ю.н. Ростов-на-Дону: Юридический институт МВД России, 2005. С. 11. Также см.: Медведев В.А. Правовая культура российского общества: особенности и тенденции развития : автореф. дис. ... к.ю.н. Казань: Чебоксарский кооперативный институт, 2004. С. 15, 20.

2 Агапов Д.А. Правовая культура как элемент гражданского общества // Правовая культура. 2007 . № 1. С. 11.

Тепляшин П.В.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ГАРМОНИЗАЦИИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ В УСЛОВИЯХ ИНТЕГРАЦИИ ПРАВОВЫХ СИСТЕМ : МОНОГРАФИЯ. КРАСНОЯРСК: СИБЮИ МВД РОССИИ, 2010.

их общие элементы...»¹. Давая оценку рассматриваемому явлению, А.П.Плешаков весьма точно замечает, что «правовая культура – едва ли не единственная глобальная форма воспроизведения ценностей и разнообразия национальных правовых феноменов – государственности, правопорядка, правовой системы»².

Таким образом, правовая культура личности формируется не столько на декларировании международных норм и стандартов, сколько на их интерпретации нормами национального права и действию в составе правовой системы страны. Так, совершенно прав, на наш взгляд, В.И.Горобцов в том, что «сегодняшняя ситуация в сфере исполнения уголовных наказаний в нашей стране в значительной степени зависит от стремления во многом копировать западный опыт, стремиться во что бы то ни стало "быть впереди Европы всей". ...Разработчики Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации 1996 г. излишне увлекались реализацией на уровне отечественного законодательства международно-правовых стандартов и опыта зарубежного законодательства без учета криминальной ситуации в России, исторических и национальных особенностей, предприняв своеобразную попытку "перепрыгнуть" в сфере исполнения уголовных наказаний от "тюремно-гулаговского" состояния мест лишения свободы к образцовым пенитенциарным учреждениям западного варианта»³. В связи с этим важ-

1 Марченко М.Н. Сочетание в правовой системе Евросоюза элементов романо-германского и англо-саксонского права (общие черты и отличия) // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2008. № 3. С. 28.

2 Плешаков А.П. Указ. соч. С. 47.

3 Горобцов В.И. Парадоксы отечественной реформы уголовно-исполнительной системы // Актуальные проблемы теории борьбы с преступностью и правоприменительной практики : межвузовский сборник научных трудов. Выпуск 7 / отв. ред. В.И. Горобцов. Крас-

но добиваться реализации именно общепризнанных пенитенциарных международных стандартов в отечественной практике исполнения уголовных наказаний, отказываясь от их «голословного» декларирования уголовно-исполнительным законодательством.

Указанные прогрессивные тенденции в сфере международного и внутринационального права позволяют продемонстрировать два взаимообуславливающих феномена. Во-первых, в мире интегрированного права появляется своеобразное «общее правовое состояние», так называемый «порог правосознания», имеющий универсальное значение и показывающий общепризнанный и вместе с тем соразмерный потребностям личности уровень права, базирующийся как раз на гуманитарных ценностях и правовых началах.¹ Как отмечает М.А.Пшеничнов, «гармонизация законодательства с позиции международно-правовых стандартов позволит выработать критерии пропорциональности, внутренней соразмерности содержания российских законов»², ведь международное право, закрепляя в соответствующих нормах общепризнанные принципы, в нормативно-концентрированном виде переводит их в национальное законодательство либо демонстрирует определенный социокультурный эталон. Поэтому с полной уверенностью можно указать, что задаваемое процессами правовой конвергенции влияние международного права на внутринациональное будет приводить к гармоничному сочетанию в отечественном законодательстве интересов личности, общества и государства, а также повышению роли в системе общественных отношений культуры прав человека. Данный

ноябрьск: Сибирский юридический институт МВД России, 2003. С. 115, 117.

1 См.: Чернявский А.Г. Указ. соч. С. 215.

2 Пшеничнов М.А. Указ. соч. С. 32.

феномен является одним из тех гуманитарно-правовых явлений, в которых обнаруживается суть гармонизации национального права.

Во-вторых, однопорядковые потребности правооборота выступают той центробежной силой, которая сближает правовые системы на каждом витке их эволюционного развития. На фоне подобного сближения англосаксонской и романо-германской правовых систем можно констатировать появление и уже прочное закрепление на мировой арене еще одного феномена – глобализации, который может быть представлен как «макромасштабный, многоплановый и внутренне противоречивый процесс нарастания общего в мировых системах: экономической, политической, социальной и правовой»¹. Глобализация выступает частью процесса, имеющего многовековую историю, связанную как с научно-техническим прогрессом, так и с объективным сближением правовых систем.² Как представляется, глобализация представляет собой в первую очередь политическую и экономическую интеграцию мирового сообщества. Анализ указанного явления в разрезе правовой гармонизации национального права позволяет говорить о его объективной природе и политической подоплеке³, поскольку в отличие от правовой конвергенции глобализация по своей сути не учитывает внутренних потребностей конкретных государств и лишь нивелирует их правовые системы. По мнению Дж.Виенера, феномен глобализации лежит в плоскости

1 Воздействие глобализации на правовую систему России / С.В.Поленина и др. // Государство и право. 2004. № 3. С. 5.

2 Манов Б.Г. Современное международное право в условиях глобализации // Международное публичное и частное право. 2008. № 1. С. 2.

3 О политико-правовых и мировоззренческих аспектах глобализации см.: Дамаскин О.В. Мировоззренческие и правовые аспекты сосуществования России и Запада // Современное право. 2007. № 11. С. 68–73.

процессов либерализации общественных отношений и укрупнения финансовых рынков, охвативших Европу и США с конца 50-х годов XX столетия.¹ Безусловно, на этой почве глобализация приводит в первую очередь к созданию правовых стандартов или, как отмечает В.Я.Любашиц, жизненно необходимой адаптации², но не к обогащению национального права, посредством взаимопроникновения сфер проявления правовой конвергенции. Хотя в целом следует признать справедливыми слова О.И.Тиунова о том, что процесс глобализации не только тесно связан с международным гуманитарным правом в области прав человека, но и помогает формировать общие стандарты международного права.³

Таким образом, правовая конвергенция, подчиняясь прогрессивным тенденциям в сфере международного и внутринационального права, выступает методологическим каркасом гармонизации национального права. Уголовно-исполнительное право, которое является органической частью отечественной правовой системы, попадая под влияние правовой конвергенции, также должно быть подвержено гармонизации. В частности, В.И.Горобцов справедливо указывал на то обстоятельство, что «процесс реформирования уголовно-исполнительного законодательства и уголовно-исполнительной системы в значительной мере предопределялся необходимостью приведения отечественной нормативно-правовой базы исполнения уголовных

1 См.: Wiener J. Globalization and the Harmonization of Law. London and New York: Pinter, 1999. P. 26–37, 42–51.

2 См.: Любашиц В.Я. Современное государство в глобализирующемся мире: проблемы теории // Правоведение. 2004. № 4. С. 204.

3 См.: Тиунов О.И. Интерпретация норм европейского гуманитарного права в российской правовой системе // Российская и европейская правозащитные системы: соотношение и проблемы гармонизации : сборник статей / под ред. В.М.Баранова. С. 169.

Тепляшин П.В.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ГАРМОНИЗАЦИИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ В УСЛОВИЯХ ИНТЕГРАЦИИ ПРАВОВЫХ СИСТЕМ : МОНОГРАФИЯ. КРАСНОЯРСК: СИБЮИ МВД РОССИИ, 2010.

наказаний в соответствии с международно-правовыми стандартами»¹. Вместе с тем уголовно-исполнительное законодательство не сразу отразило всю важность соответствия российского законодательства и практики его применения общепризнанным международным стандартам. Трудно не согласиться с И.В.Воронцовой в том, что наше «законодательство и практика его применения слишком медленного приводятся в соответствие с европейскими стандартами. В первую очередь это относится к отраслевому законодательству»². В частности, при принятии УИК РФ в ч. 1 ст. 3 данного нормативно-правового акта указывалось, что уголовно-исполнительное законодательство учитывает международные договоры Российской Федерации, относящиеся к исполнению наказаний и обращению с осужденными. Тем самым законодатель, по сути, только принимал к сведению факт наличия международных пенитенциарных эталонов, лишь в определенной степени корректировал в соответствии с ними механизм правового регулирования исполнения и отбывания уголовных наказаний, но не был обязан в точности их соблюдать. Однако, следуя по пути гармонизации уголовно-исполнительного права в части отражения объективной закономерности взаимодействия международного и внутригосударственного права, позже законодатель закрепил идею о непреложности примата международного права над национальным законодательством. Юридическим закреплением данной идеи явился Федеральный закон от 3 апреля 2008 г. № 40-ФЗ «О внесении изменений в статью 3 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации»³. Согласно новой редакции уголовно-исполнительное зако-

1 Горобцов В.И. Указ. соч. С. 110.

2 Воронцова И.В. Взаимодействие международного и внутреннего права государств // Современное право. 2007. № 11. С. 74–75.

3 Собрание законодательства РФ. – 2008. – № 14, ст. 1359.

нодательство Российской Федерации и практика его применения основываются «на Конституции Российской Федерации, общепризнанных принципах и нормах международного права и международных договорах Российской Федерации, являющихся составной частью правовой системы Российской Федерации, в том числе на строгом соблюдении гарантий защиты от пыток, насилия и другого жестокого или унижающего человеческое достоинство обращения с осужденными».

Данная новация отражает постулат ч. 4 ст. 15 Конституции России о закреплении общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации в её правовой системе. Включение в основу механизма правового регулирования уголовно-исполнительных отношений общепризнанных международных ценностей содействует формированию правовой культуры участников данных отношений, укрепляет необходимость добросовестного выполнения законодателем и правоприменителем международных обязательств России, приближает отечественную практику исполнения уголовных наказаний к прогрессивным пенитенциарным образцам и активизирует поиск национальных интересов и самобытных путей развития уголовно-исполнительного права.

В подобном методологическом ракурсе можно допустить рассмотрение гармонизации права как форму совершенствования национального права посредством правовой конвергенции. Однако гармонизация отечественного права осложняется отсутствием прочно укоренившихся в общественном сознании россиян универсальных правовых эталонов, перспективных традиций правового мышления, отражающих правовую сущность жизненных ситуаций. К сожалению, процесс естественного цивилизованного развития России оборвался тоталитарным государственно-полити-

ческим режимом, оказавшим соответствующее регрессирующее влияние на общественное сознание и отчасти разрядивший аккумуляцию правом ценностей гражданского общества XX столетия. Вместе с этим XXI столетие для отечественной правовой системы, вероятно, должно стать временем сложного процесса взаимодействия двух крайностей эволюционного развития права: освоения ценностей, характерных для прогрессивного мирового развития права, и поиска собственных самобытных правовых начал. Ad locum проблема гармонизации уголовно-исполнительного права России также находится в орбите подобного процесса эволюционного развития национального права. Можно привести в полной мере справедливые слова В.А.Толстика, указывающего: «перед Россией не стоит и не должна стоять задача механической гармонизации или, иначе говоря, слепого приведения национального законодательства в соответствие с европейским правом. Причем в данном случае речь идет не только и не столько о сравнении двух правовых систем с точки зрения: лучше-хуже, эффективнее-неэффективнее. Определяющим критерием должны выступать национальные интересы и возможности (прежде всего, экономические) государства на данном этапе обеспечить реализацию соответствующих норм»¹.

В методологическом смысле термин «гармония» может быть представлен как стройная, соразмерная и совместимая согласованность целого и входящих в него частей. При этом части целого образуют единую систему, выступая её элементами. В рамках проводимого исследования можно условно сказать, что одной

¹ Толстик В.А. Проблемы иерархического соотношения российской и европейской правозащитных систем // Российская и европейская правозащитные системы : соотношение и проблемы гармонизации : сборник статей / под ред. В.М.Баранова. С. 55.

из таких «частей» выступает уголовно-исполнительное законодательство России, «целым» – международный и зарубежный пенитенциарный правовой опыт. Основываясь на методе диалектического познания окружающей действительности можно утверждать, что взаимодействие указанных элементов носит сложный поэтапный и многоуровневый характер. Так, согласованность уголовно-исполнительного законодательства России с международным и иностранным пенитенциарным правом фактически сопряжена с прохождением четырех этапов на двух уровнях (см. таблицу 1).

Таблица 1

**МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ПОСТУПАТЕЛЬНОЙ ГАРМОНИЗАЦИИ
УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ**

1 уровень нормативно-правовой (позитивистский)			
<p>1 этап международное пенитенциарное право</p> <p align="center">↓</p> <p>обнаружение норм, требующих имплементации в правовую систему России</p>	<p>2 этап правовая система (романо-германская)</p> <p align="center">↓</p> <p>согласование с характером источников права и задачами публично-правовой охраны прав, свобод и законных интересов осужденного</p>	<p>3 этап система права России</p> <p align="center">↓</p> <p>согласование норм уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства</p>	<p>4 этап уголовно-исполнительное законодательство</p> <p align="center">↓</p> <p>внесение изменений и дополнений в уголовно-исполнительное законодательство России</p>
2 уровень естественно-правовой			
<p>1 этап международные пенитенциарные стандарты и принципы</p> <p align="center">↓</p> <p>обнаружение и обоснование идей, требующих внедрения в практику исполнения уголовных наказаний</p>	<p>2 этап правовая система (англо-саксонская)</p> <p align="center">↓</p> <p>согласование с характером источников права и механизмами судебного правоприменительного регулирования общественных отношений</p>	<p>3 этап российская правовая система</p> <p align="center">↓</p> <p>формирование правовой идеологии и правосознания, корректировка правоприменительной деятельности и реформа уголовно-исполнительной системы России</p>	<p>4 этап уголовно-исполнительное право</p> <p align="center">↓</p> <p>развитие идеи об охране прав, свобод и законных интересов осужденных в нормах уголовно-исполнительного законодательства и её надлежащая реализация в правоприменительной деятельности</p>

ТЕПЛЯШИН П.В.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ГАРМОНИЗАЦИИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ В УСЛОВИЯХ ИНТЕГРАЦИИ ПРАВОВЫХ СИСТЕМ : МОНОГРАФИЯ. КРАСНОЯРСК: СИБЮИ МВД РОССИИ, 2010.

В содержательно-прикладном смысле гармонизация права отражает динамическую сторону его развития, демонстрирует стройность, взаимодополняемость и совместимость права с потребностями личности, общества и государства, международного сообщества. Гармонизация права неотделима от современной динамики и перспектив развития законодательства. Опираясь на понимание идеи гармонизации права, разрабатываемой известными отечественными и зарубежными учеными, можно предположить, что данным явлением охватываются основные процессы совершенствования, унификации и специализации права.¹

Гармонизация законодательства имеет разнообразные сферы проявления: между отдельными правовыми нормами, конкретными правовыми актами, отраслями права, системами публичного и частного права, национальным и международным правом. При этом И.Л.Бачило совершенно справедливо указывает на усиление значения гармонизации законодательства по признаку полноты регулирования предметной области реальных общественных отношений и целостности массива нормативного материала по методам и приемам правового регулирования.² Гармонизация уголовно-исполнительного законодательства состоит в согласовании всех предметных областей общественных отношений во всех сферах проявления. Данная задача исключительно сложна и недостижима в рамках одно-

1 Напр., см.: Пшеничнов М.А. Формы дисгармонии российской и европейской правозащитных систем // Российская и европейская правозащитные системы: соотношение и проблемы гармонизации : сборник статей / под ред. В.М.Баранова. С. 141; Wiener J. Globalization and the Harmonization of Law. London and New York: Pinter, 1999. P. 1-10; Weatherill S. Law and Integration in the European Union. Oxford: Clarendon Press, 1995. P. 1-4.

2 См.: Бачило И.Л. Проблемы гармонизации в законодательстве // Журнал российского права. 2000. № 8. С. 85.

го исследования либо её результаты носили бы поверхностный характер. Поэтому необходим своеобразный методологический «срез» в исследовании гармонизации уголовно-исполнительного законодательства России. В нашем случае таким «срезом» выступает феномен сближения (конвергенции) правовых систем, позволяющий показать конкретные недостатки соответствующей отрасли права и продемонстрировать определенные ресурсы её совершенствования. С учетом же того обстоятельства, что указанный феномен имеет не только «статические», но и динамические признаки, то есть включает не только широкую научную парадигму, но и предполагает глубокие исторические корни, то фронт его интерпретации в целях гармонизации уголовно-исполнительного законодательства России отражает предметные, временные и пространственные параметры научно-теоретического исследования.

Гармонизация уголовно-исполнительного законодательства России в условиях интеграции правовых систем предполагает внутреннее согласование его норм со стандартами и правилами международного пенитенциарного права и нормами национального права конкретных государств, относящихся к «противоположной» правовой системе (семье) – англосаксонской. Ставится задача гармонизации законодательства трех в известной степени разноплановых субъектов, связанных иерархической зависимостью в обеспечении единства системы права. Решение данной задачи не сводится к реализации только требований юридической техники. Ведь процесс гармонизации нормативно-правовой материи между государственным и международным правом, а также между правом конкретных государств, относящихся, как правило, к различным правовым системам затрагивает проблему не только содержания, но и духа законов. Это предпола-

гает оценку качественного соотношения уголовно-исполнительного законодательства и его нормоустановлений реальному состоянию и потребностям отношений, подлежащих регулированию данным законом. При этом невозможно властно-волевым методом «подправить» данный закон, сблизив его по содержанию с другим аналогичным и даже в чем-то более «лучшим», но взятым из иной социальной среды. Следовательно, при гармонизации уголовно-исполнительного законодательства России необходимо учитывать наличие объективных условий сближения «духа» и «формы» законодательства – отечественного и европейского. Юридическая техника должна лишь оформлять уже имеющиеся фактические условия и сложившиеся модели разрешения той или иной жизненной ситуации, а феномен интеграции правовых систем – создавать стимул для такой гармонизации. Такая гармонизация должна охватывать согласование общих подходов к человеку и сущности его правового статуса, концепций развития пенитенциарных моделей и выработку соответствующих правовых принципов обращения с осужденными.

Таким образом, концептуальная идея гармонизации уголовно-исполнительного законодательства России состоит в том, что в условиях конвергенции правовых систем исследование и последующая реализация как международных стандартов в области обращения с осужденными, так и зарубежного пенитенциарного опыта способствует пониманию отечественных традиций, самобытного уклада и перспектив развития национального уголовно-исполнительного права и законодательства. Вне концептуального понимания значимости такого исследования пенитенциарная система России рискует остаться во власти стихийных процессов «слепого» заимствования зарубежных и международно-правовых стандартов и правил, сплошных

верификаций и экспериментов без необходимых смысловых ориентиров и исторически апробированных форм обращения с осужденными. Успех в реформировании отечественной пенитенциарной системы и совершенствование уголовно-исполнительного законодательства во многом зависят от готовности российской юридической науки удержать прогрессивные достижения прошлого и обогатить их культурно-правовыми ценностями сегодняшней эпохи.

Конкретным инструментарием гармонизации уголовно-исполнительного права выступает метод сравнительного правоведения, популярность которого растет по многим причинам, одной из которых, по мнению А.В.Малько и А.Ю.Саломатина, выступает «сближение национальных правовых систем и правовых семей (по крайней мере, в рамках отдельных отраслей права и правовых институтов)»¹. При этом важно подчеркнуть, что данный метод способен выступить инструментом не только для освоения ценностей права европейской (западной) цивилизации, но и для создания своеобразного зеркального эффекта, способного высветить направления поиска собственных самобытных правовых начал. С помощью данного метода возможно приближение к искомой цели – совершенствованию права либо, как отмечает И.Сабо, к познанию права², а его свойство демонстрировать контрасты правовой материи способствует построению методологического «фарватера» в исследовании направлений и пределов гармонизации отечественного права. Как

1 Малько А.В., Саломатин А.Ю. О роли сравнительного правоведения в современной правовой жизни // Правоведение. 2009. № 2. С. 128.

2 Подр. см.: Сабо И. Теоретические проблемы сравнительного правоведения // Сравнительное правоведение : сборник статей / составление, ред. и вступит. статья В.А. Туманова. М.: Прогресс, 1978. С. 62.

отмечают специалисты, «сравнительное правоведение играет весьма важную роль в процессе международной унификации и гармонизации права»¹. В отражении результатов использования метода сравнительного правоведения возможно будут понятны самобытные пути развития отечественного уголовно-исполнительного права и уголовно-исполнительной системы в целом.

По мнению Н.А.Лопашенко, знание зарубежного права необходимо для достижения по меньшей мере двух целей: 1) осознания качества (в том числе достоинств и проблем) национального законодательства и, соответственно, выработки перспектив, приоритетов и тенденций его развития; 2) создания эффективных программ международного сотрудничества в деле борьбы с преступностью и консолидации сил правоохранительных органов различных государств.² Как отмечает В.А.Номоконов, «во многих современных государствах совершенствование внутреннего законодательства осуществляется "с оглядкой" на зарубежное право. Мудрый законодатель стремится учитывать положительный опыт других государств в своей деятельности по совершенствованию собственного законодательства»³.

Следовательно, понять приоритеты, тенденции и перспективы развития национального правоприменительного опыта в области уголовно-исполнительного права можно только в соотношении с иными моделями

1 Быкова Е.В. Проблемы взаимодействия правовых систем на современном этапе // Международное публичное и частное право. 2008. № 3(42). С. 31.

2 См.: Лопашенко Н.А. Сообщение о защите диссертации «Уголовное право Италии: основные институты», представленной М.А.Игнатовой на соискание ученой степени кандидата юридических наук // Уголовное право. 2003. № 2. С. 138.

3 Уголовное законодательство России и стран АТР: компаративное исследование : монография / отв. ред. А.И.Коробеев. Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 2008. С. 8.

Тепляшин П.В.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ГАРМОНИЗАЦИИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ В УСЛОВИЯХ ИНТЕГРАЦИИ ПРАВОВЫХ СИСТЕМ : МОНОГРАФИЯ. КРАСНОЯРСК: СИБЮИ МВД РОССИИ, 2010.

правового регулирования конкретных общественных отношений. В этом смысле сравнительное право представляет собой важнейший инструмент такого изучения¹, является, по справедливому замечанию М. Анселя, «одновременно местом исследования, опытным полем и неисчерпаемым источником, из которого можно извлечь материалы, могущие послужить основой для создания права завтрашнего дня»².

В настоящее время парадигма сравнительного правоведения имеет впечатляющие научные достижения, которые могут быть положены в основу сравнительно-правового исследования в рамках конкретной отрасли права. При этом важность такого исследования в основном объясняется ценностью юридического опыта зарубежных стран для законотворческой и правоприменительной деятельности в сфере национального права, переосмыслением образовательного концепта, постепенно отторгающего так называемый «провинциализм» юридического образования, нарастанием глобального правового измерения, согласно которому право, не абсорбирующее базовые и прогрессивные общеправовые достижения, будет оставаться фрагментарным и изолированным инструментом локального действия.

В связи с обращением к методу сравнительного правоведения необходимо поддержать А.Х.Саидова, который отмечает, что компаративистская наука уже не предлагает законодателю готовые образцы или модели, взятые за рубежом, а дает возможность изучения зарубежного юридического опыта, как позитивного, так и негативного. По его мнению, такое «изучение

1 См.: Иванов Н.Г. Сравнительный метод в советском уголовном праве // Правоведение. 1988. № 2. С. 33–39.

2 Ансель М. Новая социальная защита (гуманистическое движение в уголовной политике) / пер. с франц. Н.С.Лапшиной ; под ред. А.А.Пионтковского. М.: Прогресс, 1970. С. 123.

отнюдь не ставит целью исключительно заимствование или подражание, хотя такой результат не исключен»¹. Также справедливо замечает Х.Н.Бехруз, что сравнительное правоведение направлено на корректное исследование различных правовых реалий в рамках правовой панорамы мира.²

Сравнительно-правовое исследование в уголовно-исполнительном праве представляет собой самостоятельное научное направление, основывающееся на цивилизационных достижениях пенитенциарной практики, выходящее за рамки позитивно-правового содержания самой отрасли права. Поэтому подобный вид исследования способен обогатить науку уголовно-исполнительного права интеллектуальным содержанием, придать ей методологически завершённый вид и цивилизационную ценность.

Предметом сравнительно-правового исследования в уголовно-исполнительном праве выступает правовая действительность России и зарубежных стран в сфере исполнения уголовных наказаний. Так, совпадающая в общих чертах история развития пенитенциарной науки в различных странах, наличие типичных концептуальных подходов и теоретических направлений, использование схожих методов исследования, процесс заимствования наиболее эффективных средств и методов исправления преступников, усиление международных контактов и взаимовлияний в этой сфере указывают на существование знаний, имеющих международное универсальное значение для всех стран мира в

1 Саидов А.Х. Сравнительное правоведение и законотворчество // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2006. № 1. С. 17.

2 См.: Бехруз Х.Н. Сравнительное правоведение как самостоятельная юридическая наука и учебная дисциплина // Журнал зару-

области исполнения наказаний. Указанные обстоятельства позволяют облегчить решение множества проблем в науке уголовно-исполнительного права. Необходимо, на наш взгляд, согласиться с мнением Ж.Сталева, полагающего, что именно в этом «состоит исключительная важность проблемного сравнения: оно заменяет дорогостоящее национальное правовое экспериментирование»¹. В этом смысле метод сравнительного правоведения выступает наиболее подходящим научным средством для обнаружения определенной типичности и целесообразности заимствования иностранных моделей обращения с осужденными. Содержание рассматриваемого предмета исследования может подвергаться определенной ротации, поскольку реалии развития общественных отношений меняют конфигурацию вопросов, входящих в соответствующую область исследования. Наличие обозначенного концепта исследования показывает научную зрелость и относительную самостоятельность уголовно-исполнительной компаративистики. Известны два подхода к сравнительно-правовому исследованию – нормативный и функциональный. Первый опирается на сопоставление юридических текстов, сходных юридических понятий и категорий, второй – на изучение способа решения в зарубежном праве соответствующей проблемы, имеющей значение для национального права. Следовательно, первый подход отражает «описательное» сравнение, выявляющее сходство и различие между правовыми институтами, относящимся к различным правовым либо национальным системам, тогда

бежного законодательства и сравнительного правоведения. 2007. № 2. С. 38.

¹ Сталев Ж. Сравнительный метод в социалистической правовой науке // Сравнительное правоведение : сборник статей / составление, ред. и вступит. статья В.А. Туманова. С. 43.

как второй – «теоретическое», направленное на научное познание потребностей национального права в соответствующем зарубежном образце. При этом важно привести мнение А.Х.Саидова, указывающего, что компаративистика не приемлет так называемого юридического позитивизма, то есть сугубо формального сопоставления отраслевых норм различных стран. Сравнению должны подлежать не только законы, но и подзаконные правовые акты, судебная практика, договоры, обычаи и практика применения законодательства.¹ Формируя обобщенное представление о практике применения соответствующих норм (в нашем случае – уголовно-исполнительных) и об отношении к соответствующей социальной проблеме и правовой доктрине функциональный подход в большей степени нежели нормативный отвечает запросам совершенствования национального права и поэтому видится наиболее приемлемым для решения задачи гармонизации уголовно-исполнительного права.

Как представляется, сравнительно-правовое исследование в сфере исполнения уголовных наказаний должно проводиться в двух культурно-правовых континуумах – историческом и современном. При этом «обращение к историческому юридическому опыту, умение черпать из него все необходимое для современных потребностей тем плодотворнее, чем выше общий уровень правовой культуры общества»². Более того, своеобразие англосаксонского права, оппозиционирующее континентальной системе права, прак-

1 См.: Саидов А.Х. Сравнительное гражданское право как наука и учебная дисциплина // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2007. № 1. С. 56.

2 Саидов А.Х. Сравнительное правоведение и законотворчество // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2006. № 1. С. 19.

Тепляшин П.В.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ГАРМОНИЗАЦИИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ В УСЛОВИЯХ ИНТЕГРАЦИИ ПРАВОВЫХ СИСТЕМ : МОНОГРАФИЯ. КРАСНОЯРСК: СИБЮИ МВД РОССИИ, 2010.

тически не позволяет проводить отличие между его правовой теорией и правовой историей, а не изучив истории становления и развития действующих правовых институтов, «трудно понять что-либо в учреждениях этой страны, потому что во всей истории Англии неизвестно ни одного момента, в который бы эта нация сердецедов, отрекшись от своего прошедшего, признала никуда не годным веками сооруженное здание своих учреждений и придумала бы построить новое на иных основаниях. Она постоянно оставляла неприкосновенным все существующее, разрушала только действительно уже негодное или, лучше сказать, давала возможность негодному разрушаться, заменяя его более совершенным»¹.

Таким образом, построение искомой модели отечественного уголовно-исполнительного права должно не только отражать унифицированные международные стандарты и правила в области обращения с осужденными,² но и посредством правовой интеграции использовать достижения в пенитенциарной сфере отдельных стран, а также «высвечивать» недостатки и, наоборот, показывать преимущества национальной системы исполнения уголовных наказаний. При этом достижения отечественного уголовно-исполнительного

1 Берви В.В. Указ. соч. С. 63.

2 Международному пенитенциарному сотрудничеству посвящен достаточно большой объем исследований (напр., см.: Трунцевский Ю.В. Международное пенитенциарное право : лекция. М.: Юрист, 2001. С. 10–25; Хуторская Н.Б. Европейское пенитенциарное сотрудничество // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2006. № 4. С. 10–11; Добрынина М.Л. Международно-правовые основы правового положения лиц, содержащихся в исправительных учреждениях // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2006. № 3. С. 18–21; Быкова Е.В. Значение передачи осужденных в международном сотрудничестве // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2007. № 3. С. 12–15).

права в основном отражают ценность закона, опираются на его непреложное верховенство в регулировании общественных отношений, но имеют значительное расхождение с широкими возможностями судебного порядка регулирования процесса исполнения наказания и исправительного воздействия на осужденных. Данная ситуация не позволяет сублимировать юридические конструкции на качественно иной уровень, обогатить интеллектуальное содержание права. Ведь, аккумулируя формально-нормативный характер преобразований правовой материи, сфера исполнения уголовных наказаний не обогащается эталонным содержанием, отражающим универсальное значение и общепризнанный уровень права, базирующимся как раз на гуманитарных ценностях и правовых началах. Такое обогащение отражает сближение романо-германской и англосаксонской правовых систем, поскольку первая из них как раз символизирует закон, вторая – прецедент. В связи с чем следует согласиться с А.Г.Чернявским в том, что «такого рода направленность современного правового развития России, ориентированного на максимальное использование потенциала культуры закона, вовсе не исключает известных шагов именно в направлении повышения значимости судебной практики, подготовки к тому, чтобы в перспективе поставить на службу формирования современной юридической системы России также и достижения прецедентного права»¹. Также необходимо поддержать мнение О.А.Пугиной о приобретении судебной практикой особого статуса в современной правовой системе России, поскольку «право как совокупность создаваемых и охраняемых государством норм, выра-

¹ См.: Чернявский А.Г. Указ. соч. С. 219.

женных в нормативных актах, оказалось недостаточным регулятором общественных отношений»¹.

Развивая мысль о роли интеграции правовых систем в гармонизации отечественного уголовно-исполнительного права, важно обратиться к методологическим основам общей теории права. Так, с позиций таких типов правопонимания как естественно-правовой и позитивистский важно говорить о гармоничном сочетании в механизме правовой регуляции признания (санкционирования) и закрепления (позитивации) прав и свобод человека. При этом исследователями отмечается, что «практически ни один из существующих типов правопонимания не может считаться в достаточной мере свободным от тех кризисных тенденций, которые проявились во всех сферах правового бытия, с необходимостью затронув также и область познания права. Но, быть может, самым существенным и все более явственно ощущаемым результатом сказанного становится дегуманизация самого права, утрата им человеческого измерения и превращение в самодавлеющую и самодостаточную совокупность объективных норм, не соотносимых (или соотносимых лишь с большим трудом) с реальным поведением конкретных индивидов»². В частности, в пределах практических потребностей и понимания ценности права нормативно-правовое закрепление естественных прав и свобод человека не может сводиться к механическому повтору общих (конституционных) положений о правах и свободах в конкретной отрасли права. Так, в ч. 2 ст. 1 УИК РФ формально провозглашается задача охраны прав, свобод и законных интересов осужден-

1 Пугина О.А. Правопреемственность как базовый элемент интеграции правовых систем // Современное право. 2006. № 7. С. 70.

2 Социальная антропология права современного общества : монография / под ред. И.Л. Честнова. С. 31.

ных без должного развития данного концептуального положения в нормах уголовно-исполнительного законодательства и надлежащего исполнения в правоприменительной деятельности. Одним из аргументов такого утверждения выступает отсутствие четкого понимания у правоприменителя характера и содержания законных интересов, охрана которых номинально провозглашается в указанной статье уголовно-исполнительного закона. Также законодатель неединообразно использует юридические приемы, обеспечивающие реализацию осужденными их основных прав. Например, в ч. 3 ст. 13 УИК РФ право осужденных на личную безопасность обеспечивается принятием начальником учреждения решения о переводе осужденного в безопасное место, тогда как в ч. 6 ст. 15 УИК РФ соответствующее должностное лицо должно рассмотреть в установленные законодательством Российской Федерации сроки предложения, заявления и жалобы осужденных и довести принятые решения до сведения последних. В первом случае законодатель менее императивно определяет вариант поведения субъекта правоприменения – уполномочивание, нежели чем во втором – долженствование. Данная аритмия правового регулирования уголовно-исполнительных отношений больше свидетельствует о юридическом хаосе, нежели о состоянии правовой гармонии.

В соответствии с либертарно-юридической теорией права, удерживающей познавательные моменты естественно-правового и позитивистского типов правопонимания, весь массив юридически значимого содержания права не может быть полностью и окончательно нормативно преобразован и выражен в виде действующей системы формально-юридических норм

позитивного права.¹ По мнению В.С.Нерсисянца, «та часть юридически значимого содержания прав и свобод человека, которая не получила своего конкретизированного выражения в виде определенных норм права в действующем позитивном праве, должна быть надлежащим образом (при помощи адекватных юридических средств, процедур, форм и т.д.) обеспечена и защищена в правозащитной и правоприменительной деятельности, в процессе рассмотрения и разрешения конкретных ситуаций и дел, затрагивающих права и свободы человека»². Следовательно, гармонизация уголовно-исполнительного права России должна строиться на сочетании формально-нормативного и судебноправоприменительного подходов в правовом регулировании уголовно-исполнительных отношений. Как представляется, такое сочетание возможно на фоне повышения роли отдельных форм права, например судебного акта, нормативного договора (договора с нормативным содержанием), усиления частноправовых начал в регулировании общественных отношений, нарастания процессуальности (процедурности) в механизме правового регулирования, гуманизации уголовно-исполнительной политики. Свойства интеграции правовых систем позволяют упрочить фундаментальные основы такого построения.

1 См.: Нерсисянец В.С. Процессы универсализации права и государства в глобализирующемся мире // Государство и право. 2005. № 5. С. 47.

2 Нерсисянец В.С. Процессы универсализации права и государства в глобализирующемся мире. С. 47.

ГЛАВА II

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ГАРМОНИЗАЦИИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ В УСЛОВИЯХ ИНТЕГРАЦИИ ПРАВОВЫХ СИСТЕМ

§ 1. РОЛЬ МЕЖДУНАРОДНЫХ ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ СТАНДАРТОВ И ПРАВИЛ В ГАРМОНИЗАЦИИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ

Эффективность норм уголовно-исполнительного законодательства, безусловно, во многом зависит от существующего уровня общественного и индивидуального правосознания и правовой культуры. Направленность и интенсивность внешнего ценностно-культурологического воздействия способствует гармонизации отечественного уголовно-исполнительного права. Такое воздействие в основном оказывается посредством международного права, которое призвано регулировать взаимовыгодное развитие национальных и правовых систем. Так, В.А.Фефелов совершенно справедливо отмечал, что для «формирования правового государства Российской Федерации правомерным стано-

Тепляшин П.В.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ГАРМОНИЗАЦИИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ В УСЛОВИЯХ ИНТЕГРАЦИИ ПРАВОВЫХ СИСТЕМ : МОНОГРАФИЯ. КРАСНОЯРСК: СИБЮИ МВД РОССИИ, 2010.

вится вопрос о приведении норм уголовно-исполнительного права, регулирующего общественные отношения в сфере исполнения уголовных наказаний, в соответствие с цивилизованными условиями отбывания наказания осужденными в местах лишения свободы, установленными в международно-правовых актах, и в частности "Стандартных минимальных правилах обращения с заключенными", принятыми ООН в 1955 г. и ратифицированными СССР в 1986 г.»¹. Данные слова остаются актуальными и по настоящее время.

Влияние международных стандартов на национальное законодательство осуществляется по таким основным направлениям, как целевая ориентация государственной политики в определенной сфере, императивное регулирование посредством соответствующих принципов, рекомендации, допускающие выбор правовых вариантов решений в процессе национального правотворчества.

При этом важно заметить, что «взаимодействие международной и национальных правовых систем охватывает не только право в его нормативном закреплении, правотворческую и правореализационную деятельность международных и внутригосударственных институциональных структур, но и такой важный компонент этих системных конструкций, как правосознание»². В этом смысле международное и европейское право позволяет удерживать не только позитивистский тип правопонимания, но и демонстрирует ценность ес-

1 Фефелов В.А. Социально-правовая востребованность цивилизации уголовно-исполнительного права Российской Федерации : учебное пособие. Уфа: Высшая школа МВД России, 1993. С. 38.

2 Гаврилов В. К вопросу о взаимодействии международной и национальных правовых систем в контексте идеологии и правосознания // Контакт России и стран АТР в правовом дискурсе / отв. ред. А.И.Коробеев. Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 2005. С.34.

тественно-правового содержания права. В частности, А.Ашвёс отмечает, что «единое европейское право обладает большей юридической силой нежели чем национальное право... Причиной здесь выступает то обстоятельство, что Международный уголовный суд был образован именно для реализации данного права и на основе соблюдения фундаментальных прав человека»¹.

Способы влияния международно-правовых норм на национальное законодательство можно сгруппировать следующим образом: 1) всеобщие принципы существования мирового сообщества и демократического развития государств (в частности, идея обеспечения прав человека); 2) доктринальное влияние в виде концепций и унифицированных стандартов; 3) функционально-договорные обязательства; 4) прецедентное влияние решений международных судов.² Данные способы в полной мере приемлемы и для уголовно-исполнительного законодательства, в рамках которого императивы публичных интересов государства неотделимы от необходимости всемерного обеспечения прав и свобод осужденных, соблюдения цивилизованных стандартов обращения с ними, постоянного обращения к судебным механизмам защиты лиц, отбывающих уголовные наказания.

В методологическом смысле исследование концептуальных основ влияния международных пенитенциарных стандартов и правил на формирование и развитие уголовно-исполнительного законодательства России предполагает культурно-антропологический анализ международной (западной) и российской моде-

1 Ashworth A. Principles of Criminal Law. 3rd ed. New York·Oxford: University Press, 1999. P. 63.

2 Подр. см.: Международное право и национальное законодательство. М.: Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, Эксимо, 2009. С.66.

лей обращения с осужденными, пенитенциарного сотрудничества, рецепции соответствующих образцов и правил исполнения уголовных наказаний.

Следует заметить, что международно-правовые ценности преломляются в силу культурологических особенностей правопонимания в конкретном обществе, поэтому содержание международного права и правоприменительная практика реализации международных пенитенциарных стандартов и правил должны находиться в определенной зависимости от ментальных стереотипов поведения (архетипа восприятия права) и правосознания граждан российского общества. При ближайшем рассмотрении данных ментальных стереотипов поведения становится понятно, почему такая европейская культурологическая ценность как индивидуализм в обращении с осужденными далеко не всегда приемлема для отечественной уголовно-исполнительной системы, в основе которой лежит идея коллективного отбывания наказания. Вместе с тем именно подобная культурологическая самобытность и определенное различие архетипов восприятия права приводит к стремлению обнаружить общие черты социально-правового развития, обмену накопленным опытом и в конечном счете к правовой интеграции. При этом с практической точки зрения именно интеграция правовых систем исключительно остро ставит проблему создания адекватной правовой основы взаимодействия и сотрудничества национальных пенитенциарных ведомств.

При этом важно подчеркнуть, что пенитенциарные правила, положенные в основу международно-правовых актов в сфере обращения с осужденными, базируются на традициях права стран Западной Европы, поскольку в целом формирование и активное развитие международно-правового взаимодействия с выработкой соответствующих универсальных стан-

дартов происходило между странами, традиционно являющихся представителями западной цивилизации. Так, по мнению профессора И.Л.Честнова, «то, что сегодня понимается под правами человека и что закреплено в международно-правовых актах, является исключительно западным явлением, обусловленным господствующими в эпоху модерна обменными отношениями, хотя предпосылки его можно обнаружить в религиозных догматах XI–XII вв. и периода реформации, закрепивших в общественном сознании и социальной реальности принципы индивидуализма, формального равенства и активистского, преобразовательного отношения к внешнему миру»¹.

Исследование концептуальных основ влияния международных пенитенциарных стандартов и правил на формирование уголовно-исполнительного права и законодательства России неотделимо от культурно-антропологического анализа ретроспективных процессов пенитенциарного сотрудничества и рецепции западных образцов обращения с осужденными, начало которым положено с генезиса восприятия отечественным правосознанием идеи прав человека.

Истоками восприятия западной идеи прав человека, в дальнейшем положенной в основу цивилизованных форм обращения с осужденными, выступает рецепция рационализированного законодательства стран Запада в связи с реформами Петра Великого. В дальнейшем результаты данной рецепции обусловили потребность в восприятии культурологических ценностей реформ западной цивилизации и повышения в некотором смысле пенитенциарного правосознания граждан российского общества. Вместе с тем восприятие европейских правовых образцов, начавших активно прони-

¹ Социальная антропология права современного общества : монография / под ред. И.Л. Честнова. С. 124.

Тепляшин П.В.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ГАРМОНИЗАЦИИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ В УСЛОВИЯХ ИНТЕГРАЦИИ ПРАВОВЫХ СИСТЕМ : МОНОГРАФИЯ. КРАСНОЯРСК: СИБЮИ МВД РОССИИ, 2010.

касть в российское правосознание при Петре I, было крайне затруднено прежними патриархальными нравами, бюрократизацией и пренебрежением власти собственным законодательством, внесудебным разрешением конфликтов. Ведь, как известно, «господство патриархальных ценностей практически всегда сопровождается консерватизмом в общественном развитии»¹.

В дальнейшем поступательное развитие права было вызвано возрастанием осознанного интереса к нему, поэтому и практически значимый рост интереса к субъективным и естественным правам человека, осознание его индивидуальности, столь важной в сфере обращения с осужденными, произошел лишь во второй половине XVIII столетия. Однако в условиях укрепляющегося абсолютизма персоналистский (индивидуалистический) тип культуры не имел должного успеха, поэтому известные попытки Екатерины II претворить в жизнь идеи европейского гуманистического либерализма по отношению к тюремной сфере остались не реализованными. По указанию Екатерины II формально было отменено наказание в виде смертной казни. Безусловно, эта и иные меры, направленные на гуманизацию отечественной системы уголовных наказаний и практику их применения, явились результатом влияния европейских гуманитарных идей. Как точно отмечает А.П.Спиридонов, «для развития уголовного законодательства периода царствования Екатерины II характерно заимствование в зарубежном уголовном праве не норм и правил конструирования законов, а прогрессивных, гуманистических по своему содержанию уголовно-правовых идей и принципов»². Вместе с

1 Социальная антропология права современного общества : монография / под ред. И.Л. Честнова. С. 199.

2 Спиридонов А.П. Взаимодействие российского уголовного права с системами права других государств: исторический аспект

этим именно социально-экономическая и политическая ситуация рассматриваемого периода времени не позволила их реализовать.

Кроме того, основные требования Проекта императрицы об устройстве тюрем 1787 г. не только в России, но и во многих других странах были в полном противоречии с действительным положением мест отбывания наказания в виде тюремного заключения. Прогрессивный характер данного Проекта (в том числе знаменитого Наказа) и отсутствие каких-либо реальных действий со стороны Екатерины по его претворению в жизнь не без основания порождает сомнения в его изначальной практической значимости, но позволяет отметить его лишь декларативно-демонстративное и политическое назначение.

Ведь, как известно, ко времени составления указанного Проекта идеи гуманизации наказания уже были известны в России. Так, А.В.Малько и А.Ю.Саломатин отмечают, что «первые признаки гуманизации уголовных наказаний обнаружили еще в XVIII в.».¹ В 90-х гг. XVIII столетия даже принимались меры к популяризации идей гуманизации. Имеется в виду первый в России юридический журнал, носивший следующее название: «Театр судоведения или чтения для судей и всех любителей юриспруденции, содержащий достопримечательные и любопытные судебные дела, юридические исследования знаменитых правоискусников и прочие сего рода происшествия, удобные просвещать, трогать, возбуждать к добродетели и составлять полезное и приятное времяпрепровождение.

// Научный вестник Омской академии МВД России. 2009. № 3(34). С. 41.

¹ Малько А.В., Саломатин А.Ю. О некоторых чертах модернизационных процессов в современных условиях // Государство и право. 2004. № 3. С. 23.

Тепляшин П.В.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ГАРМОНИЗАЦИИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ В УСЛОВИЯХ ИНТЕГРАЦИИ ПРАВОВЫХ СИСТЕМ : МОНОГРАФИЯ. КРАСНОЯРСК: СИБЮИ МВД РОССИИ, 2010.

Собрал Василий Новиков», в четвертой части которого был помещен перевод многих страниц из книги Дж.Говарда «Состояние тюрем в Англии и Уэльсе».¹ В статьях под заголовками «Всеобщее изображение бедствий, претерпеваемых в английских тюрьмах», «Худые обычаи в английских тюрьмах» и «Поправление, предложенное господином Говардом к строению и управлению темниц» переводчик и издатель журнала описывает такое бедственное положение английских тюрем, которое имело место и в России. По мнению М.Н.Гернета, имеются все основания думать, что данные статьи печатались не только для того, чтобы познакомить русского читателя с состоянием иностранных тюрем, но и для того, чтобы обратить внимание на положение тюрем в России.² Указанное свидетельствует, что в рассматриваемый период осмысление иностранного опыта в сфере уголовных наказаний и их исполнения со стороны России, а также государств Восточной Европы происходило лишь на познавательном уровне, без определенных практических шагов в сторону реального улучшения отечественного состояния тюрем и отбываемых в них наказаний (особенно со стороны государственных институтов).

Вместе с тем подобная практика послужила серьезным толчком к необходимости переосмысления смысла уголовного наказания. Однако отсутствовала общественная и государственная заинтересованность и, соответственно, потребность в улучшении состояния

¹ Как правило, используется указанный в тексте сокращенный вариант названия работы. Полное наименование следующее: «Состояние тюрем в Англии и Уэльсе, с предварительными замечаниями и описанием некоторых зарубежных тюрем и больниц» (см.: Howard J. The State of the Prisons. London: J.M. Dent&Sons Ltd.; New York: E.P.Dutton&Co.Inc, 1929. P. XX).

² См.: Гернет М.Н. История царской тюрьмы: в 5 т. 3-е изд. Т. I. 1762–1825. М.: Гос. изд-во юрид. лит-ры, 1960. С. 109–111.

тюрем и положения заключенных, необходимые социально-экономические предпосылки, способные послужить не только толчком, но и движущей силой реформирования тюремной сферы, а также понятная для всего общества и практически обоснованная для государства исправительная идея наказания, что приводило к наличию аверсивного отношения государственных властей к состоянию тюрем и положению заключенных, при котором считалось нормальным нахождение преступников в весьма ужасных условиях заключения.

Потребность в целенаправленном восприятии и практической реализации европейского пенитенциарного опыта появилась лишь в XIX столетии. При этом еще нельзя говорить о международных пенитенциарных стандартах в их современном понимании, но опыт обращения с осужденными в отдельных странах, с одной стороны, обусловил потребность его обсуждения на уровне международного сотрудничества, с другой – детерминировал формирование универсальных правил, имеющих весомую апробацию и показывающих общепризнанный уровень права, базирующийся как раз на гуманитарных ценностях и правовых началах. В Европе начиная с конца XVIII столетия зарождается гуманистическое движение, пересмотревшее смысл наказаний, основывающееся на нравственно-правовых теориях, уважении личности преступника и смягчении карательных притязаний государства. Произошел кризис идеи традиционно жестокого и нарочито публичного наказания. Идея воздаяния постепенно трансформировалась и взяла за основу концепцию о необходимом равновесии между наказанием и гуманностью, устанавливающей ограничения пределов карательного воздействия. Несомненно, высокую роль в формировании и популяризации обозначенного движения сыграли выдающиеся гуманисты конца XVIII –

начала XIX вв. – тюремный реформатор Дж.Говард, философы И.Бентам, У.Палей и Ч.Беккария, филантроп С.Ромильи. Представители движения Просвещения были противниками имеющегося состояния уголовного правосудия. Например, У.Палей в известной работе «Принципы нравственной и политической философии», изданной в 1785 г., особое внимание обращал на работу органов правосудия по вынесению ими справедливых наказаний, что, в частности, касалось тщательного установления судами всех обстоятельств дела, роли судов в превенции преступлений посредством вынесения адекватных, но вместе с тем гуманных наказаний. В основе обстоятельств, отягчающих вину, и, следовательно, бесспорности заслуженного наказания, согласно его рассуждениям, лежат три принципиальных условия совершенного деяния: повторность, жестокость и комбинация преступлений.¹ Ученый обосновывал многие частные принципы оценки совершенных противоправных деяний, назначения и исполнения наказания. Так, в свое время известный исследователь истории английского тюрьмоведения Дж.Хиз отмечал, что именно Палей первым среди его современников одобрял наказание за очевидное (при достаточных и весомых доказательствах) приготовление к преступлению,² обосновывал необходимость дифференциации тяжести наказания в зависимости от степени соучастия лиц в преступлении,³ исполнения наказания за преступления, совершенные группой лиц (шайкой), с учетом отдельного тюремного содержания

1 Paley W. The Principles of Moral and Political Philosophy. 16th ed. In Two Volumes. Vol. I. London: Printed for R. Faulder, New Bond-Street, 1806. P. 312–314.

2 Heath J. Eighteenth Century Penal Theory. Oxford: University Press, 1963. P. 18.

3 Heath J. Op. cit. P. 20.

виновных: особенно лидера от подчиненных, исполнителей от иных сообщников.¹

Можно сказать, что дух гуманизма эпохи Просвещения проистекал из «старшей и младшей школ». К первой относился Монтескье, Вольтер и Беккария, которые обрушили критику на теократическое учение о возмездии и одновременно с этим пытались рационализировать теорию устрашения. Главой «младшей школы» был неаполитанец Гаэтано Филанджери, который в отличие от представителей «старшей школы» особое внимание обратил на исправление наказуемого. В одной из главных работ – «Наука законодательства», написанной в 1783 г.,² он указывал на то обстоятельство, что наказание должно служить исправлению преступника. Развиваемая им идея о необходимости надзора за преступником послужила основой современной теории профилактики преступлений. В частности, он активно выступал за наказание в виде депортации в качестве реабилитационного метода, тогда как Ч.Беккария видел в этом наказании простое дистанцирование преступника от правопослушного населения.³ В связи с этим В.Н.Додонов совершенно точно отмечает: «с каждым десятилетием все более универсальный характер приобретает вектор уголовно-

1 Ibid. P. 297.

2 Имя и работы этого представителя эпохи Просвещения указываются с несколько различной интерпретацией. Так, в работе Эрика Аннерса – как Филангери, а работа – «Законодательная наука» (Аннерс Э. История европейского права (пер. со швед.). М.: Наука, 1996. С. 237–238), в переводах итальянских авторов – Филанджери «Наука законодательства» (Реале Дж., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней: в 3 т. Т. 3. Новое время / пер. С.Мальцевой; науч. ред. Э.Соколова. СПб.: Петрополис, 1996. С. 622–623).

3 См.: Беккария Ч. О преступлениях и наказаниях / сост. и предисл. В.С. Овчинского. М.: ИНФРА-М, 2004. С. 120 (напечатана с изданной в 1939 году книги в переводе профессора М.М. Исаева).

Тепляшин П.В.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ГАРМОНИЗАЦИИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ В УСЛОВИЯХ ИНТЕГРАЦИИ ПРАВОВЫХ СИСТЕМ : МОНОГРАФИЯ. КРАСНОЯРСК: СИБЮИ МВД РОССИИ, 2010.

правового развития, заложенный более двух столетий назад основателями классической школы. Превратившись со временем в неоклассическую школу и восприняв некоторые идеи у социологического направления, учение просветителей XVIII в. и сегодня определяет дух уголовного права, систему его нравственных ориентиров»¹.

Таким образом, уголовно-правовая доктрина эпохи Просвещения, заключившая в себе теорию рационализованного устрашения (значительно улучшенную гуманитарным наполнением) и секуляризированное учение о возмездии², сделав прорыв в нравственно-правовых теориях, стала приматом уголовно-судебной практики в Европе XIX в. Указанные обстоятельства послужили основой для движения в сторону тюремной реформы как на Западе, так и в России и способствовали возникновению новой научной отрасли – тюремоведению. В России распространяются идеи против жестоких наказаний и находят последователей призывы к гуманности в борьбе с преступниками. Как справедливо отмечает А.А.Иванов, «устрашение как цель наказания подвергается осуждению, и в результате многолетних дискуссий формируется качественно но-

1 Международное право и национальное законодательство. М.: Ин-т законодательства и сравнит. Правоведения при Правительстве Российской Федерации, Эксимо, 2009. С. 620.

2 Учение о возмездии секуляризовал (то есть перевел из разряда теократического в разряд светского) и тем самым придал ему адекватную тому времени идеологическую основу И.Кант в 80-е годы XVIII в. Смысл его идеи заключается в том, что преступление противоречит мировому, установленному метафизикой, состоянию всеобщего равновесия. Поэтому по принципу «переливающихся сосудов» для восстановления равновесия сил в природе последствия преступлений должны быть восполнены возмездием, иначе грех преступления останется на совести людей.

вое направление целей наказания – исправление и предупреждение».¹

Правовая интеграция России в европейское пространство в первой половине XIX в. привела к некоторым практически значимым заимствованиям наиболее прогрессивных пенитенциарных моделей. В частности, можно говорить о заимствовании идеи патроната. Впервые подобная организация возникла в Англии в 1816 г. с образованием Общества улучшения условий тюремного заключения (Society for the improvement of Prison discipline), оказывающего заботу о должной организации тюремного режима, а также осуществляющего попечение за освобождающимися, как правило, несовершеннолетними осужденными. В 1817 г. член данного Общества В.Венинг посетил Петербург, где, обследовав ряд тюрем, подготовил обстоятельный доклад на имя императора Александра I об условиях содержания заключенных и организации тюремного управления и с предложениями совершенствования организации тюремного дела. По-видимому, доклад произвел на императора неизгладимое впечатление, поскольку Александр I три раза собственноручно исправлял и дополнял предложения английского филантропа относительно совершенствования условий содержания заключенных и управления тюрем. На основании данной работы Александр I утвердил соответствующие правила для так называемого Общества попечительского о тюрьмах², которые функционировали последующие 32 года. В соответствии с данными правилами выдвигались пять требований к организации

1 Иванов А.А. Российская правовая наука рубежа XIX–XX веков и формирование личностного подхода в наказании // Журнал российского права. 2005. № 5. С. 127.

2 Встречаются и другие наименования: «Попечительное о тюрьмах общество» или «Попечительское о тюрьмах общество».

обращения с осужденными: ближайший и постоянный надзор над заключенными, размещение их по роду преступления или обвинения, наставление заключенных в правилах христианского благочестия, занятие их приличными упражнениями, заключение провинившихся или буйствующих из них в уединенном месте.¹ Общество попечительское о тюрьмах явилось первой благотворительной организацией в России, не считая приказов призрения, деятельность которой была направлена на организацию централизации тюремной части. Так, у тюрем впервые появилось более или менее стройное организационное единство в лице объединяющего их в управленческом плане Общества. Как достаточно справедливо отмечает К.К.Кораблин: «...благодаря опыту стран Западной Европы и Америки в области исполнения наказаний, зародившейся в России благотворительной деятельности, направленной на улучшение состояния тюремного ведомства... во второй половине XIX в. в отечественной пенитенциарной системе начинается неизбежный процесс гуманизации наказания и реформирования не только тюремного хозяйства, но и в целом всего института исполнения наказаний».² Однако, как указывает А.П.Печников, большинство мероприятий, направленных на улучшение тюрем того периода, оставались на бумаге, будучи так и не реализованными на практике.³

Дальнейший толчок к сближению России и Европы в пенитенциарной сфере был дан Николаем I. Известно, что император, находясь с визитом в Лондоне, по-

1 См.: Печников А.П. Указ. соч. С. 15–17, 242–243.

2 Кораблин К.К. История развития пенитенциарной системы в России : учебное пособие. Хабаровск: Дальневосточный юридический институт МВД России, 2001. С. 51.

3 См.: Печников А.П. Указ. соч. С. 30. Также см.: Галкин М.Н. Материалы к изучению тюремного вопроса. СПб.: Типография Второго Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1868. С. 7–48.

сетил уже положительно зарекомендовавшую себя Пентонвильскую тюрьму¹ и после этого выступил инициатором внедрения британского опыта организации тюремного дела в России. В результате в 1845 г. были образованы специальные комитеты и комиссии по выработке рекомендаций о преобразовании отечественной пенитенциарной системы. В этом же году и в связи с принятием Уложения о наказаниях уголовных и исправительных по инициативе Николая I был сформирован комитет, деятельность которого была направлена на устройство исправительных тюрем, организация которых во многом отражала принцип одиночного заключения, преобладающий в Пентонвильской тюрьме.² При этом, как отмечали исследователи того периода, наибольший успех имело именно английское тюремное управление. Так, с точки зрения чиновника департамента исполнительной полиции А.Пассека, система тюремного управления в Англии сосредоточено «в особом учреждении, члены которого находятся в постоянных, непосредственных сношениях с тюрьмами, ежегодно объезжая их, а наблюдение за местными тюрьмами в графствах подлежит особой инспекции. Оба учреждения, конечно, подчиняются министру внутренних дел»³.

Однако встречаются и противоположные высказывания относительно политики Николая I в области рецепции западного пенитенциарного опыта, а именно – обвинения императора в деспотизме и указания на то, что он являлся «поклонником монастырского заключе-

1 Тюремный комплекс, функционирование которого началось в 1842 году в Англии (северная часть Лондона).

2 См.: Гернет М.Н. Указ. соч. Т. II. 1825–1870. М.: Гос. изд-во юрид. лит-ры, 1961. С. 56–57.

3 Пассек А. Проект о преобразовании тюрем. СПб., 1867. С. 90 (цит. по: Печников А.П. Указ. соч. С. 56).

ния».¹ Думается, что данная «полюсность» представленной об отношении власти к реформированию теремной системы и содержательных констант наказания обусловлена инициативным характером рецепции зарубежного пенитенциарного опыта, все еще отсутствием в первой половине XIX столетия понятной для всего общества и практически обоснованной, рациональной для государства исправительной идеи наказания. Ведь как верно отмечает Л.М.Прокументов, «консерватизм и реакционность политической надстройки России первой половины XIX в. предопределили аналогичные особенности её правовой системы»². Ситуация начала меняться лишь с постепенным усилением воззрений в области гуманизации, исправительной идеи наказания и потребностей международного пенитенциарного сотрудничества. В первую очередь это привело к отмене либо сокращению применения смертной казни. Ведь, как справедливо отмечают А.Ю.Саломатин и Н.В.Долженкова, «...вопрос гуманизации уголовного права необходимо рассматривать через призму применения смертной казни»³. Так, в первой половине XIX столетия от применения смертной казни отказались Португалия, Голландия, Италия, Норвегия, большинство швейцарских кантонов. На протяжении всего столетия с пересмотром в 1832 г. и 1848 г. Уголовного кодекса 1810 г. снижалось применение смертной казни во Франции. Например, если в

1 См.: Фруменков Г.Г. Узники Соловецкого монастыря. Архангельск: Северо-Западное книжное издательство, 1970. С. 118.

2 Ольховик Н.В., Прокументов Л.М. Рецидивная преступность осужденных и её предупреждение. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2009. С. 15.

3 Саломатин А.Ю., Долженкова Н.В. Гуманизация уголовной политики в контексте модернизации права в Западной Европе и США (конец XVIII–XIX вв.) // Правовая политика и правовая жизнь. 2004. № 2. С. 154.

1811–1815 гг. ежегодно к данной мере наказания приговаривались в среднем по 264 человека, то в 1896–1990 гг. – уже только по 17 человек.¹ Хотя полностью смертная казнь во Франции отменена в 1981 г., в Германии в 1949 г.

Дальнейшее расширение и развитие международных отношений во второй половине XIX века затронуло самые разнообразные стороны правоохранительной деятельности государств. Как справедливо указывает В.А.Чирикин, «...широкое развитие международных отношений во второй половине XIX века, затронувших различные стороны жизни отдельных государств, не могло не коснуться и правоохранительной деятельности последних, направленных на борьбу с возрастающей преступностью»². А.П.Печников отмечает, что начиная с 1862 г. отечественными правоприменителями и учеными исследовался пенитенциарный опыт практически всех ведущих в то время западноевропейских стран. Министерство внутренних дел Российской империи поставило перед собой весьма перспективную цель – изучение зарубежного пенитенциарного опыта для того чтобы на его основе выбрать доступную для России модель пенитенциарной системы. Была проделана огромная аналитическая работа по изучению зарубежных пенитенциарных систем практически всех европейских государств с целью приспособления к российской тюремной действительности. При этом «исследователи обращали внимание не только на уч-

1 См.: Пионтковский А.А. Смертная казнь в Европе. Казань: Типо-литография Императорского Университета, 1908. С. 6–20.

2 Чирикин В.А. Международное сотрудничество правоохранительных органов России по борьбе с преступностью (1861–1917 гг.) : дис. ... к.ю.н. М.: Академия управления МВД России, 1999. С. 36. Также см.: Нигматуллин Р.В. К вопросу становления международного сотрудничества государств по борьбе с преступностью // История государства и права. 2005. № 8. С. 14–19.

Тепляшин П.В.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ГАРМОНИЗАЦИИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ В УСЛОВИЯХ ИНТЕГРАЦИИ ПРАВОВЫХ СИСТЕМ : МОНОГРАФИЯ. КРАСНОЯРСК: СИБЮИ МВД РОССИИ, 2010.

реждения, исполняющие наказания в виде лишения свободы, но и на органы управления ими, включая кадровый состав, то есть на всю уголовно-исполнительную систему иностранного государства в целом, рассматривая её в самом широком смысле»¹.

Вместе с тем рецепция европейских моделей обращения с осужденными, осуществляемая посредством международного пенитенциарного сотрудничества, затормаживалась отсутствием законодательного закрепления ряда личных и гражданских прав, медленным действием результатов судебной реформы, незавершенностью отраслевой дифференциации законодательства. Сложно не согласиться с А.В.Мелешниковым, указывающим, что «если историю российского права рассматривать вне контекста развития Западной Европы, то реформы второй половины XIX века можно было бы расценивать как "прорыв" в гуманитарном направлении. Но если, например, вспомнить, что английский Habeas corpus act (Акт лучшем обеспечении свободы подданного) был принят уже в 1679 г., то следует признать, что Россия с данными реформами отстала от стран Запада на период, примерно равнозначный периоду татаро-монгольского господства на Руси»². При этом подобные ретроспективные особенности отечественной правовой системы отчасти характерны и для современной России.

В советский период характер международного сотрудничества имел сугубо политико-прагматичный характер. Как справедливо отмечает С.А.Рожков, до конца 1980-х гг. советская исправительно-трудовая

1 Печников А.П. Указ. соч. С. 63–64.

2 Мелешников А.В. Историко-правовые предпосылки согласования российской и европейской правозащитных систем // Российская и европейская правозащитные системы: соотношение и проблемы гармонизации : сборник статей / под ред. В.М. Баранова. С. 30.

система была закрыта для международных стандартов обращения с осужденными.¹ Поэтому международные пенитенциарные стандарты, закрепленные, в частности, в Минимальных стандартных правилах обращения с заключенными 1955 г., практически не были восприняты советской исправительно-трудовой системой и законодательством. Из сугубо информационного и в известной степени ограниченного значения этих стандартов в советский период они стали существенным фактором радикальных преобразований в современной уголовно-исполнительной политике и одним из критериев «цивилизованности» отечественной системы уголовной юстиции в целом.

В соответствии с ч. 4 ст. 15 Конституции России «общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора». Однако международные стандарты в области обращения с осужденными фактически представляют собой не международные соглашения, а акты международных правительственных организаций. Следовательно, они не нуждаются в ратификации и не обладают обязательной юридической силой. Рассматриваемые стандарты в целом носят рекомендательный характер, что, как правило, отражено в их содержании. Не имея обязательного законного статуса в международном праве, они широко признаны международным сообществом в качестве правил, отражающих фактически существующее положение в наи-

1 См.: Рожков С.А. Международные стандарты обращения с осужденными и уголовно-исполнительное законодательство РФ // Вестник Пермского университета. 2009. Выпуск 1(3). С. 128.

Тепляшин П.В.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ГАРМОНИЗАЦИИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ В УСЛОВИЯХ ИНТЕГРАЦИИ ПРАВОВЫХ СИСТЕМ : МОНОГРАФИЯ. КРАСНОЯРСК: СИБЮИ МВД РОССИИ, 2010.

более прогрессивных системах обращения с осужденными. Вместе с тем в резолюциях как ООН, так и Европейского Совета предусмотрен контроль за реализацией международных стандартов с тем, чтобы сохранить в международном масштабе их высокий авторитет и политический статус.¹

Однако если Россия присоединяется к какому-либо международному документу, определяющему стандарты обращения с осужденными, принимает обязательства по его исполнению или тем более ратифицирует его, то необходимо последовательно претворять его в жизнь. В частности, согласно Федеральному закону от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» «международным договорам принадлежит важная роль в защите основных прав и свобод человека... Международные договоры Российской Федерации наряду с общепризнанными принципами и нормами международного права являются в соответствии с Конституцией Российской Фе-

¹ Однако категоричность рассуждений здесь не уместна. Например, тюремная политика Англии и Уэльса, США не имеет яркой направленности на принятие многих международных обязательств в сфере исполнения уголовных наказаний и реализации стандартов обращения с осужденными. Вместе с тем сложно говорить о низком уровне пенитенциарных технологий и отсутствии традиционно прогрессивных идей в сфере обращения с осужденными в национальных уголовных системах этих стран. Причина такого положения дел проста и видится в следующем. Теория, законодательство и тюремная практика Британии и США исторически являлись общепризнанными эталонами мировых пенитенциарных реалий. Эти страны можно бесспорно назвать «законодательницами моды» в этой области, тюремная система и право которых имеют многовековой исторический опыт, получивший мировую известность и признание. Поэтому эти страны неизменно поддерживают собственную уголовную политику, пока не намерены менять ее и пристраиваться к иным стандартам предупреждения преступности.

дерации составной частью ее правовой системы»¹. Кроме того, общеизвестные позиции Конституционного Суда Российской Федерации демонстрируют приоритет общепризнанных принципов и стандартов в области прав и свобод человека перед законом и даже конституционным регулированием исходя из специальных норм, закрепленных в ч. 1 ст. 17 и ч. 4 ст. 15 Конституции РФ. Так, Т.Г.Морщакова отмечает, что «согласно позиции Конституционного Суда из значения принципов и норм международного гуманитарного права в качестве ориентира для конституционного развития вытекает, что место этих общеобязательных положений в правовой системе России обеспечивает их безусловный примат в случаях коллизий с национальным законом»². Реализация международных обязательств в этом случае является «делом чести» для России, их неисполнение может существенно подрывать международный политический авторитет страны и принести тем самым существенный вред внешнеполитическим интересам. Так, на заседании президиума Государственного совета, проходившего 11 февраля 2009 г. в Вологде, Президент России Д.А.Медведев в рамках обсуждения вопроса о состоянии уголовно-исполнительной системы и подходов к её долгосрочному развитию на период до 2020 г. указал на необходимость приведение всей пенитенциарной системы и законодательства в полное соответствие с международными стандартами.³

1 Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – № 29, ст. 2757.

2 Морщакова Т.Г. Доктринальные основы имплементации международных стандартов прав и свобод средствами конституционного правосудия // Право. 2008. № 1. С. 11.

3 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/transcripts/3148>

Можно выделить несколько путей влияния рассматриваемых стандартов на отечественное уголовно-исполнительное законодательство: 1) обеспечение максимальной открытости правовых основ исполнения наказаний; 2) юридическое определение соотношения международных стандартов и отечественного уголовно-исполнительного законодательства; 3) влияние международных стандартов на определение задач и принципов пенитенциарного законодательства, а также в целом на отечественную уголовно-исполнительную политику; 4) использование международных стандартов при толковании норм уголовно-исполнительного законодательства. В границах указанных направлений происходит постепенная гармонизация уголовно-исполнительного законодательства и отечественной практики исполнения наказаний. Так, следуя по пути гармонизации уголовно-исполнительного права в части отражения объективной закономерности взаимодействия международного и внутригосударственного права законодатель Федеральным законом от 3 апреля 2008 г. № 40-ФЗ «О внесении изменений в статью 3 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации»¹ закрепил идею о непреложности примата международного права над национальным законодательством.

При этом к числу основных факторов, препятствующих практической реализации международных стандартов обращения с осужденными, необходимо отнести невысокую оплату труда осужденных, недостаточную защиту осужденных от негативного влияния «тюремной субкультуры»; нарушения законности в деятельности персонала исправительных учреждений; слабую эффективность помощи освободившимся из мест

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. – 2008. – № 14, ст. 1359.

лишения свободы и постпенитенциарной адаптации.¹ Также реализацию международных стандартов осложняют следующие обстоятельства: 1) недостатки ресурсного обеспечения и финансирования; 2) рост преступности, закономерно сопровождающийся усилением «карательных притязаний» общества и увеличением числа заключенных; 3) относительное падение престижа профессиональной уголовно-исполнительной деятельности и соответственно снижение качества организационной и воспитательной работы; 4) содержание заключенных в основном в колониях, где степень социальной изоляции ниже, нежели в тюрьме. В результате между «свободой» и «несвободой» не так значительна разница, как при тюремном заключении, что снижает исправительный эффект наказания. Кроме того, стандарты нацелены в основном на реализацию прописанных в них правил применительно к тюремному заключению, а не к так называемой «колонийской» системе; 5) особенности территории и климатических условий России, многонациональный состав её населения.

Важно заметить, что влияние международных пенитенциарных стандартов на российскую практику исполнения уголовных наказаний, в первую очередь связанных с лишением свободы, оказывается не только в отношении естественных прав осужденных, повышения средств их правовой защиты и безопасности, профессионализма персонала исправительных учреждений, но и дифференциации режимных требований и юридических условий отбывания наказания. При этом именно данный аспект функционирования отечественной уголовно-исполнительной системы нуждается в реформировании, внутренней и международ-

¹ В частности, см.: Добрынина М.Л. Международно-правовые основы правового положения лиц, содержащихся в исправительных учреждениях // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2006. № 3. С. 21.

но-правовой гармонизации. В частности, рассматривая проблему реализации международных стандартов в области прав человека при исполнении пожизненно-го лишения свободы В.Ф.Цепелев и Е.Н.Казакова справедливо отмечают: «жесткая степень изоляции и социальная депривация, бессрочность наказания, низкая степень дифференциации условий содержания, сроков перевода с одних условий на другие... свидетельствуют, что условия содержания пожизненно осужденных в полной мере не соответствуют жизни в обществе, их человеческому достоинству и не способствуют их ресоциализации»¹. Развивая данную мысль, исследователи приходят к аргументированному выводу о том, что длительный период изменения условий отбывания наказания и высокие формальные требования к условно-досрочному освобождению данной категории осужденных приводят к утрате социально-адаптивных навыков поведения, потере навыков социально-одобряемого поведения, развитию регресса личности. Так, «согласно международным документам, применительно к пожизненному лишению свободы пересмотр приговора должен осуществляться после отбывания срока лишения свободы от восьми до четырнадцати лет и повторяться через регулярные промежутки времени».² В данном случае имеется в виду резолюция (76) 2 Комитета министров Совета Европы об обращении с лицами, осужденных к длительным сроком заключения, одобренная 17 февраля 1976 г.³

1 Цепелев В.Ф., Казакова Е.Н. Международные стандарты в области прав человека и их реализация в процессе назначения и исполнения пожизненного лишения свободы // Российский криминологический взгляд. 2008. № 3. С. 257.

2 Цепелев В.Ф., Казакова Е.Н. Указ. соч. С. 258–259.

3 Международные акты о правах человека : сборник документов. М., 1998. С. 217–225.

В связи с вышеизложенным необходимо обратить внимание на особенности функционирования отечественной прогрессивной системы исполнения наказания, которая уже давно не соответствует потребностям правоохранительной деятельности. В частности, как верно замечает старший прокурор управления по надзору за законностью исполнения уголовных наказаний Генеральной прокуратуры Российской Федерации С.Березиков, «в самом механизме исполнения лишения свободы заложены факторы, в определенной мере продуцирующие повторную преступность... совершенствование дифференциации исполнения наказания – одно из направлений предполагаемых изменений»¹. В связи с этим прокурором отмечается низкий показатель изменения условий в исправительных учреждениях, который в среднем по России составил в 2008 г. 9,4%, и предлагается выделить дополнительные подгруппы лиц, отбывающих наказание в обычных условиях. Также С.Березиков верно подмечает, что уголовно-исполнительное законодательство не раскрывает сущности института условий отбывания наказания, определения добросовестного отношения к труду, что препятствует их более глубокой дифференциации с учетом различных степеней исправления осужденных.² Как представляется, данные предложения в целом соответствуют европейским пенитенциарным стандартам в области дифференциации осужденных. Вместе с тем принципиальное решение данной проблемы должно быть неотделимо от гарантий соблюдения прав осужденных, связано с расширением процедурных механизмов регулирования уголовно-исполнительных отношений и как следствие с созда-

1 Березиков С. Условия отбывания наказания в исправительных учреждениях надо менять // Законность. 2009. № 6. С. 41.

2 См.: Березиков С. Указ. соч. С. 42–43.

Тепляшин П.В.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ГАРМОНИЗАЦИИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ В УСЛОВИЯХ ИНТЕГРАЦИИ ПРАВОВЫХ СИСТЕМ : МОНОГРАФИЯ. КРАСНОЯРСК: СИБЮИ МВД РОССИИ, 2010.

нием института пенитенциарного суда, в компетенцию которого необходимо включить и решение вопросов о переводе осужденных из одних условий отбывания наказания в другие. Однако грядущая реформа отечественной уголовно-исполнительной системы¹ фактически связана с переходом от «колонийской» к «тюремной» модели размещения осужденных, расширением практики технического надзора за осужденными (имеется в виду новая модель ограничения свободы) и «трудотерапии» с перспективами введения нового наказания в виде принудительных работ. Из выступления директора Федеральной службы исполнения наказания России А.А.Реймера на расширенном заседании коллегии ФСИН России 19 февраля 2010 г. следует, что поскольку уголовная и уголовно-исполнительная политика базируются на общих принципах и положениях социальной политики государства, вопросы совершенствования деятельности уголовно-исполнительной системы, ее реформирования, неразрывно связаны с необходимостью совершенствования уголовного и уголовно-процессуального права, судебной и административной политики. Именно эти выводы положены в основу начатого масштабного реформирования уголовно-исполнительной системы и отказе современной уголовно-исполнительной системы от исторического наследия в виде исправительно-трудовых колоний, которые по большому счету остаются отретушированным вариантом исправительных лагерей с присущим им укладом жизни. Устаревшая система коллективного содержания осужденных в значительной степени способствует распространению криминальной субкультуры, сплочению криминально ориен-

¹ Подр. см.: Реформирование уголовно-исполнительной системы: теоретический проект : учебное пособие / под общ. ред. А.А. Реймера. М., Рязань: Академия ФСИН России, 2009. С. 4–58.

тированного спецконтингента.¹ В связи с этим важнейшая направленность реформы уголовно-исполнительной системы состоит в специальном предупреждении преступности. По существу, реформа олицетворяет отход от так называемого «реабилитационного идеала» к концепции контроля, поскольку усиливает предупредительный потенциал уголовных наказаний.

Кратко можно сформулировать восемь основных пунктов реформы уголовно-исполнительной системы России, планируемой завершиться к 2020 г.

1. Путем широкого применения таких мер пресечения, как залог, домашний арест и поручительство, сокращение лиц, содержащихся под стражей.

2. Сокращение лиц, осуждаемых к реальному отбыванию лишения свободы, за счет расширения практики применения альтернативных уголовных наказаний. Применение новых наказаний в виде ограничения свободы и в перспективе – принудительных работ.

3. Построение УИС по принципу «социальных лифтов», предполагающему систему стимулов для осужденных. Данная идея направлена на перемещение осужденных из социальных «трущоб» в социально приемлемые условия жизни, а затем и полную адаптацию бывшего преступника для созидательного существования путем предоставления возможности трудоустройства, помощи в восстановлении социально-полезных связей.

4. Строгое соблюдение принципа сепарации, то есть раздельное содержание лиц с различными степенями общественной опасности. Предполагается соблюдать данный принцип не только путем классификации осужденных при назначении вида исправительного учреждения, но и в процессе исполнения на-

1 <http://www.fsin.su/main.phtml?aid=2741>.

[Электронный ресурс].

URL:

казания путем расширения видов режима отбывания наказания.

5. Расширение практики применения тюремного режима содержания осужденных (как правило, по 4 человека в камере). В течение 2012–2016 гг. планируется реорганизация действующих исправительных колоний под тюрьмы и строительство новых тюрем для содержания до 300 тысяч осужденных. Для примера – в настоящее время в России насчитывается 7 тюрем, в которых содержатся всего 2,8 тысяч осужденных.

6. Почти полная ликвидация исправительных колоний (возможно, будут оставлены ИК особого режима) и переход от «колонийской» к «тюремной» системе исполнения лишения свободы. Предполагается обратиться к европейскому опыту размещения осужденных по камерно, что якобы снизит отрицательное взаимовлияние осужденных и приведет к полному уничтожению неформальной субкультуры среди осужденных.

7. Для лиц, не представляющих высокой общественной опасности, но социально маргинализованных, – создание системы колоний-поселений с высоким качеством профессионального обучения и подготовки. Данные колонии-поселения должны выполнять роль «социальных фильтров», выпускающих людей адаптированных к выполнению физического труда, требующего определенного уровня профессиональной подготовки. Причем в данном виде исправительного учреждения предполагается создание полусвободного режима, что позволит вывести их за пределы собственно мест лишения свободы.

8. Реанимация административного надзора и создание в перспективе службы пробации. Планируется передача этих функций специализированному уголовно-исполнительному органу с перспективами создания к 2030 г. самостоятельной службы пробации.

Представляется необходимым изложить некоторые критические замечания относительно данной реформы.

Проведение реформы должно быть тесным образом связано с совершенствованием ряда уголовно-правовых институтов. Так, одним из пунктов реформы выступает внедрение идеи «социальных лифтов», которая, в частности, реализуется посредством предоставления осужденным условно-досрочного освобождения. Однако практика предоставления такого освобождения носит формальный характер и зависит от отсутствия или наличия у осужденного дисциплинарных взысканий. Предупредительного эффекта в отношении конкретного осужденного такая практика практически не имеет, поскольку лицо, отбывающее наказание, лишь «мимикрирует» под стандарты дисциплины, понимая, что за один год до возможного условно-досрочного освобождения нарушать правила поведения нецелесообразно. В.С.Овчинский справедливо отмечает, что широкая практика условно-досрочного освобождения порождает так называемые «встречные потоки»: с одной стороны, досрочно освобожденные попадают в обстановку растущей безработицы и безденежья, с другой – данные лица, вновь совершив преступления по причинам неудовлетворительного социального положения, возвращаются в места лишения свободы.¹ По мнению В.С.Овчинского, «в складывающейся кризисной ситуации надо говорить не о "гума-

¹ См.: Овчинский В.С. О реформе российской пенитенциарной системы в условиях финансово-экономического кризиса // Уголовная политика и право в эпоху перемен : материалы международной научно-практической конференции, посвященной памяти профессора П.С.Дагеля / науч. ред. А.И. Коробеев. Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 2010. С. 152.

низации наказания", а об "экономии репрессии". Это не замена слов. Это – разнопорядковые явления»¹.

В связи с этим необходимо разработать не просто степени исправления (например, «твердо встал на путь исправления»), но и иные критерии досрочного освобождения осужденного (например, успехи в профессиональной подготовке, общественной работе) и избавиться от формальных требований законодателя к минимальным срокам отбытия наказания, необходимым для предоставления условно-досрочного освобождения.

Также идея «социальных лифтов» предполагает расширение различных видов режимов при исполнении лишения свободы. Вместе с тем уголовно-исполнительное законодательство уже регламентирует прогрессивную систему, которая реализуется в самых различных формах, а именно изменение условий отбывания наказаний в рамках одной исправительной колонии, перевод осужденного из одного вида исправительного учреждения в другой, условно-досрочное освобождение. Поэтому проблема заключается не в том, что требуется вводить различные виды режимов, а в том, что необходимо повышать эффективность применения уже существующей прогрессивной системы исполнения наказания.

Вызывает критику внедрение принципа сепарации осужденных, поскольку идея о раздельном содержании лиц с различными степенями общественной опасности в полной мере отражена в действующем уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве. Более того, изучение европейского пенитенциарного опыта показывает, что в основу отечественной классификации осужденных положены более разнообразные криминологические критерии, нежели чем в законодательстве зарубежных стран. Так, если в России в рамках одной

¹ Там же. С. 153.

социально-демографической группы осужденных с целью недопущения отрицательного влияния друг на друга используются три критерия: рецидив, факт прежнего реального отбывания наказания и категория преступления, то, например, в Англии только один критерий – риск побега осужденного. Существующая же в некоторых регионах России практика совместного проживания осужденных, «вставших» на путь исправления, и лиц, не поддающихся нравственному реформированию, имеет место в тех исправительных учреждениях, где такую задачу невозможно или достаточно сложно решить технически, то есть отсутствует достаточное количество площадей.

Особого внимания заслуживает новая структура исправительных учреждений. Так, вызывает сомнение в резонности решение о размещении значительной части лиц, осужденных к лишению свободы, в тюрьмах, причем по четыре в камере. Дело даже не в том, что эту идею сложно реализовать с финансовой точки зрения. Во-первых, проблема состоит в организации профессионального обучения, общественно полезного труда и культурно-массовых мероприятий с осужденными при такой модели их размещения. При этом если в западноевропейских тюрьмах широко практикуется принцип творческого труда, формирующий позитивные свойства личности (например, выращивание цветов, художественная лепка, дизайн мебели и т.п.), то в отечественных тюрьмах используется и, вероятно, будет использоваться как правило монотонный и зачастую неквалифицированный труд. Во-вторых, камерное размещение осужденных не обеспечит полного исключения отрицательного влияния осужденных друг на друга при совместном приеме пищи или досуге, работе в цехах или массовых мероприятиях, а лишь снизит эффект позитивного влияния на осужденного со

Тепляшин П.В.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ГАРМОНИЗАЦИИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ В УСЛОВИЯХ ИНТЕГРАЦИИ ПРАВОВЫХ СИСТЕМ : МОНОГРАФИЯ. КРАСНОЯРСК: СИБЮИ МВД РОССИИ, 2010.

стороны коллектива, упразднит совет отряда как вполне приемлемый воспитательный орган и приведет к попранию такого принципа уголовно-исполнительного законодательства, как демократизм, то есть рассмотрение осужденного не только как объект исправительного воздействия, но и как субъекта.

При этом справедливым будет подход, согласно которому национальная модель тюремной системы отражает основные признаки ее пенитенциарной науки, но вместе с этим (с практической позиции) не равнозначна способу размещения заключенных. Так, последний – это «вопрос второстепенный по отношению к вопросу о системе исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы. Если способ размещения заключенных в конкретном месте лишения свободы лишь косвенно зависит от экономических и политических факторов, то тюремная система связана с ним теснейшим образом»¹. Следовательно, тюремная система поглощала систему размещения заключенных в местах изоляции от общества, зависела от социально-экономического и духовно-политического строя конкретного государства и включала определенные формы, средства и методы воздействия на осужденных с целью их исправления. При этом исправление, при всем многообразии подходов к определению данного термина, в целом воспринималось как насаждение и укрепление альтруистических, социально полезных мотивов (В.В.Пржевальский)², преобразование преступника в безвредную для

1 Туманов Г.А. Реакционный характер тюремной политики и тюремоведения в капиталистических странах: лекция. М.: Высшая школа МООП РСФСР, 1965. С. 8.

2 См.: Пржевальский В.В. Профессор Франц Лист и его основные воззрения на преступление и наказание // Сборник правоведения и общественных знаний : труды юридического общества, состоящего при Императорском московском университете, и его статистического

правопорядка и общества личность (Gross, Ahrens, Röder), «развитие чувства распознавания добра и зла, предостерегающего от возможных нарушений в будущем» (Steltzer).¹ Исходя из анализа перечисленных определений и собственного видения проблемы мы приходим к выводу о наличии нравственной (реформирование духовной сферы преступника, приводящее к сознательной необходимости добропорядочного поведения и уважительного отношения к социально-правовым нормам) и юридической (формирование того понимания, что противоправное поведение крайне невыгодно с позиций неизбежного наступления негативных последствий такого поведения) компонент исправительного воздействия. Тогда как уголовное наказание воспринималось как принудительное правоохранительное средство, заключающееся «во вторжении в сферу правовых благ личности»², как нравственно законная мера, необходимая «для осуществления в общезжитии (в государстве) всего возможного в данный

отделения. Том 6. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, Вас. остр., 5 л., 28, 1896. С. 106.

1 См. в кн.: Фалиев Н.И. Условное осуждение. Новая область его применения. М.: Издание книжного магазина «Правоведение», 1904. С. 24–25. Также см.: Ewing A.C. The Morality of Punishment with some Suggestions for a General Theory of Ethics / With a Foreword by W.D. Ross. London: Kegan Paul, Trench, Trubner & CO., 1929. P. 13–72.

Собственно исправление представляет наполнение соответствующей теории наказания, которых всего в мировой уголовно-правовой мысли насчитывается более ста разновидностей, например теория божественного возмездия, теория устрашения, теория психического принуждения Фейербаха, утилитарная теория Бентама, теория диалектического возмездия Гегеля, теория нравственного возмездия Канта, теория общего предостережения Бауера, теории Росси, Бернера и др., сочетающие принципы воздаяния и полезности.

2 Жижиленко А.А. Наказание. Его понятие и отличие от других правоохранительных средств. Петроград: Типография «Правда», Разъезжая, 16–18, 1914. С. 62.

момент прогресса, как мера психического противодействия деяниям (то есть устраняющая такое состояние психики преступника, которое угрожает повторным возникновением решимости совершить преступление), недопустимых с точки зрения общих интересов граждан»¹. Из этого определения усматриваются исправительная и политическая цели наказания, формирование которых началось еще с уголовно-правовой доктрины XIX в. При этом ближайшей целью наказания стала общая превенция, которая при возрастании многофункциональности тюремного заключения несколько изменила форму проявления. Общая превенция социально опасных проявлений стала отражать исправительно-воспитательные механизмы воздействия на преступника на каждом условно выделяемом историческом этапе их применения (религиозная обработка осужденных, каторжный труд, прогрессивная классификация осужденных и т.д.). Карательный эффект тюремного заключения воспринимался через призму функционирования данных механизмов, неизбежные дефекты которых и изменяли форму проявления общей превенции. Постепенное выдавливание (как представляется, этот процесс имел вполне волевой и сознательный характер) из пенитенциарной сферы издержек и «перегибов» тюремной практики приводило к поэтапному элиминированию превосходства общей превенции над специальным предупреждением. Данная тенденция осуществлялась на фоне научно обоснованного и криминологически значимого появления различных типов преступников и причин преступного поведения, приводила к настоящему и отчетливому проявлению цели специального предупреждения (в частности,

¹ Познышев С.В. Основные начала науки уголовного права (Общая часть уголовного права). М.: Изд-е А.А. Карцева, 1912. С. 77, 114–115.

появление борстальских тюремных заведений для несовершеннолетних, института пробации, превентивного тюремного заключения).¹

Ретроспективное исследование систем тюремного заключения приводит к выводу о том, что заключение в исправительное учреждение с одновременной изоляцией преступника от общества «как в более суровой, так и в более мягкой форме, сделалось центром существующих карательных систем и до сих пор удерживает это положение»². Данный вывод объясняется высоким карательным (репрессивным) эффектом тюремного заключения, способного лишать человека одного из его главных благ – физической (нередко и духовной) свободы, а также возможностью в рамках лишения свободы применения широкой гаммы средств и методов воздействия на преступника. Так, М.Н.Галкин в свое время указывал на то обстоятельство, что данное наказание «может быть применяемо с самою разнообразною продолжительностью и строгостью, смотря по преступности и развитию каждого, и которое имеет еще то преимущество, что дает наибольшую возможность исправить преступника»³. Н.Д.Сергеевский отмечал преимущество тюремного заключения перед всеми другими видами наказаний в силу его «постепенности» и «делимости», «устранения излишних мучений» и «хорошего влияния на преступника». По мне-

1 Подр. см.: Тепляшин П.В. Становление и развитие теории специального предупреждения (частной превенции) преступности в контексте социально-правовой гармонизации тюремного заключения // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2007. № 3–4 (2). С. 10–14.

2 Чубинский М.П. Курс уголовной политики. Ярославль: Типография губернского правления, 1909. С. 429.

3 Галкин М.Н. Материалы к изучению тюремного вопроса. СПб.: Типография Второго Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1868. С. 8–9.

Тепляшин П.В.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ГАРМОНИЗАЦИИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ В УСЛОВИЯХ ИНТЕГРАЦИИ ПРАВОВЫХ СИСТЕМ : МОНОГРАФИЯ. КРАСНОЯРСК: СИБЮИ МВД РОССИИ, 2010.

нию ученого, наказание в виде тюремного заключения вполне соответствует положению личности гражданина в современном государстве и современной общественной нравственности, поэтому оно «заслонило собою и смертную казнь, и наказания телесные, и наказания, направляющиеся на честь, и, наконец, все другие формы лишения свободы.

Как представляется, самобытность и даже уникальность уголовно-исполнительной системы России состоит именно в идее коллективного отбывания уголовного наказания. Известное отрицательное действие данной идеи можно минимизировать путем использования системы дортуаров, то есть размещения осужденных по одному или несколько человек в отдельных помещениях, отгороженных друг от друга перегородками, не прилегающими к потолку и полу сантиметров на 15–20. Такое размещение, с одной стороны, обеспечит их физическую безопасность, с другой – создаст чувство психологического комфорта. Более того, позволит при наименьших финансовых затратах перевести многие исправительные колонии в разряд тюрем (с подобной системой размещения осужденных).

Изложенное свидетельствует о сложности и неоднозначности проводимой реформы уголовно-исполнительной системы России, которая рискует остаться во власти стихийных процессов заимствования зарубежных пенитенциарных эталонов и сплошных экспериментов. Без гармоничной системы уголовных наказаний, направленного применения исправительного воздействия, основанного на комплексной реализации всех средств исправления, закрепленных в ч. 2 ст. 9 УИК РФ, расширения судебного компонента в механизме регулирования уголовно-исполнительных отношений и диспозитивных основ уголовно-исполнительного законодательства, создания программ индивидуального обращения с осужденными результаты такой

реформы не будут иметь скорого эффекта профилактического воздействия на преступность (данные предложения будут раскрываться в последующих параграфах монографического исследования).

Необходимость учета европейских и международных пенитенциарных норм и стандартов в решении внутринациональных вопросов правового регулирования уголовно-исполнительных отношений детерминирована появлением такой подотрасли международного уголовного права, как международное пенитенциарное (уголовно-исполнительное) право. В связи с этим необходимо согласиться с И.Я.Козаченко, указывающим на то, что «...имеет место органичная и необходимая разноуровневая ассимиляция двух уголовно-правовых систем, в результате которой они не только не лишаются своей автономной самостоятельности, но и приобретают новые качества, свойства, функции, с помощью которых эти системы выходят (могут выйти) на более высокий уровень международного и внутригосударственного сотрудничества»¹. Среди предпосылок образования международного пенитенциарного права Ю.В. Трунцевский отмечает расширение сферы действия международного права, признание приоритета общепризнанных принципов и договорных норм международного права над национальным законодательством, повышение активности государств в стремлении совместного решения пенитенциарных проблем, интеграцию государств в целях соединения

¹ Козаченко И.Я. Проблемы соотношения предмета национального и международного уголовного права // Российское уголовное право: традиции, современность, будущее : материалы научной конференции, посвященной памяти профессора М.Д. Шаргородского / под ред. Н.М.Кропачева, Б.В.Волженкина. СПб.: Издательский Дом С.-Петербург. гос. ун-та, Издательство юридического факультета С.-Петербург. гос. ун-та, 2005. С. 175.

Тепляшин П.В.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ГАРМОНИЗАЦИИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ В УСЛОВИЯХ ИНТЕГРАЦИИ ПРАВОВЫХ СИСТЕМ : МОНОГРАФИЯ. КРАСНОЯРСК: СИБЮИ МВД РОССИИ, 2010.

усилий в пенитенциарной практике.¹ На фоне такого международного сотрудничества наблюдается повышение роли и значимости для отечественной уголовно-исполнительной системы заложенных в международном пенитенциарном праве принципов. По мнению А.Малиновского, к данным принципам относятся: 1) защита прав осужденных; 2) недопустимости пыток, жестоких и бесчеловечных наказаний; 3) минимизация применения смертной казни или отказ от данного наказания; 4) гуманизм; 5) подконтрольность исправительных учреждений общественным организациям по защите прав осужденных и заключенных.² Как представляется, данный перечень не является исчерпывающим. В частности, он мог бы быть дополнен принципом повышения исправительного эффекта отдельных наказаний и их системы.

В целом международное пенитенциарное право может быть представлено как «совокупность принципов и норм, регламентирующих правовой статус осужденных, устанавливающих международные стандарты и правила исполнения различных видов наказания, а также регулирующих вопросы международного сотрудничества в пенитенциарной сфере»³. При этом отмеченные принципы и нормы имеют особый механизм реализации: первые выражают главную идею своего претворения в жизнь, вторые – их нормативно-правовой характер, а соответственно, их общепризнанность и необходимость соблюдения. Так, В.А.Толстик под принципами права понимает «исходные нормативно-руководящие начала (императивные требо-

1 См.: Трунцевский Ю.В. Международное пенитенциарное право как отрасль международного права // Московский журнал международного права. 1999. № 1. С. 29.

2 Малиновский А. Система международного уголовного права // Сравнительное конституционное обозрение. 2009. № 1. С. 114.

3 Малиновский А. Указ. соч. С. 114.

вания), лежащие в основе права, выражающие его сущность и определяющие общую направленность правового регулирования общественных отношений... Нормами права становятся только те идеи, которые закреплены в его источниках»¹. Вместе с тем следует учитывать, что принципы и нормы международного пенитенциарного права, имея международно-правовую природу, являются общепризнанными только в случае их признания конкретным государством. Принципы международного пенитенциарного права отражают в первую очередь идеологический компонент правовой системы, включая российскую правовую систему, тогда как нормы «вплетаются» в систему права, выступая её источником. Данные компоненты тесно взаимосвязаны друг с другом, но их не следует отождествлять либо противопоставлять. Таким образом, гармоничное сочетание принципов и норм образует идейную и нормативную основу взаимоотношений государств в области обращения с осужденными и, что наиболее важно, в условиях реформы уголовно-исполнительной системы России.

Среди основных источников международного пенитенциарного права, а следовательно, содержащихся в них принципов и правил, признанных Россией, можно выделить Минимальные стандартные правила обращения с заключенными 1955 г., Европейскую конвенцию о надзоре за условно осужденными или условно освобожденными правонарушителями 1964 г., Европейские пенитенциарные (тюремные) правила, принятые резолюцией Комитета министров Совета Европы в 1973 г. (включая их редакции), Меры, гарантирующие защиту прав тех, кто приговорен к смертной казни, одобрен-

¹ Толстик В.А. Общепризнанные принципы и нормы международного права в правовой системе России // Журнал российского права. 2000. № 8. С. 70.

Тепляшин П.В.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ГАРМОНИЗАЦИИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ В УСЛОВИЯХ ИНТЕГРАЦИИ ПРАВОВЫХ СИСТЕМ : МОНОГРАФИЯ. КРАСНОЯРСК: СИБЮИ МВД РОССИИ, 2010.

ные резолюцией Экономического и Социального совета ООН в 1984 г., Процедуры эффективного выполнения Минимальных стандартных правил обращения с заключенными, принятые ЭКОСОС ООН в 1984 г., Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила), 1985 г., Свод принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме, принятый Генеральной Ассамблеей ООН 9 декабря 1988 г., Основные принципы обращения с заключенными, утвержденные резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 14 декабря 1990 г. Ядром данной системы правовых актов выступают Минимальные стандартные правила обращения с заключенными, принятые Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями 30 августа 1955 г., получившие международное признание в качестве приемлемой практики в пенитенциарной системе. В данном документе прямо указано, что он не имеет обязательного статуса в международном праве. Так, ст. 1 Правил декларирует: «Они предназначены лишь для того, чтобы на основе общепризнанных достижений современной мысли и с учетом основных элементов наиболее удовлетворительных в настоящее время систем изложить то, что обычно считается правильным с принципиальной и практической точек зрения в области обращения с заключенными и управления исправительными заведениями».¹

Первоначально формирование норм международного пенитенциарного права происходило по образцам национальных систем уголовного правосудия. На данном этапе, по существу, происходило лишь накопление фактологического материала и пенитенциарных об-

¹ Международная защита прав и свобод человека : сборник документов. М.: Юридическая литература, 1990. С. 290.

разцов, вызывающих соответствующий интерес, но не являющихся правилами. Так, именно посредством сравнительного исследования иностранных моделей обращения с осужденными вырабатывались конкретные рекомендации тюремных конгрессов, первая серия которых связана с проведением международного конгресса во Франкфурте-на-Майне, состоявшемся в 1846 г., вторая – с международным конгрессом в Лондоне, состоявшемся в 1872 г. Обсуждение иностранного пенитенциарного опыта с выработкой рекомендаций, еще пока не имеющих общепризнанного значения и во многом обязательного выполнения, происходило в рамках второй серии вплоть до 1950 г., в котором под эгидой Международной уголовной и пенитенциарной комиссии состоялся последний тюремный конгресс в Гааге. Однако именно в этот период закладывается информационная основа и предопределяется культурно-гуманистическая направленность норм международного пенитенциарного права, формировалась методика разработки стандартов в области обращения с осужденными.

Появление норм международного пенитенциарного права неизбежно привело к необходимости их достаточно строгого соблюдения в целях поддержания стандартов, аккумулируемых в этой сфере в процессе эволюционного развития гуманистических ценностей и прагматических взглядов. В методологическом ракурсе важность соблюдения норм международного пенитенциарного права объясняется органической включенностью данной подотрасли в международное уголовное право, одним из перспективных направлений развития которой выступает «гармонизация норм о надлежащей правовой процедуре при отправлении международного уголовного правосудия, применяемых как международными судебными органами, так и нацио-

нальными органами уголовного правосудия»¹. Однако какими бы ни были подвижными параметры содержания международного пенитенциарного права, необходимо отметить тенденцию консолидированного подхода в повышении его значимости и признании международным научным сообществом. В связи с этим необходимо поддержать мнение о том, что «современное международное уголовно-исполнительное право фактически и юридически уже переросло границы международного уголовного права, становясь самостоятельной отраслью международного публичного права»². Как справедливо отмечает В.А.Уткин, международное уголовно-исполнительное право отличается от международного уголовного права по предмету: в первом – это отношения в сфере «обращения» с осужденными, независимо от того, за какое преступление они осуждены, во втором – отношения в области сотрудничества государств в борьбе с международными преступлениями; по методу: в первом он основывается на императивно-диспозитивных началах, во втором – на уголовно-правовом запрете; по принципам: в первом – это, например, идея правосубъектности осужденного, недопустимости пыток и жестокого обращения, ресоциализации, во втором – это, в частности, принцип запрещения агрессивной войны, неотвратимости уголовного наказания за международные преступления.³

Как представляется, усиление самостоятельности международного пенитенциарного права произошло

1 Шериф Бассиуни М. Философия и принципы международного уголовного правосудия // Сравнительное конституционное обозрение. 2009. № 1. С. 104.

2 Уткин В.А. Международное уголовно-исполнительное право: к концепции формирования // Правовые проблемы укрепления российской государственности : сборник статей. Ч. 9 / под ред. С.А. Елисеева. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2002. С. 151.

3 См.: Уткин В.А. Указ. соч. С. 152–153.

на фоне процессов интеграции правовых систем. Именно сближение правовых систем позволило обнаружить широкий спектр общих для многих национальных правовых систем проблем в области исполнения наказаний. На основе свойственного данной отрасли права императивно-диспозитивного метода такое «сближение» правовых систем детерминировало появление собственного предмета, обеспечило принятие значительного перечня международно-правовых актов, явившихся источниками международного пенитенциарного права, ускорило потребность в выработке единых принципов. При этом рассматриваемая новая отрасль международного публичного права в свой предмет уже включает не только общественные отношения, возникающие и существующие по поводу исполнения уголовных наказаний, как связанных, так и не связанных с изоляцией осужденного от общества, но и общественные отношения, возникающие в связи с исполнением условных наказаний, мер постпенитенциарного воздействия, различных форм некарательного испытания преступника и применения иных средств реабилитационно-социализирующего характера.

В настоящее время важно говорить об определенном планировании постепенного внедрения международных пенитенциарных стандартов в отечественную практику исполнения уголовных наказаний. В связи с этим необходимо поддержать мнение Е.В.Сенатовой, считающей, что процесс заимствования «международных пенитенциарных норм в российское законодательство имеет свои особенности, требующие специального механизма их реализации с определением конкретных временных рамок... целесообразно к компетенции Правительства РФ отнести формирование поэтапной программы реализации международных стандартов в сфере исполнения уголовных наказаний

и содержания под стражей обвиняемых и подозреваемых, установив конкретные сроки реализации положений международно-правовых стандартов»¹.

Отчасти такое планирование отражено в утвержденной постановлением Правительства Российской Федерации от 5 сентября 2006 г. № 540 Федеральной целевой программе «Развитие уголовно-исполнительной системы (2007–2016 годы)», раскрывающей основные направления последовательного исполнения международных обязательств России посредством программно-целевого метода и указывающей на важность «неуклонного внедрения международных стандартов обращения с заключенными в практику исполнения наказаний»². При этом в программе отмечается необходимость учета того обстоятельства, что согласно Европейским пенитенциарным правилам отсутствие достаточного количества ресурсов для достойного содержания заключенных не может являться оправданием нарушения их человеческих прав. В связи с чем вызывает недоумение положение, закрепленное в ч. 4 ст. 3 УИК РФ: «Рекомендации (декларации) международных организаций по вопросам исполнения наказаний и обращения с осужденными реализуются в уголовно-исполнительном законодательстве Российской Федерации при наличии необходимых экономических и социальных возможностей».

Более того, в соответствии с программой к 2017 г. лишь 26 из 238 следственных изоляторов предположительно будут соответствовать международным стан-

1 Сенатова Е.В. Действие уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации в пространстве и во времени : автореф. дис. ... к.ю.н. Рязань Академия права и управления Минюста России, 2003. С. 10, 24.

2 Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 39, ст. 4075.

дартам. Поэтому сложно согласиться с И.В.Никитенко, полагающим, что «в настоящее время не имеется такого стандартного правила, которое не могло бы быть воспринято российским уголовно-исполнительным законодательством в обозримом будущем»¹. Данное суждение противоречит не только фактическому состоянию отечественной пенитенциарной системы, но и уголовно-исполнительной политике, отражающейся в том числе в указанной программе и ожидаемых результатах. Так, 11 февраля 2009 г. на заседании президиума Государственного совета в Вологде в рамках обсуждения вопроса о состоянии уголовно-исполнительной системы и подходов к её долгосрочному развитию на период до 2020 г. Д.А.Медведев отметил: «...мы сделали пока только самые первые, но достаточно важные шаги к созданию эффективной, справедливой и цивилизованной системы исполнения наказания в нашей стране», «...состояние уголовно-исполнительной системы нас ещё ни в коей мере не может удовлетворить». Исследователи вопросов имплементации международно-правовых норм в отечественную уголовно-исполнительную систему и законодательство отмечают несоответствие многих положений и фактического состояния условий исполнения уголовных наказаний международным пенитенциарным стандартам. Например, Ф.М.Городинец справедливо отмечает невыполнение рекомендаций Минимальных стандартных правил обращения с заключенными 1955 г. в части соблюдения половых различий

¹ Никитенко И.В. Реализация международных стандартов обращения с осужденными как одно из направлений гуманизации уголовно-исполнительной политики России // Проблемы обеспечения законности и правопорядка в Дальневосточном регионе : сборник научных трудов по материалам международной научно-практической конференции (12–13 мая 2004 г.). Хабаровск: Дальневосточный юридический институт МВД России, 2004. С. 151.

Тепляшин П.В.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ГАРМОНИЗАЦИИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ В УСЛОВИЯХ ИНТЕГРАЦИИ ПРАВОВЫХ СИСТЕМ : МОНОГРАФИЯ. КРАСНОЯРСК: СИБЮИ МВД РОССИИ, 2010.

между осужденными и персоналом исправительного учреждения.¹ Некоторым положениям международных пенитенциарных стандартов и правил уголовно-исполнительное законодательство России приводится в соответствие до сих пор. В частности, норма, содержащаяся в ч. 3 ст. 12 УИК РФ, при её буквальном толковании допускала проведение над осужденными медицинских и иных опытов, которые не ставят под угрозу их жизнь и здоровье. Данное положение находилось в противоречии с п. 27 Части II Приложения к Рекомендации № R (87)3 Комитета Министров государствам-членам относительно Европейских пенитенциарных правил, принятого Комитетом Министров Совета Европы 12 февраля 1987 г., где прямо указывается на запрет проведения каких-либо опытов над осужденными.² Лишь с принятием Федерального закона от 19 июля 2009 г. № 191-ФЗ «О внесении изменения в статью 12 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации» рассмотренное противоречие было устранено посредством закрепления в ч. 3 ст. 12 УИК РФ указания на то, что осужденные независимо от их согласия не могут быть подвергнуты медицинским, научным или иным опытам, связанным с испытанием лекарственных средств, новых методов диагностики, профилактики и лечения заболеваний, а также проведением биомедицинских исследований.³

Существенным недостатком Федеральной целевой программы «Развитие уголовно-исполнительной систе-

1 См.: Городинец Ф.М. Имплементация международно-правовых норм при исполнении наказания в виде лишения свободы в российском законодательстве и правоприменительной практике : монография. СПб: СПбГУАП, СПбУ МВД России, 2002. С. 163.

2 См.: Сборник документов Совета Европы в области защиты прав человека и борьбы с преступностью. М.: СПАРК, 1998. С. 213.

3 Собрание законодательства Российской Федерации. – 2009. – № 29, ст. 3628.

мы (2007–2016 годы)» является то обстоятельство, что в ней не затрагиваются вопросы соответствия международным стандартам условий содержания осужденных в исправительных учреждениях. Такое «соответствие» отражает только санитарно-бытовые условия, а именно 7 кв. метров санитарной площади на одного подследственного, содержащегося в СИЗО. Более того, в ч. 1 Правила 100 Европейских пенитенциарных правил 2006 г. указывается на необходимость предоставления заключенным, дела которых еще не рассмотрены в суде, возможности работать. Согласно ч. 2 данного Правила на работающих заключенных должны распространяться все положения Правил 26, которые, в свою очередь, рекомендуют совмещать работу с «элементами профессиональной подготовки», предоставлять заключенным возможность выбирать интересующий их вид трудовой деятельности, организовывать трудовую деятельность максимально схожую с методами аналогичной работы в обществе. Безусловно, выполнение данных требований, закрепленных не только в Европейских пенитенциарных правилах 2006 г., а также в ст.ст. 4 и 5 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г., требует как соответствующего финансирования, так и широкого проведения плановых организационно-технических мероприятий. В связи с этим сложно согласиться с мнением Е.В. Емельяновой о том, что положения российского уголовно-исполнительного законодательства в области привлечения осужденных к труду приведены в соответствие с международными стандартами.¹ Как представляется, в

1 См.: Емельянова Е.В. Международные стандарты в области привлечения осужденных к труду и их реализация в уголовно-исполнительном законодательстве России // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 318 (Январь). С. 144.

настоящее время соответствующий уровень закрепления труда лиц, содержащихся в следственных изоляторах, в действующем законодательстве не отражен.

Таким образом, следует констатировать, что в программе «Развитие уголовно-исполнительной системы (2007–2016 годы)» не рассматриваются международные стандарты относительно уровня медицинского обслуживания, трудовой занятости и профессионального обучения осужденных в местах лишения свободы, которые занимают важное место в системе обеспечения средств исправления осужденных.

В связи с рассмотренным настоятельно требуется усиление рассматриваемой программы комплексными указаниями на конкретные международные пенитенциарные стандарты, которые должны быть реализованы Российской Федерацией. Ведь реализация стандартов только, по сути, санитарно-бытового характера не в полной мере отражает потребности отечественной уголовно-исполнительной системы в гармоничном развитии и накоплении арсенала всех средств воздействия на осужденного. Кроме того, реализация изложенных в программе стандартов направлена в первую очередь на гуманизацию условий содержания подозреваемых, обвиняемых и подсудимых в следственных изоляторах, а не на создание условий для эффективного исправления осужденных в местах лишения свободы.

Так, обширный ретроспективный анализ известных мировых систем обращения с осужденными демонстрирует тот факт, что пенитенциарная реформа начиналась именно с улучшения условий содержания заключенных, но затем она постепенно перерастала в совершенствование исправительных средств. Например, усилия известного филантропа и реформатора Дж.Говарда изначально были направлены на демонстрацию, по сути, бесчеловечных условий содержания в тюрьмах и иных исправительных учреждениях Европы

в XVIII столетии. Его осмотр английских и европейских тюрем в течение 1773–1776 гг. показал, что в Англии и странах континентальной Европы фактически отсутствовала организация тюремного управления, должный государственный и общественный контроль за состоянием тюрем, условиями и формой содержания осужденных, повсеместно имела место экономия средств на их содержании, аверсивное отношение духовенства к тюремному вопросу. Затем, на основе этих наблюдений, реформатором обращалось внимание не только на улучшение санитарно-бытовых условий содержания заключенных, но и на разрешение иных проблем устройства тюремной системы, эффективной организации исправительного воздействия на заключенных и улучшение правовых условий их содержания, чему была посвящена третья секция его известного сочинения – «Состояние тюрем в Англии и Уэльсе». Говардом были достаточно детально разработаны требования, касающиеся не только отдельного и одиночного содержания различных категорий заключенных в зависимости от тяжести совершенного ими деяния, возраста и пола, их обязательного привлечения к общественно полезному труду, дисциплинарно-режимных и религиозно-нравственных методов обращения с осужденными и создания соответствующих санитарно-бытовых условий проживания, но и архитектуры (в форме прямоугольника или квадрата), планировки тюремного учреждения (которое, по его мнению, должно быть расположено желательнее близ реки, для того чтобы обеспечить санитарные условия, наличие бань и прачечных для заключенных), а также организации специального контроля за функционированием тюрем посредством инспектора, местного шерифа и мирового судьи.¹ Идеи реформатора далеко опе-

¹ Howard J. Op. cit. P. 19–45.

редили фактическое развитие уголовной политики его времени. Можно заявить, что именно Говард стал идейным вдохновителем прогрессивной системы исполнения наказания. Именно он впервые предложил и обосновал критерии классификации осужденных по группам, движение по которым зависело от поведения заключенного в период отбывания наказания. Для исправляющихся предполагалось изменение костюма, улучшение пищевого рациона и помещения, применение различных по своему характеру наград (свидания, более легкий труд etc.). Под исправлением им понималось постоянное усердие в работе и безупречное поведение, которое могло привести и к досрочному освобождению – феномену, который в эпоху Говарда правоведами еще всерьез не рассматривался.

Дж.Говарда справедливо называют «отцом науки тюрьмоведения и главным творцом и в весьма многих отношениях инициатором тюремной реформы, для которой он указывал гуманные, практичные и плодотворные пути... После Говарда... впервые открылась возможность создать коренную реформу всей системы наказаний, поставив в центре её лишение свободы и устранив те варварские роды наказаний, за отмену которых боролись все лучшие умы XVIII в. Эта заслуга ставит имя Говарда в ряд имен величайших уголовных политиков мира»¹. В этом плане представляются интересными рассуждения известного отечественного юриста и ученого С.К.Гогеля, который указывал, что учение Говарда сводилось к обобщенному изложению следующих требований относительно «рациональной системы мер борьбы с преступностью: 1) главная предупредительная мера против развития преступности – обучение детей бедных родителей ремеслам; 2) отказ от ссылки и широкое применение труда в тюрьмах – знаменитое выражение: «сделайте людей трудолюби-

¹ Чубинский М.П. Указ. соч. С. 163–164.

выми и вы сделаете их честными»; 3) применение научного и религиозного образования как средства подготовки арестантов к жизни на воле; 4) отказ от наказаний, лишаящих арестантов надежды на будущее, а вместе с тем подрывающих всякую возможность достигать их исправления – таково, например, пожизненное заключение; 5) досрочное освобождение для трудолюбивых и хорошо учившихся арестантов; 6) возведение тюрем по системе одиночного заключения. Эти положения, впоследствии развитые и дополненные, были положены в основу современной пенитенциарной системы, т.е. системы мер, направленных к исправлению преступников при посредстве особого тюремного режима, дисциплины с её наградами и взысканиями».¹ Вышеупомянутые и собственные исследования наследия Говарда показывают, что в его учении отсутствует четко разработанная система знаний в области исполнения наказания в виде тюремного заключения, но дана инвективная по характеру и обличающая фактическое положение дел в этой сфере картина, основы зарождающегося тюрьмоведения, давшие значительный толчок в развитие прогрессивных, цивилизованных и гуманных средств исправления преступников.

Исследователями наследия Дж.Говарда, например Альбертом Кребсом, отмечается, что его идеи в части прав и обязанностей осужденных, по сути, положены в основу современных стандартов обращения с заключенными.² Пол Корнил указывает, что система предъявляемых Говардом требований к организации режи-

1 Гогель С.К. Вопросы уголовного права, процесса и тюрьмоведения. Собрание исследований. СПб.: Типография товарищества «Общественная Польза», 1906. С. 490.

2 Krebs A. John Howard's Influence on the Prison System of Europe with Special Reference to Germany // Prisons Past and Future / Edited by J.C. Freeman. London: Heinemann, 1978. P. 42–43.

ма и условий содержания заключенных в тюремных заведениях фактически полностью отражена в Минимальных стандартных правилах обращения с заключенными, принятыми ООН в 1955 г.¹ В унисон вышесказанному профессор пенологии Эдинбургского университета Д.Гарланд (David Garland) замечает: «изучение Джоном Говардом состояния тюрем осуществлялось в порядке благотворительности с целью проведения соответствующих реформ, но его методы были чисто эмпирическими и в его исследовании сделан упор на измерение и систематическое наблюдение как основу для выводов. Исследования, проведенные Д.Говардом в 70-х годах XVIII века, явились первыми эмпирическими пенологическими исследованиями, которые с 30-х годов XIX века стали важным элементом Британской криминологической школы»². Современные исследователи наследия Говарда приходят к научно обоснованному выводу, согласно которому он «стал не только реформатором карательной системы, но и идейным вдохновителем нового направления криминологических исследований, характерного для Британии, где социально-правовые проблемы назначения и исполнения уголовных наказаний являются неотъемлемой частью предмета криминологии в отличие, например, от других стран, где эти проблемы составляют содержание других наук – уголовного права или пенологии, как в странах Западной Европы, или уголовно-исполнительного права, как в России»³.

1 Cornil P. John Howard, European Penal Reformer // Changing Concepts of Crime and its Treatment / Edited by H.J. Klare. Oxford: Pergamon Press, 1966. P. 177–183.

2 Цит. по: Ведерникова О.Н. Теория и практика борьбы с преступностью в Великобритании. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2001. С. 44.

3 Там же. С. 45. Значительный вклад Говарда в совершенствование не только практики исполнения наказания в виде тюремного

В XIX столетии произошел отход от решения только санитарно-бытовых проблем обращения осужденными. Реформирование тюремной системы и формирование общечеловеческих стандартов обращения с осужденными проводилось в рамках становления и развития прогрессивной системы, разрешения вопросов труда и профессиональной подготовки осужденных, воспитательной и психологической работы с осужденными, общественного воздействия.

Значительное расширение международных пенитенциарных стандартов и правил в XX столетии привело к настоящей необходимости их скрупулезного исследования на предмет необходимости и возможности реализации в отечественной практике исполнения уголовных наказаний. Как справедливо отмечается специалистами, «в настоящее время необходим новый, более осторожный и взвешенный подход к выработке международных договоренностей»¹. Через эту призму важно изучить каждое положение международных пенитенциарных стандартов и правил. В частности, некоторые из них носят, по сути, не совместимый с современными отечественными социально-экономическими реалиями характер. Настоятельной потребностью выступает конструктивное расширение форм международного сотрудничества в сфере обращения с осужденными и управления пенитенциарными учреждениями. Формами такого сотрудничества должны яв-

заклучения и применения средств и методов воздействия, но и карательной теории был высоко оценен научной общественностью, о чем свидетельствует, в частности, создание в 1921 году в честь великого британца «Говардской лиги за реформу карательной системы» и чуть позже соответствующего периодического издания «Говардский журнал».

¹ Напр., см.: Стёпкина Е.Ю. К вопросу о юридической силе норм международного права в российском праве // Труды Академии управления МВД России. 2009. № 1(9). С. 33.

Тепляшин П.В.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ГАРМОНИЗАЦИИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ В УСЛОВИЯХ ИНТЕГРАЦИИ ПРАВОВЫХ СИСТЕМ : МОНОГРАФИЯ. КРАСНОЯРСК: СИБЮИ МВД РОССИИ, 2010.

ляться: выработка стандартов, подготовка договоров и соглашений, исполнение международных стандартов, правил и норм, содействие в имплементации правовых инструментов, контроль за их исполнением.¹

Также важно принимать активное участие в обсуждении и принятии «авангардных» пенитенциарных стандартов. В этом плане можно отметить положительный опыт работы представителя Российской Федерации в Совете по пенитенциарному сотрудничеству Комитета по проблемам преступности Совета Европы. Например, в апреле 2006 г. в рамках работы 55-го пленарного заседания Комитета по проблемам преступности представителем России обоснованно отрицалась необходимость разработки и принятия Тюремной хартии обязательной для всех государств-членов Совета Европы, но поддерживалась потребность в подготовке компендиума, содержащего свод основных европейских документов, отражающих пенитенциарные правила и стандарты.²

В настоящее время потребность в непреложной реализации международных стандартов в отечественной практике исполнения уголовных наказаний, в первую очередь связанных с изоляцией осужденного от общества, детерминирована объективно поступательным процессом сближения правовых систем, усилением в российской правовой системе частноправовых начал,

1 Подробнее о формах такого сотрудничества см.: Милинчук В.В. Проблемы и перспективы совершенствования механизмов имплементации международных инструментов в области предупреждения преступности и борьбы с ней // Государство и право. 2005. № 1. С. 42–46.

2 См.: Хуторская Н.Б. Опыт участия России в работе Совета по пенитенциарному сотрудничеству Совета Европы: теоретическое и практическое значение // Правовые проблемы укрепления российской государственности : сборник статей. Часть 38 / под ред. В.Д. Филимонова, Н.Т. Ведерникова. Томск: ДиВо, 2007. С. 79–80.

гуманитарных ценностей и судебно-процедурных механизмом правового регулирования общественных отношений. В целях избегания голословного декларирования международных норм и стандартов важно создание специального механизма их реализации с обоснованием роли и эффекта действия конкретных пенитенциарных правил для отечественной правоохранительной системы, соответственно их интерпретация нормами национального права и гармоничное закрепление в правовой материи Российской Федерации.

Как представляется, процесс гармонизации уголовно-исполнительного законодательства России с международными пенитенциарными стандартами и правилами должен основываться на следующих принципах:

1) синхронности, предполагающем четко определенную временную последовательность издания и соответственно реализацию как материальных, так и производных от них процедурных норм, направленных на их исполнение, соблюдение и применение международных стандартов и правил обращения с осужденными;

2) единого уровня юридической силы материальных и процедурных норм, обеспечивающих непреложную реализацию международных пенитенциарных стандартов и правил, а не только их зачастую голословное декларирование. В связи с этим необходимо стремиться к тому, чтобы разрыв между материальным и процедурным уровнями был минимальным;

3) социально-экономической согласованности, позволяющем избежать дублирования и противоречий между национальным и международным правом с точки зрения возможностей реализации соответствующих стандартов в существующих социально-экономических условиях;

4) системности, обеспечивающей связь таких требований, предъявляемых к процессу гармонизации уголовно-исполнительного законодательства России с международными пенитенциарными стандартами и правилами, как последовательность, ясность и целесообразность гармонизации, исключающей приоритет каких-либо политических целей и правового конформизма как стремления к в известной степени модным и зачастую лишь конъюнктурным преобразованиям в праве, отражающим процессы глобализации.

Думается, что построение гармоничной, прогрессивной и демократичной уголовно-исполнительной системы России невозможно без соблюдения указанных принципов.

Таким образом, основой методологического осмысления гармонизации уголовно-исполнительного законодательства и права России выступает конвенциональная природа устанавливаемых естественных прав человека. Теоретическая оценка роли международных пенитенциарных стандартов в решении известных проблем отечественной уголовно-исполнительной системы демонстрирует приоритет прав человека как универсальной общечеловеческой ценности, позволяет выработать необходимые смысловые ориентиры и закрепить исторически апробированные формы обращения с осужденными. Как представляется, такой оценке способствует применение метода сравнительного правоведения, инструментальному значению которого в гармонизации уголовно-исполнительного законодательства посвящен следующий параграф исследования.

§ 2. МЕТОД СРАВНИТЕЛЬНОГО ПРАВОВЕДЕНИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ГАРМОНИЗАЦИИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ

Прикладным инструментарием гармонизации уголовно-исполнительного законодательства России выступает метод сравнительного правоведения. На рубеже XX–XXI вв. данный метод способствовал процессу взаимопроникновения и взаимообогащения законодательных моделей различных стран мира. При этом интенсивно происходящие в мире интеграционные процессы и рост неподдельного научно-теоретического и прикладного интереса к зарубежному законодательству и правовым системам в целом привели к широкомасштабному внедрению в законотворческую деятельность компаративистских методов исследования правовой материи. Метод сравнительного правоведения позволяет «высветить» направления эволюционирования уголовно-исполнительного законодательства и пенитенциарной системы России, понять его тенденции и перспективы развития. Обозначенные аспекты использования метода сравнительного правоведения позволяют говорить о его важной роли в выработке наиболее эффективной уголовно-исполнительной политики государства. Непосредственно метод сравнительного правоведения выступает методологическим инструментарием гармонизации уголовно-исполнительного права.

Как было отмечено в первой главе, предметом сравнительно-правового исследования в науке уголовно-исполнительного права выступает правовая действительность России и зарубежных стран в сфере исполнения уголовных наказаний. Использование данного метода предполагает обращение к правовой культуре и правовым традициям тех стран, которые включаются в предмет компаративистского исследования.

Данное обстоятельство приводит к необходимости исследования социально-исторических основ зарубежного права и, в первую очередь, английского пенитенциарного законодательства. Так, английское тюрьмоведение представляет особый интерес для отечественных исследователей. Прежде всего, это обусловлено значительным вкладом английской теории и практики исполнения тюремного наказания в мировые достижения в области обращения с осужденными. Практика исполнения наказаний в Англии, бесспорно, и по настоящее время является общепризнанным эталоном мировых пенитенциарных реалий, имеет глубокий исторический опыт и функционирует на основе английского права как ядра правовой системы *common law* – общего права. Являясь родиной прогрессивной системы исполнения наказания, иных всемирно известных концепций исправления осужденных и получивших широкое признание научных идей выдающихся английских реформаторов, английское тюрьмоведение стало объектом пристального внимания научной общественности.

Использование данного метода предполагает обращение к иностранным правовой культуре и правовым традициям стран, включаемым в предмет компаративистского исследования. Представляется верным мнение А.В.Егорова, указывающего: «...сравнение является методом, используемым всеми юридическими науками. Сравнительное правоведение – наука более высокого порядка, изучающая не все, а лишь наиболее важные, устойчивые элементы закономерностей функционирования иностранных правообразований»¹. Данное обстоятельство приводит к необходимости исследования социально-исторических основ и закономерностей развития зарубежного права.

¹ Егоров А.В. К истории понятия сравнительного правоведения // Государство и право. 2009. № 3. С. 91.

Содержание метода сравнительного правоведения применительно к уголовно-исполнительному праву позволяет говорить о формировании междисциплинарной системы знаний, охватывающих область иностранного пенитенциарного права и направления интерпретации зарубежного опыта исполнения уголовных наказаний отечественными правоведами. Более того, известный французский пенолог Ж.Прадель относит пенитенциарное право к «новой» ветви уголовного права, а сравнительное уголовное (следовательно и уголовно-исполнительное) право – к относительно новому направлению в науке уголовного права.¹ Теоретические основы использования метода сравнительного правоведения в процессе гармонизации уголовно-исполнительного законодательства демонстрируют важность использования данного метода в науке уголовно-исполнительного права. Однако комплексный характер самого сравнительного правоведения как самостоятельной научной дисциплины указывает на то обстоятельство, что использование метода сравнительного правоведения в уголовно-исполнительном праве не сводится лишь к сопоставлению правовых норм, отраслей и отдельных институтов, принадлежащих к различным правовым либо национальным системам, но и предполагает сравнительное исследование правовых идеалов, правосознания, социально-исторической и культурной среды отдельных стран и правовых систем в целом.

В рамках обсуждения роли сравнительно-правового исследования в науке уголовно-исполнительного права можно встретить различные, в том числе диаметрально противоположные мнения. Например, отдельные, как отечественные, так и зарубежные исследователи этой социальной сферы полагают, что пенитенциарная система

¹ См.: Уголовное законодательство России и стран АТР: компаративное исследование : монография. С. 10.

Тепляшин П.В.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ГАРМОНИЗАЦИИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ В УСЛОВИЯХ ИНТЕГРАЦИИ ПРАВОВЫХ СИСТЕМ : МОНОГРАФИЯ. КРАСНОЯРСК: СИБЮИ МВД РОССИИ, 2010.

как таковая вряд ли пригодна для целей противодействия преступности, поскольку сама является источником повышенной опасности и дестабилизации обстановки в обществе, а следовательно, «настало время не просто реорганизации данной системы, а ее деструкции и создания новой модели минимизации социального зла»¹. Известный английский правозащитник П.Гитченс отмечает: «...парадокс английских тюрем сегодня состоит в том, что их внешняя оболочка скрывает не столь многозначительный секрет. Возможно, правительство заинтересовано в этом. Мы – жертвы или потенциальные жертвы преступности – можем обманывать себя, но до сих пор пенитенциарная система является мрачным оплотом унижения заключенных, которые в полосатых одеждах существуют на картошке и выполняют тяжелый физический труд. Между тем ...границы XIX столетия скрывают результаты едва наметившихся положительных тенденций, имевшая место работа не была успешной и по сути осталась лишь только попыткой реформирования тюремной системы»². В начале прошлого века известный русский адвокат А.С.Гольденвейзер указывал, что карательная система является не только неудачным «инструментом, требующим той или иной реформы, не лишним только аппаратом в ряду других, а самоубийственным учреждением, одно существование которого исключает, по убеждению Толстого, возможность нравственных основ в общественных отношениях»³.

1 Шипунова Т.В. Аутопойесис пенитенциарной системы // Криминология: вчера, сегодня, завтра. Труды Санкт-Петербургского криминологического клуба. 2002. № 3 (4). С. 156.

2 Hitchens P. History of Crime. The Decline of Order, Justice and Liberty in England. London: Atlantic Books, 2003. P. 115.

3 Гольденвейзер А.С. Преступление – как наказание, а наказание – как преступление (Мотивы Толстовского «Воскресения»). Издание товарищей в ознаменование 35-летнего юбилея адвокатской деятельно-

По мнению венгерского ученого К.Бард, новые меры наказания, появившиеся в конце XX в., призваны не только для заменить краткосрочное тюремное заключение и тем самым оградить правонарушителей от его негативных последствий. По её мнению, в последнее десятилетие XX столетия законодатели преследовали более масштабные цели. Признавая тот факт, что традиционные способы борьбы с преступностью малоэффективны, они стремились разработать новые виды санкций, которые должны решать самостоятельные задачи и потому рассчитаны не только на то, чтобы избежать тюремного заключения. Суть наказаний, отбываемых в рамках общества и разработанных в последние десять лет, заключается в том, чтобы добиться от правонарушителя выполнения неких требований, которые помогут ему или ей вновь стать нормальным членом общества. Это также означает, что некогда дискредитированные понятия «социальная реабилитации» и «социальная реинтеграции» вновь находят поддержку. Но все эти задачи стремятся решить в рамках общества, а не в тоталитарных условиях тюрьмы. Вводя общественные санкции, законодатели предоставляют судам право выбора тех мер наказания, которые отличаются от традиционных. В результате К.Бард приходит к справедливому выводу о том, что такая уголовно-правовая мера, как probation, – это альтернатива традиционным мерам наказания в целом (например, штрафам), но не обязательно замена (подмена) наказания в виде лишения свободы. Данная мера имеет самостоятельный характер и преследует свои собственные цели.¹

сти автора. Киев: Тип. Р.К. Лубковского, Б.-Владимирская ул., № 46, 1911. С. 63.

1 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.prison.org/lib/comments/bard001.htm>.

Использование метода сравнительного правоведения в гармонизации уголовно-исполнительного законодательства России позволяет раскрыть и дать оценку концептуальным направлениям пенитенциарной политики зарубежных стран. Так, современная пенитенциарная теория выделяет три принципиальных сущностных обобщения политики уголовного правосудия – стратегии А, В и С. «Стратегия А» основана на доминировании карательных функций наказания в духе «law and order ideology» – неукоснительного следования идеи воздаяния и его реализации со всей должной суровостью. Отчетливо отражается данная тенденция в уголовной политике тех государств, которые в арсенале репрессивного воздействия на преступника имеют смертную казнь (например, США, Япония). Вместе с тем широкое применение пожизненного лишения свободы также способно указывать реализацию идеи воздаяния в уголовной политике государства. В частности, в Канаде уголовное наказание в виде пожизненного лишения свободы применяется не только за государственную измену, но и практически за любое убийство независимо от степени его общественной опасности.¹

Управленческая (административная) «Стратегия В», являясь более гибким инструментом в руках системы уголовного правосудия, главным образом используется как средство маневра между соблюдением идеи воздаяния и конъюнктурными интересами общества. Своим идеалом данная стратегия ставит неукоснительное соблюдение широких прав и привилегий лиц, подвергнутых тюремному заключению, стремится к минимизации назначения тюремного заключения

¹ См.: Казакова Е.Н. Пожизненное лишение свободы в Канаде: законодательство и практика // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2006. № 3. С. 21–22.

как меры наказания и средств на его исполнение и поддерживает идею исправления и реинтеграцию осужденных как законопослушных граждан в самом обществе. Административизм рассматриваемой стратегии как проявление прагматизма в пенологии в первую очередь является результатом кризиса конструктивных организационных средств воздействия на преступника, нежели чем законодательных средств правового регулирования исполнения наказания.

«Стратегия С» может быть представлена в двух аспектах: как исправление и реабилитация осужденного с помощью средств так называемого восстановительного правосудия, суть которого состоит в широком использовании компенсаций и возмещений жертвам преступлений и (или) обществу; в другом случае сторонники данной стратегии, хотя и поддерживаясь идеи гуманизации и снижения жестокости наказания, все же настаивают на исправлении преступника в русле концепции «заслуженного воздаяния», то есть должного карательного воздаяния, правосудия по заслугам.

С начала 1980-х гг. в тюремной политике превалировала «Стратегия А». Начиная приблизительно с 1987 г. эта стратегия становится менее догматичной и более прагматичной. В результате в Европе были приняты ряд законов, явившиеся результатом нового витка реформы уголовного правосудия и отражающие постулаты всех трех стратегий. Так, не отрицая идеологии «закона и порядка» в этих законах сочетаются достижение целей концепции «заслуженного воздаяния» и решение задачи снижения тюремного населения гибкостью и оперативностью управленческих решений. Анализ европейского законодательства рассматриваемого периода показывает последовательное

претворение в жизнь идеи «наказания в обществе» как альтернативы тюремному заключению.¹

Поиск действительно эффективного социального механизма, способного установить баланс между защитой общества от преступных посягательств, должной реабилитацией и исправлением преступника и претворением в жизнь программы «переселения» привел к тому, что во второй половине 1990-х гг. произошел окончательный поворот к конструктивному внедрению в практику всех трех стратегий. Особенно отчетливо и интенсивно развивается идея восстановительного правосудия, программа «переселения» осужденных из тюрьмы в общество и минимизации затрат на использование средств тюремной политики. Например, «Стратегия А» продолжает влиять, с одной стороны, на увеличение удельного веса тюремного заключения среди иных видов наказания, а также сроков тюремного заключения для наиболее опасных преступников, в частности осужденных за совершение преступлений насильственного и сексуального характера, с другой – на развитие политики «zero tolerance», то есть возведения многих форм девиантного и маргинального поведения (например, бродяжничество, попрошайничество, граффити) в ранг законопослушного², которая, в свою очередь, дала «второе дыхание» стратегии «бифуркации» в ее новом виде – «карательной бифуркации». Суть последней заключается в том, что реализация идеи «наказания в обществе» сопровождается более весомыми ограничениями и контролем

1 Craig P. and Gráinne de Burca. EU Law. Text, Cases and Materials. 3rd ed. Oxford: Oxford University Press, 2002. P. 842–881.

2 Cavadino M. Criminal Justice 2000: Strategies for a new century. Winchester: Waterside Press 1999. P. 28–30.

в отношении осужденного в процессе его исправления и реабилитации в обществе.¹

«Стратегия В», в частности, постулируется так называемой «новой пенологией» и развивается в русле следующей тенденции – от условной названной идеи «ничего не работает» к идее о том, что «кое-что работает». Общий смысл «новой пенологии» и указанной тенденции состоит в стремлении переставить приоритеты от идеи ресоциализации и исправления осужденных лиц к концепции безопасности общества. Вопросы безопасности и риска осужденного лица совершить новое преступление выводятся на первый план.² «Новая пенология» в какой-то степени затрагивает интересы исправительного эффекта и широкого применения наказаний, не связанных с изоляцией от общества, но следуя стратегии «карательной бифуркации» или иначе (в рамках данной стратегии) «карательного административизма» все же не отрицает важности и социальной необходимости дальнейшего развития уголовных наказаний как связанных, так и не связанных с изоляцией от общества.

В результате отмеченного выше кризиса идеи «идеала реабилитации» было положено начало развитию концепции «переселения» осужденных из тюрьмы в общество, то есть исправления преступников, в том числе совершивших преступления высокой общественной опасности, вне изоляции от общества, но под «присмотром» различных прогрессивных социальных и

1 Cavadino M., Dignan J. *The Penal System. An Introduction*. 3rd ed. London: SAGE Publications, Thousand Oaks, New Delhi, 2002. P. 5–7.

2 Hudson B. *Understanding Justice*. Buckingham: Open University Press, 1996. P. 154; Robinson G. Risk-management and rehabilitation in the probation service: collision and collusion // *Howard Journal*. 1999. Vol. 38. № 4. P. 421–433.

инных программ.¹ Основные проблемы, связанные с данным процессом, состоят, во-первых, в поддержке таких программ всеми силами общества, так достижение положительного эффекта при той же социальной реабилитации зависит не только от должной работы специальных служб, но и поддержки многих общественных формирований, социальных институтов, частных организаций и доверия граждан; во-вторых, в возможности адекватной оценки результатов работы сотрудников службы и в целом эффекта реабилитационной практики. Широко обсуждается вопрос о реальной степени интеграции осужденных в законопослушных и толерантных граждан. В связи с этим важно указать на возрастание научного интереса в отечественной пенитенциарной теории к более глубокому пониманию и возможной законодательной формализации степеней исправления осужденных.²

Однако даже беглый взгляд на тенденции пенитенциарной политики европейских стран показывает, что тюремная система зависит от социально-экономического и духовно-политического строя конкретного государства и включает определенные формы, средства и методы воздействия на осужденных с целью их исправления. При этом такое исправление заключается в варьировании нравственной (реформирование духовной сферы преступника, приводящее к сознательной необходимости добропорядочного поведения и уважительного отношения к социально-правовым нормам) и юридической (формирование того понимания, что противоправное поведение крайне невыгодно

1 Worrall A. Punishment in the Community: The Future of the Criminal Justice. London and New York, 1997. P. 21–33.

2 В частности, см.: Сизый А.Ф. Институт установления степеней исправления осужденных как эффективный способ достижения целей уголовного наказания // Закон и право. 2005. № 5. С. 74–77.

с позиций неизбежного наступления негативных последствий такого поведения) компонент исправительного воздействия. Например, рассмотрение организации работы пенитенциарных учреждений и исполнения уголовных наказаний в Англии позволяет заключить, что исправительные заведения этой страны, обеспечивая условия, содействующие исправлению преступников, ставят перед собой задачу убедить осужденных в необходимости применения к ним исправительных программ (так называемых программ «обращения»), заставить осознать полезность применяемых мер для самих заключенных и добиться их помощи в реализации проводимой реабилитационной деятельности. При этом прогрессивная мысль пришла к выводу, что ни одна исправительная программа не может стоить дороже, чем пустое бессмысленное заключение в тюрьму без применения специальных реабилитационных мер в отношении заключенных, которое в конечном итоге приведет к неизбежному росту тюремного населения в результате так называемого синдрома «вращающейся двери».

По мере развития тюремной системы на протяжении XIX–XX столетий в её сердцевине все больше приживалась исправительная идея наказания, вытесняя при этом возмездный и исключительно репрессивно-карательный характер уголовного наказания. В настоящее время процесс институционального роста тюремной системы находится в зависимости от распространенной концепции закона и становления гражданской модели общества. Однако учение об исправительной идее наказания, которое, безусловно, является прогрессивной уголовно-правовой доктриной XIX в., одновременно вскрывало недостатки и лакуны в организации исполнения тюремного заключения.

Вместе с тем наличие подобных мнений и разноплановой практики обращения с осужденными лишь расширяет исследовательское поле, предоставляя большие возможности творческого подхода к проблеме сравнительно-правового исследования и поэтому не освобождает от необходимости изучения ретроспективных основ и современных аспектов функционирования пенитенциарных систем (вероятно, в первую очередь стран европейского континента, США и Канады), современных теории, практики и проблем исполнения уголовных наказаний в зарубежных странах. Делать это необходимо не только ради расширения кругозора и освоения фактологического материала, но и в целях сравнения отечественного пенитенциарного опыта и зарубежного наследия в этой сфере, определения в связи с этим круга теоретических и правоприменительных проблем уголовно-исполнительной системы России и осмысления направлений вероятного реформирования уголовно-исполнительного законодательства в свете позитивных мировых пенитенциарных традиций и достижений.

В условиях реформирования отечественной судебной и уголовно-исполнительной систем обращение к зарубежным правоохранительным моделям представляет особый интерес в силу того обстоятельства, что именно в этот момент отечественная правовая система нуждается в новых идеях, задающих дальнейший вектор её развития. В связи с этим представляется важным обратиться к идее так называемых «неопределенных» приговоров, безусловно, имеющей радикальный для отечественной правовой системы характер. Однако её критический анализ позволяет выявить скрытые резервы российской правоохранительной практики и откорректировать направления совершенствования моделей обращения с осужденными.

Идея «неопределенных» приговоров («indefinite sentence») впервые была закреплена в 1894 г. в США и являлась сутью американских реформаториев, существующих по подобию эльмирского исправительного заведения для преступников в возрасте до 30 лет (для «молодых» преступников). Данная тюрьма начала функционировать еще в 1877 г. в Эльмире, ее отличительной чертой было содержание в ней лиц, осужденных на неопределенные сроки заключения, то есть до их исправления, факт которого определялся администрацией заведения.¹

В 1970-х гг. в США была проведена реформа системы неопределенных приговоров, в результате которой суд перешел к практике установления для осужденного общих достаточно широких пределов тюремного заключения (например, от 1 года до 20 лет или от 5 до 50 лет). Решение вопроса об освобождении осужденного решается, как правило, ранее избранного судом срока Советом по условно-досрочному освобождению. В 1984 г. американским законодателем был принят закон «О реформе системы наказания», явившийся частью действующего по настоящее время «Комплексного закона о контроле над преступностью». Данные нормативные акты последовательно развивали концепцию максимальной индивидуализации нака-

1 Подр.: Дриль Д.Д. Исправительное заведение (Reformatory) в Конкорде (шт. Массачузетс) // Журнал Министерства юстиции. 1897. № 4 (апрель). С. 249–258; Он же. О применении основных начал принудительного воспитания к взрослым осужденным // Журнал Министерства юстиции. 1901. № 7 (сентябрь). С. 128–136; Люблинский П.И. Условное освобождение и неопределенные приговоры в Северной Америке // Журнал уголовного права и процесса. 1913. № 2. С. 1–36; Он же. Условное освобождение и неопределенные приговоры в Северной Америке (окончание) // Журнал уголовного права и процесса. 1913. № 3. С. 1–54.

зания, влияния поведения и исправления осужденного на его условно-досрочное освобождение.¹

Необходимо отметить, что рассматриваемая практика широкой индивидуализации наказания отражает особенности американского прецедентного права. Так, одним из современных отличий американской правовой системы от английской состоит в том, что при толковании казуса федеральные суды или суды штатов обращаются непосредственно к тексту Конституции США. Это обстоятельство открыло путь для дальнейшего полностью легитимного формирования американского прецедентного права. Как справедливо отмечает Е.С.Кананькина: «В прецедентном массиве США существует большой диапазон в выборе вариантов судебных решений и большая гибкость в выборе санкций»¹. Таким образом, почва для концепции неопределенных приговоров была заложена в практике судебных прецедентов, позволяющей значительно расширить фактические пределы уголовного наказания и при этом не попирая роль обвинительного приговора суда. В странах романо-германской системы права рассматриваемая концепция такой основы никогда не имела, поскольку правовой позитивизм привел к формализации не только источников законодательства, но и практики его применения с одновременным сдерживанием возможностей судебно-правового регулирования общественных отношений. Как верно отмечает К.В.Арановский, континентальное право «предлагает юристам комплекс давно принятых аналогов, содержание которых хорошо усвоено. Они введены в практику и окружены

¹ См.: Тохова Е.А. Зарубежный опыт социально-правового контроля за лицами, освобожденными из исправительных учреждений // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2009. № 4. С. 32.

удобными атрибутами – теоретически исследованы, включены в законодательство, защищены судом»². Как представляется, наличие относительно определенных санкций, формализация требований к условно-досрочному освобождению и иные институты уголовного и уголовно-исполнительного права прошли проверку временем и в определенном смысле уже имеют завершённый вид, органически сочетающийся с общими принципами отечественной правовой системы.

В связи с анализом концепции неопределённых приговоров интересно мнение Е.Т.Байльдинова, который, с одной стороны, совершенно справедливо указывает, что лишение свободы на определённый фиксированный срок не всегда, а во многих случаях вообще не эффективно в смысле достижения таких целей наказания, как восстановление социальной справедливости, исправление осуждённого, предупреждение совершения новых преступлений как осуждённым, так и другими лицами. С другой стороны, достаточно сложно согласиться с его мнением о том, что срок наказания не должен быть фиксированным, а должен определяться объемом подлежащего восстановлению ущерба $2N+C$, то есть восстановление осуждённым ущерба в двойном размере: одну часть непосредственно потерпевшему ($1N$), другую – обществу ($1N$), а также компенсировать расходы на его содержание в исправительном учреждении (C). Уголовное наказание должно «длиться до тех пор, пока осуждённый своим трудом полностью не восстановит этот ущерб. Очевидно, что если срок наказания не фикси-

1 Кананькина Е.С. Правовая система Соединённых Штатов Америки // Международное публичное и частное право. 2009. № 1 (46). С. 42.

2 Арановский К.В. В преддверии сравнительного правоведения // Правоведение. 1998. № 2. С. 59.

рованный, а зависит от количества заработанных осужденным средств на восстановление ущерба, то вряд ли осужденный будет стараться уклониться от трудовой повинности»¹.

Предложение Е.Т.Байльдинова вызывает критику по причинам методологического и практического характера. Так, отечественная уголовно-исполнительная система не может воспринять такую модель эффективности уголовного наказания, поскольку для этого требуется значительное расширение диспозитивных и, по сути, частноправовых начал правового регулирования уголовно-исполнительных отношений. В свое время еще А.Л.Ременсон указывал на необходимость плюралистичности методов правового регулирования в данной отрасли права.² В одном из специально проведенных по данному вопросу исследований указывается широкая гамма факторов, которые делают более широкое использование диспозитивных основ правового регулирования исполнения лишения свободы не только возможным, но и необходимым: расширение сферы децентрализованного регулирования во всей системе общественных отношений, включая область исполнения уголовных наказаний, требования общепризнанных международных актов в области обращения с осужденными, внедрение в практику исполнения уголовных наказаний так называемой «педагогике сотрудничества» по отношению к осужденным, повышения значимости мотивированного труда осужденных и их позитивной активности, а также усиления гумани-

1 Байльдинов Е.Т. Проблемы эффективности наказания и устойчивое развитие общества // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2010. № 2. С. 67.

2 См.: Ременсон А.Л. К вопросу о методе исправительно-трудового права // Ременсон А.Л. Избранные труды. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2003. С. 74.

стических начал при исполнении уголовных наказаний.¹ Российское уголовно-исполнительное законодательство продолжает оставаться значительно формализованным и ущербным с точки зрения процедурных регуляторов. В этой части парадоксальность рассматриваемого законодательства состоит в том, что, регламентируя правовой статус осужденных – объем их субъективных прав, юридических обязанностей и законных интересов, оно одновременно с этим имеет слабые процессуально-исполнительные механизмы правового регулирования уголовно-исполнительных отношений, которые, безусловно, должны играть доминирующую роль в определении степени исправимости осужденного. При этом факт исправления либо отдельные степени исправления зависят от комплексного применения средств исправления и не могут зависеть лишь от труда осужденного, направленного на восстановление ущерба, причиненного преступлением.

Осуществляя критику с практической точки зрения, важно отметить, что труд осужденных как одно из средств исправления не может быть положен в основу универсального эквивалентного механизма исправимости осужденного при не фиксированном приговоре. Во-первых, его нельзя будет использовать при осуждении лиц, имеющих инвалидность либо иные заболевания, препятствующие их трудовой деятельности. Во-вторых, определенная категория осужденных в силу своего криминологического статуса, обусловленного так называемой «тюремной субкультурой», намеренно уклоняется от трудовой деятельности, что может привести к пролонгированию времени отбывания наказа-

¹ См.: Киселев Н.В. Диспозитивные начала правового регулирования исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы : дис. ... к.ю.н. Томск: Юридический институт Томского государственного университета, 1998. С. 28–33.

ния и нежелательному увеличению их концентрации в исправительных учреждениях. В-третьих, даже в условиях неоспоримого признания труда как одного из лучших антикриминальных средств далеко не все исправительные учреждения России могут предложить осужденным выполнение труда, который бы не только не имел монотонный и психологически угнетающий характер, но и давал возможность приобрести либо повысить профессиональную трудовую квалификацию. Всемирно известный английский пенолог М.Грюнхут отмечал: «работа для заключенных – милость, её отсутствие – жестокое наказание. Принудительный труд может доставлять страдание, но лишение работы еще более тяготит заключенного»¹. Более того, в западноевропейских тюрьмах широко практикуется принцип творческого труда, формирующего позитивные свойства личности (например, выращивание цветов, художественная лепка, дизайн мебели и т.п.). Однако труд осужденных в современных исправительных учреждениях нерентабелен, и поэтому не способен в полной мере компенсировать и тем более «окупить» расходы на содержание заключенных.

Таким образом, идея «неопределенных» приговоров, как в её «чистом», так и «смешанном» виде, в настоящее время неприемлема для отечественной правовой системы. Для её реализации необходим длительный период не просто реформирования судебной и уголовно-исполнительной систем, но модернизации уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства в направлении расширения диспозитивных и судебно-прецедентных начал правового регулирования общественных отношений.

¹ Grünhut M. Penal Reform. A comparative study. Oxford: At the Clarendon Press, 1948. P. 198.

С позиций метода сравнительного правоведения представляет интерес такое наказание, как ограничение свободы, содержание которого демонстрирует попытки отечественного законодателя практически применить основы правовой компаративистики. Новая редакция уголовного наказания в виде ограничения свободы¹, которое широко известно под названием «домашний арест», фактически является копией «комендантского часа» («curfew»), выступающего одной из форм house arrest – англо-американского правового института. Как справедливо отмечает Л.В.Головко, «мы имеем дело с заимствованием, а не самостоятельным отечественным правовым творчеством»². Вместе с тем объяснение в скоропостижном заимствовании такого уголовного наказания, как ограничение свободы в его новой редакции, видится в недостатке базовых сведений по сравнительному правоведению. В России сформировалась иная практика исполнения уголовных наказаний, не связанных с изоляцией осужденного от общества, нежели в государствах где господствуют традиции «общего права». Так, уголовно-исполнительные инспекции значительно ограничены в возможностях по наложению в отношении осужденных каких-либо дополнительных обязанностей, выступая в этой части исполнителями воли суда. Можно привести следующий пример. В ноябре 2009 г. Красноярская краевая прокуратура в представлении указала на наруше-

1 Имеется в виду редакция в соответствии с Федеральным законом от 27 декабря 2009 г. № 377-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с введением в действие положений Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации о наказании в виде ограничения свободы» // *Собрание законодательства Российской Федерации*. – 2009. – № 52, ст. 6453.

2 Головко Л.В. Альтернатива лишению свободы – очередная химера? // *ЭЖ-Юрист*. 2010. № 3. С. 1, 10.

ние уголовно-исполнительного законодательства при сложившейся практике уголовно-исполнительных инспекций самостоятельно устанавливать периодичность явки условно осужденных на регистрацию. Как представляется, в целом расширение полномочий и функций уголовно-исполнительных инспекций по контролю за условно осужденными является закономерным процессом усиления исправительного воздействия на данных лиц. Вместе с этим деятельность уголовно-исполнительных инспекций направлена на регулирование определенных правоограничений, возлагаемых по решению суда на условно осужденных лиц. Данные правоограничения имеют не только исправительно-профилактический характер, направленность на формирование правопослушного поведения условно осужденного и недопущение совершения им нового преступления, но и представляют, по сути, карательные притязания государства, выраженные посредством решений суда, отчасти затрагивающие конституционные права граждан (в частности, ограничение свободного передвижения). Обязанность периодически являться в уголовно-исполнительную инспекцию также ограничивает конституционные права гражданина на свободу передвижения и место пребывания, закрепленные в ст. 27 Конституции РФ. Кроме того, систематическое невыполнение условно осужденным обязанности являться в уголовно-исполнительную инспекцию с определенной периодичностью, согласно ч. 3 ст. 74 УК РФ, ч. 4 ст. 190 УИК РФ и п. 129 Инструкции по организации исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества, утвержденной приказом Минюста России от 20 мая 2009 г. №142¹, влечет вынесение уголовно-исполнительной инспекцией представления об отмене условно-

¹ Российская газета. – 2009. – 14 августа.

го осуждения и исполнении наказания, назначенного приговором суда. Данное обстоятельство демонстрирует важную роль и место рассматриваемой обязанности в карательно-испытательном механизме условного осуждения, ее взаимосвязь с усилением уголовно-правовых притязаний государства к условно осужденному. Таким образом, исключительно суд должен в обязательном порядке указывать периодичность явки условно осужденного в уголовно-исполнительную инспекцию, учитывая влияние данной обязанности на достижение целей исправления условно осужденного и предупреждение совершения им новых преступлений. В результате в полной мере будет законным и обоснованным отмена условного осуждения и реальное исполнение наказания в случае уклонения условно осужденного от исполнения назначенной именно судом обязанности о периодичности явки условно осужденного в уголовно-исполнительную инспекцию. Изложенное в полной мере согласуется с известными особенностями российской правовой системы, относящейся к континентальному праву.

С точки зрения зарубежного опыта обращения с осужденными и использования метода сравнительного правоведения ограничение свободы как вид отечественного уголовного наказания может быть подвергнуто следующим критическим замечаниям.

Во-первых, в содержании данного уголовного наказания сложно «разглядеть» исправительный эффект. Так, ч. 1 ст. 53 УК РФ содержит комплекс ограничений («не уходить...», «не посещать...», «не выезжать...», «не участвовать...», «не изменять места жительства...»), по существу, являющихся запретами, применение которых направлено на предупреждение совершения новых преступлений осужденными к ограничению свободы, но не на их исправление. Приме-

нение при исполнении ограничения свободы электронного мониторинга (технических средств надзора и контроля¹) также является не более чем технической мерой безопасности, направленной на контроль поведения осужденного, а не на коррекцию нравственных свойств личности. Ведь режим исполнения наказания кроме карательной, предупредительной и контролирующей функций предполагает также исправительную (воспитательную), реализующуюся в первую очередь через дисциплинирование осужденного и переосмысление им своего поведения. Как отмечал А.Л.Ременсон, воздействие режимных требований уголовного наказания «способно приводить к образованию нового сознания, действуя как "восстановитель" положительного сознания, находящегося под спудом, и как "катализатор", резко ускоряющий развитие нужного нравственного развития... тормозящее действие наказания способно мобилизовать положительную активность личности»² При этом роль режима в формировании у осужденных к ограничению свободы уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития и стимулировании правопослушного поведения должна заключаться в корректировке таких негативных свойств личности лица, которые послужили основой формирования причин соответствующих преступлений. Вероятно,

1 Об утверждении перечня аудиовизуальных, электронных и иных технических средств надзора и контроля, используемых уголовно-исполнительными инспекциями для обеспечения надзора за осужденными к наказанию в виде ограничения свободы : постановление Правительства Российской Федерации от 31 марта 2010 г. № 198 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2010. – № 14, ст. 1663.

2 Ременсон А.Л. О воспитательной роли карательного воздействия в процессе деятельности исправительно-трудовых учреждений (статья третья) // Ременсон А.Л. Избранные труды. С. 58–59.

данная роль должна состоять в социальном дисциплинировании осужденного (в частности, своевременное посещение и возвращение с работы или учебы, своевременное проведение досуга) Эта роль режима проявляется и при исполнении других уголовных наказаний (например, при содержании в дисциплинарной воинской части соблюдение военнослужащим устава, нарушение которого лежало в основе воинского преступления, при исправительных работах соблюдение дисциплины по месту работы, нарушение которой привело к совершению преступления). Ведь практически невозможно нацелить режим на коррекцию всех девиантных и тем более преступных свойств личности лица, отбывающего уголовное наказание.

Режим может одновременно корректировать некоторые, в первую очередь морально-нравственные дефекты личности лица, совершившего преступление (например, соблюдение правил гигиены и санитарии при отбывании наказания в виде лишения свободы), но основная исправительная направленность режима должна быть нацелена на ликвидацию тех свойств, которые непосредственно привели к совершению общественно опасного деяния. Можно привести следующий пример из правоприменительной практики. Приговором мирового судьи судебного участка №15 в Большемуртинском районе Красноярского края от 12 февраля 2010 г. подсудимый С. за совершение преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 119, ч. 1 ст. 115, ч. 1 ст. 130 УК РФ, был осужден к одному году и шести месяцам ограничения свободы. Одно из ограничений, закрепленное в приговоре, состояло в запрете покидать квартиру в период с 17 до 6 часов.¹ Безусловно, что такой

¹ Приговор мирового судьи судебного участка № 15 в Большемуртинском районе Красноярского края от 12 февраля 2010 года в

длительный период обязательного пребывания дома значительно снижает возможности применения средств исправления данного осужденного. Более того, данная «отсидка», оказывая отрицательное психологическое воздействие на осужденного, практически не будет способствовать предупреждению совершения им новых преступлений, поскольку указанные выше преступления были совершены С. именно дома. Кроме того, они были совершены в состоянии алкогольного опьянения. Однако судья не обязал осужденного пройти курс лечения от алкоголизма, которым, возможно, страдает осужденный. В связи с данным практическим примером видится совершенно справедливым возмущение В.С.Овчинского, указывающего, что рассматриваемое наказание ориентировано на лиц, которые «в быту пьянствовали, хулиганили, потребляли наркотики, избивали соседей. И что, предлагается их вернуть в ту же среду, которая помогла им стать преступниками, и назвать это мерой наказания? Что бы они, не испытав на себе реального наказания, вновь продолжали отравлять жизнь окружающим?»¹

Также непонятно, какой исправительный эффект имеет режим ограничения свободы на лицо, совершившее, например, кражу, мошенничество, присвоение или растрату, вымогательство, в том числе особо квалифицированные виды данных преступлений, нарушение правил безопасности на объектах атомной энергетики, нарушение требований пожарной безо-

отношении С. Дело № 1-29/2010. Архив судебного участка № 15 в Большемуртинском районе Красноярского края.

¹ Овчинский В.С. О реформе российской пенитенциарной системы в условиях финансово-экономического кризиса // Уголовная политика и право в эпоху перемен: материалы международной научно-практической конференции, посвященной памяти профессора П.С. Дагеля / науч. ред. А.И.Коробеев. Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 2010. С. 149–150.

пасности, небрежное хранение огнестрельного оружия, нарушение правил безопасности движения и эксплуатации железнодорожного, воздушного или водного транспорта. За совершение данных преступлений режим ограничения свободы за счет лишь организационно-технических средств не будет обладать должным исправительным воздействием. Назначение ограничения свободы за преступления, связанные с нарушением специальных правил, будет выступать не более чем дополнительной мерой предупреждения совершения нового преступления, поскольку произойдет «дублирование» такого наказания, как лишение права заниматься определенной деятельностью или занимать определенные должности, которое, как правило, назначается за данные общественно опасные деяния.

Отчасти средствами исправления осужденных к ограничению свободы выступает воспитательная работа, которую согласно ч. 1 ст. 54 УИК РФ уголовно-исполнительные инспекции могут проводить с осужденным. Однако законодатель не предусмотрел по отношению к лицам, отбывающим ограничение свободы, таких средств исправления, закрепленных в ч. 2 ст. 9 УИК РФ, как общественно полезный труд, получение общего образования, профессиональная подготовка и общественное воздействие. Предполагается, что данные средства исправления либо уже до назначения наказания были «вплетены» в некоторые формы социальной деятельности осужденного (например, учеба), либо лишь частично проявились в его профессиональной трудовой деятельности. Более того, в ч. 1 ст. 53 УК РФ закреплен запрет на изменение места работы или учебы без согласия специализированного государственного органа, осуществляющего надзор за отбыванием осужденными наказания в виде ограничения свободы. В связи с этим можно предположить нежела-

Тепляшин П.В.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ГАРМОНИЗАЦИИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ В УСЛОВИЯХ ИНТЕГРАЦИИ ПРАВОВЫХ СИСТЕМ : МОНОГРАФИЯ. КРАСНОЯРСК: СИБЮИ МВД РОССИИ, 2010.

ние работодателя или администрации учебного заведения брать на работу или учебу таких осужденных, уволить или отчислить которых можно будет только с согласия уголовно-исполнительной инспекции. Следовательно, ограничение свободы оказалось значительно «обездоленным» в средствах исправительного воздействия на осужденного.

Представляет интерес зарубежный опыт применения аналогичного наказания. Например, в Англии и Уэльсе домашний арест с использованием системы электронного мониторинга как мера наказания, не связанная с изоляцией от общества, исполняется на практике в соответствии с Законом об уголовной юстиции 1991 г., но более широкое применение данный институт нашел с декабря 1999 г.¹ Развитие в английской юридической науке новых концепций реакции общества и государства на преступление привело к принятию указанного закона, который ввел в действие новую модель наказаний, не связанных с изоляцией от общества, в том числе домашний арест. Закон утвердил данные наказания как самодостаточные и более не являющиеся только альтернативными мерами тюремному заключению. Было положено начало развитию концепции «переселения» осужденных из тюрьмы в общество, то есть исправления преступников, в том числе совершивших преступления высокой общественной опасности, вне изоляции, но под «присмотром» различных прогрессивных социальных и иных программ.² В силу этого с организационной точки зре-

1 Whitfield D. Tacking the Tag. The Electronic Monitoring of Offenders. London: Waterside Press, 1997. P. 17–27.

2 Worrall A. Punishment in the Community: The Future of the Criminal Justice. London and New York: Longman, 1997. P. 21–33; The Oxford Handbook of Criminology / Edited by M. Maguire, R. Morgan and R. Reiner. 3rd ed. Oxford: University Press, 2002. P. 1158–1159.

ния произошел «толчок» по направлению расширения различных форм взаимодействия между пробационными службами и иными государственными, общественными и частными структурами. Была произведена переоценка роли офицеров пробационных служб в деле исправления и реабилитации лиц, осужденных к рассматриваемым наказаниям. С одной стороны, они стали особым «звеном» между судом и осужденным лицом, находящимся в обществе под их надзором. С другой – под влиянием вышеобозначенного закона и Национальных Стандартов организации надзора за преступниками, отбывающими наказания, не связанные с изоляцией от общества, 1992 г. (и их пересмотренного варианта 1995 г.) офицеры пробационных служб до избрания меры наказания обязаны подготавливать и предоставлять суду отчет с рекомендациями о потенциальной возможности назначения «наказания в обществе», его форме и, если это необходимо, дополнительных условиях.¹ Практика предварительного исследования личности обвиняемого офицерами службы пробации известна также американскому правопришителю и законодательству. В частности, специалистами отмечается, что решение вопроса о применении пробации американскими судами невозможно без предварительного изучения личности обвиняемого, так как ни материалы обвинения, ни личное мнение судьи во время процесса не дают достаточной информации для принятия обоснованного решения о назначении пробации. «Характер, поведенческие проявления личности зависят не только от нынешнего положения, условий жизни и деятельности, но и от всей

1 Brownlee I. Community Punishment. A Critical Introduction. London and New York: Longman, 1998. P. 81; Ashton J. and Wilson D. What Everyone in Britain should Know about Crime and Punishment. 2nd ed. Oxford: University Press, 2001. P. 161.

прошлой жизни, обуславливающей характер человека... В связи с этим офицерами данных служб до суда могут проводиться предварительные исследования в отношении подозреваемых, когда те арестованы полицией... Офицеры службы пробации также исследуют предкриминальную ситуацию и составляют рекомендации к приговору (социальный доклад) для каждого правонарушителя. При этом рекомендации к приговору, перед передачей их в суд, обсуждаются с правонарушителями и их семьями. Офицеры могут привлекаться для дачи разъяснений в суде относительно их рекомендаций. Но социальные доклады передаются в суд только после установления виновности подсудимого»¹. Данный опыт практики исполнения наказаний, не связанных с изоляцией осужденного от общества, заслуживает положительной оценки и поэтому должен быть внедрен в отечественную практику исполнения не только ограничения свободы, но и условного осуждения, исправительных работ, обязательных работ.

В английском законодательстве домашний арест регламентируется группой правовых актов, важнейшими из которых являются Уголовный закон о нарушении общественного порядка 1998 г. и Закон о полномочиях уголовных судов 2000 г. В частности, секции 99 и 100 первого из них указывают на дифференцированное (в зависимости от объема закрепленных обязанностей и продолжительности домашнего ареста) использование системы электронного мониторинга (электронных ярлыков) в отношении лиц, содержащихся под домашним арестом.

Обращает на себя внимание длительность сроков ограничения свободы. Как представляется, возмож-

¹ Кубанцев С.П. Применение пробации и досрочного освобождения от отбывания наказания в виде лишения свободы в США // Журнал российского права. 2006. № 1. С. 128–129.

ность назначения ограничения свободы сроком до четырех лет в качестве основного наказания демонстрирует случаи неподготовленного, в сравнительно-правовом смысле, обращения с инациональным правом. Например, «комендантский час» в Англии применяется сроком до 6 месяцев, в течение которых осужденное лицо может быть не только ограничено в посещении определенных общественных мест, увеселительно-развлекательных центров, пабов, управлении транспортным средством, но и обязано пройти антинаркотическую либо антиалкогольную программу, курс первоначального профессионального обучения, принять участие в волонтерской либо иной общественной деятельности.¹ Можно согласиться с мнением Л.В.Головки, сомневающегося в эффективности длительного помещения лица в «социально замороженное состояние», в отношении которого «надзор превратится в нечто "вялотекущее" и сугубо формальное»². При этом качество исполнения данного наказания во многом зависит от осуществления так называемого электронного мониторинга. Однако, например, в Красноярском крае за шесть месяцев применения ограничения свободы ни по одному из 43 вступивших в законную силу приговоров не применялись технические средства надзора и контроля.

Вызывает возражение законодательно предусмотренная возможность назначения ограничения свободы в качестве дополнительного вида наказания. Так, ч. 2 ст. 53 УК РФ регламентирует назначение ограничения свободы на срок от шести месяцев до двух лет в качестве дополнительного вида наказания к лишению свободы в случаях, предусмотренных соответствующими

1 Doherty M. Criminal Justice and Penology. London: Old Bailey Press, 2000. P. 195.

2 Головки Л.В. Указ. соч. С. 10.

статьями Особенной части уголовного закона. Однако проблемы постпенитенциарной адаптации, высокая вероятность потери социально-полезных связей, сложности в трудоустройстве и связанные с отсутствием жилой площади несовместимы с дополнительными ограничениями, которые несет ограничение свободы. В связи с этим видится достаточно верным мнение Ю.В.Баранова, полагающего, что «наибольшую трудность для процесса ресоциализации освобожденных может представлять их изолированность, создаваемая как представителями общества, так и ими самими»¹. Как представляется, применение рассматриваемого наказания после освобождения из мест лишения свободы будет связано с нежелательной «стигматизацией» освобожденного, дополнительной демонстрацией его упречности перед окружающими людьми, способной привести к нежелательным психическим процессам, связанным с формированием подозрительности, негативизма, агрессивности. Применение уголовного наказания в виде ограничения свободы в отношении лиц, освобожденных из исправительного учреждения, не гармонирует с задачами их ресоциализации и фактически препятствует процессу ресоциализации, поскольку, в соответствии с замыслом законодателя, доминирующее назначение ограничения свободы как дополнительного наказания – это не возобновление социализации осужденного, а карательно-исправительное воздействие на те негативные свойства личности, которые не могут быть исправлены (откорректированы) в период лишения свободы.

Исполнение ограничения свободы после освобождения лица из мест лишения свободы будет нецелесо-

¹ Баранов Ю.В. Стадии ресоциализации осужденных в свете новых социолого-антропологических воззрений и социальной философии. СПб.: Юридический центр Пресс, 2006. С.191.

образно, поскольку либо создаст объективные трудности в социальной адаптации (например, значительно затруднит поиск работы, трудоустройство, включая работу вахтовым методом или в ночное время суток), либо автоматически превратит освобожденное лицо в злостного нарушителя порядка отбывания ограничения свободы (например, в случае отсутствия места жительства последнего) с последующим осуждением по ч. 1 ст. 314 УК РФ. Более того, суд по объективным причинам не может предвидеть характер и перечень ограничений, которым должно будет подвергнуться лицо через достаточно длительное время (например, через 12 лет лишения свободы при отбытии наказания за совершение преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 162 УК РФ). Ограничения в подобных случаях будут носить предельно абстрактный характер без учета тех возможных изменений, которые произойдут в личной сфере осужденного и среди его социального окружения. Как верно отмечает Л.В.Головко, в развитых странах существует «совершенно иной механизм: государство сначала решает социальные проблемы освобожденного, а затем уже накладывает на него соответствующие обязанности (этим чаще всего занимается специальный судья по исполнению наказания) и следит за их исполнением»¹. Как представляется, в России контроль за поведением лиц, освобожденных из мест отбывания лишения свободы, и оказание помощи в их социальной адаптации и ресоциализации должны осуществляться специализированной пробационной службой в рамках института постпенитенциарного контроля (надзора).

Законодательно предусмотренная возможность назначения ограничения свободы в качестве дополни-

¹ Головко Л.В. Указ. соч. С. 10.

тельного наказания к лишению свободы уже приводит к существенным проблемам практического характера. Так, назначая лишение свободы условно и ограничение свободы, суд устанавливает в отношении осужденного во многом дублирующие обязанности и ограничения. В этой части между условным осуждением как иной мерой уголовно-правового характера и ограничением свободы как видом уголовного наказания возникает много общих уголовно-правовых свойств, которые не просто существенно осложняют задачи инспектора уголовно-исполнительной инспекции, но и нарушают принцип справедливости. Ведь согласно ч. 1 ст. 6 УК РФ наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, должны соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного. Следовательно, «двойной эффект» одновременного применения обязанностей, вытекающих из испытательного срока условного осуждения, и ограничений, отражающих содержание ограничения свободы, не адекватен характеру и степени общественной опасности совершенного преступления. В связи с этим показателен следующий пример. Байкитским районным судом Красноярского края 8 апреля 2010 г. подсудимый П. за совершение преступления, предусмотренного пп. «в» и «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ, был осужден к трем годам шести месяцам лишения свободы условно и ограничению свободы на один год. При этом требование не изменять место жительства и не выезжать за пределы территории села Байкит без согласия уголовно-исполнительной инспекции №58 ГУ ФСИН по Красноярскому краю одновременно явилось обязанностью и ограничением применительно как к условному осуждению, так и к ограничению свободы. Еще в качест-

ве двух обязанностей при условном осуждении выступил курс лечения от алкоголизма и обязанность трудоустроиться. В качестве ограничений в приговоре закреплены запреты уходить из дома в период с 23 до 7 часов, посещать места проведения массовых мероприятий и участвовать в них, а также требование явки в уголовно-исполнительную инспекцию №58 ГУФСИН по Красноярскому краю один раз в месяц для регистрации.¹ Осталось непонятным, какой исправительный и предупредительный эффект имеет назначение одновременно двух мер уголовно-правового характера. Ведь ограничения, закрепленные в нем, могли быть изложены в качестве обязанностей при условном осуждении. Необходимо согласиться с теми специалистами, которые указывают на значительное сходство между ограничением свободы и условным осуждением – «одни и те же обязанности могут налагаться в одном случае в качестве самостоятельного наказания, а в другом – как элемент испытания при условном осуждении»². При этом процедура фиксации злостного уклонения лица от обязанностей и ограничений, наложенных в рамках различных мер уголовно-правового характера, и сами последствия такого уклонения будут иметь разнопорядковый характер, что создаст «путаницу» и даже конкуренцию в применении соответствующих норм уголовно-исполнительного законодательства. Например, выезжая за пределы территории проживания без согласия уголовно-исполнительной инспекции, осужденный одновремен-

1 Приговор Байкитского районного суда Красноярского края от 8 апреля 2010 года в отношении П. Дело № 1-05/2010. Архив Байкитского районного суда Красноярского края.

2 Титаренко А.П. Тенденция изменений юридической природы мер уголовно-правового принуждения на современном этапе разви-

но нарушит и обязанность, и ограничение. В качестве реакции на такие нарушения выступает предупреждение о недопустимости такого поведения. В случае повторного нарушения этих предписаний в соответствии с требованиями об ответственности условно осужденных, предусмотренных ст. 190 УИК РФ, в отношении осужденного может быть подготовлено представление о продлении испытательного срока либо об отмене условного осуждения и исполнении наказания, назначенного приговором суда, в соответствии же с требованиями ст. 58 УИК РФ об ответственности осужденных к ограничению свободы в отношении осужденного должно быть подготовлено официальное предостережение о недопустимости нарушения установленных судом ограничений. Лишь после последующего нарушения порядка отбывания ограничения свободы и уже вынесенного официального предостережения о недопустимости нарушения установленных судом ограничений уголовно-исполнительная инспекция может подготовить представление в суд о факте злостного нарушения порядка отбывания наказания и необходимости привлечения осужденного к ответственности по ч. 1 ст. 314 УК РФ.

В силу отмеченного необходимо признать упречным мнение А.П.Титаренко, полагающего, что для увеличения карательного потенциала ограничения свободы перед условным осуждением «целесообразнее в ч. 5 ст. 53 УК РФ внести изменение, согласно которому в случае злостного уклонения осужденного от отбывания ограничения свободы суд может заменить неотбытую часть наказания лишением свободы из расчета один день лишения свободы за один день ограничения свободы, а не за два дня как это предусмотрено дейст-

вующим законодательством»¹. Во-первых, нарушается идея о «лестнице» уголовных наказаний, поскольку тем самым ограничение свободы по своему карательному потенциалу необоснованно ставится на один уровень с уголовным наказанием в виде лишения свободы на определенный срок. Во-вторых, данное предложение не решает проблемы необоснованного «расщепления» таких уголовно-правовых мер принуждения, как условное осуждение и ограничение свободы, одновременное применение которых не только дискредитирует социальный и специально-криминологический смысл уголовно-правового воздействия, но и значительно усложняет процесс их легитимного исполнения.

Таким образом, опыт английского уголовного правосудия, являющегося «классическим» представителем англосаксонской системы права, показывает его поверхностный анализ и недостаточный учет отечественным законодателем при конструировании уголовно-правовых и уголовно-исполнительных параметров уголовного наказания в виде ограничения свободы. Следует отметить достаточно прогрессивные и согласующиеся с отечественной практикой исполнения уголовных наказаний, но вместе с тем не учтенные нашим законодателем достижения соответствующего зарубежного опыта.

Задачи гармоничного сочетания иностранных образцов в области обращения с осужденными и соответствующей отечественной практики позволяют внести в уголовное и уголовно-исполнительное законодательство следующие новеллы и корректировки:

1) введение норм, регламентирующих предварительное изучение специалистами уголовно-исполнительной инспекции личности осужденного, подпадающего под воз-

¹ Титаренко А.П. Указ. соч. С. 117.

можное применение к нему наказания в виде ограничения свободы, с целью подготовки индивидуальной программы обращения с данным лицом в случае его осуждения к рассматриваемому наказанию. При этом перечень ограничений и обязанностей может быть самым разнообразным, отражающим потребности в исправлении конкретного осужденного, позволяющим максимально индивидуализировать наказание и исправительное воздействие с учетом совершенного преступления;

2) установление срока ограничения свободы до двух лет в отношении совершеннолетних осужденных и до одного года в отношении несовершеннолетних осужденных;

3) исключение возможности применения ограничения свободы в качестве дополнительного наказания.

ГЛАВА III

Правоприменительные аспекты гармонизации

уголовно-исполнительного права России в условиях интеграции правовых систем

§ 1. Естественной-правовой и позитивистский типы правопонимания в практике исполнения уголовных наказаний

Правопонимание переводит идею гармонизации уголовно-исполнительного законодательства из сугубо теоретической плоскости в разряд прикладных, позволяет обратиться к ее правоприменительным аспектам. Известны два основных типа правопонимания – естественно-правовой и позитивистский. Безусловно, данные типы правопонимания, находясь в тесном «переплетении», должны гармонично сочетаться в механизме правовой регуляции признания (санкционирования) и закрепления (позитивации) прав, свобод и законных интересов человека. Наиболее ярко недостатки и достоинства такого сочетания проявляются в

признании и закреплении категории законных интересов осужденных.

Так, в соответствии с ч. 2 ст. 1 УИК РФ одной из задач уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации выступает охрана прав, свобод и законных интересов осужденных. Следовательно, законные интересы осужденных являются относительно самостоятельным объектом правовой защиты. Вместе с тем с точки зрения естественно-правового и позитивистского типов правопонимания в механизме правовой регуляции должно гармонично сочетаться признание (санкционирование) и закрепление (позитивация) правовых благ. Так, с одной стороны, важно познать ценностную установку права в части закрепления такой дефиниции, как «законный интерес», выявить роль и место этой категории в регуляции общественных отношений и исправлении преступника, дать четкое понятие законному интересу осужденного лица. С другой стороны, необходимо подвергнуть критике утверждение о том, что охрана законных интересов осужденных выступает задачей именно законодательства. Ведь важность социального статуса личности предполагает ее связь с государством, гарантирующим ролевую значимость каждого индивидуума в общественных отношениях, и непреложность индивидуальной ценности личности. Как представляется, достижение данной задачи для законодательства не отражает правовую сущность жизненных ситуаций, требующих соответствующего юридического разрешения, но лишь учитывает формально-нормативный характер преобразований правовой материи.

По мнению В.В.Субочева, законные интересы – это стремление субъекта пользоваться определенным социальным благом и в некоторых случаях обращаться за защитой к компетентным органам в целях удовлетво-

рения не противоречащих нормам права интересов, которое в определенной степени гарантируется государством в виде юридической дозволенности, отраженной в объективном праве либо вытекающей из его общего смысла», а также «соответствующие праву, но прямо не зафиксированные в нормативных предписаниях стремления участников правоотношений, направленные на обладание конкретным социальным благом».¹

Анализ рассматриваемой категории приводит к мысли о том, что потребность в ее использовании обусловлена необходимостью отражения в законодательстве фактически складывающихся общественных отношений и расширения арсенала юридических средств воздействия на поведение субъектов. Однако думается, что закрепление данной категории в уголовно-исполнительном законодательстве больше носит декларативный характер, является данью формального закрепления международных стандартов в области прав человека, нежели чем вторит реальным потребностям в повышении исправительного эффекта уголовного наказания. Вероятно, ценностная установка уголовно-исполнительного права в части закрепления важности охраны законного интереса как раз и состоит в возвышении практической значимости законодательства и исправительного воздействия уголовного наказания.

Роль законного интереса в регулировании уголовно-исполнительных отношений заключается в его функциональной направленности. Речь идет в первую очередь о воспитательной и регулятивной функциях, кото-

¹ Субочев В.В. Установление законных интересов в юридических предписаниях: проблемы правотворческой дефиниции // Законодательная дефиниция: логико-гносеологические, политико-юридические, морально-психологические и практические проблемы : материалы Международного «круглого стола» (Черновцы, 21–23

рые, безусловно, тесно взаимосвязаны и поэтому не проявляются в «чистом» виде. Так, стремление осужденного лица к обладанию различными социально-правовыми благами позволяет обнаружить его нравственные потребности и, возможно, степень исправления. Например, предоставление осужденному лицу, в соответствии со ст. 97 УИК РФ, возможности краткосрочного выезда за пределы исправительного учреждения имеет высокую воспитательную функцию и предполагает своеобразное «высвечивание» позитивных свойств данной личности через механизм оказания доверия.

Регулятивная функция проявляется в маневрировании законного интереса между диалектическим взаимодействием императивных и диспозитивных начал в праве, публично-правовых и частноправовых юридических конструкций, то есть позволяет в рамках уголовно-исполнительных отношений, являющихся, по сути, императивными, учитывать частные интересы как осужденного, так и администрации учреждения, исполняющего уголовное наказание. Так, предоставление осужденному лицу на основании ст. 96 УИК РФ возможности передвижения без конвоя или сопровождения за пределами исправительного учреждения позволяет учитывать как интересы осужденного лица в обладании им большей свободой в условиях изоляции от общества, так и интересы администрации исправительного учреждения в решении необходимых хозяйственных вопросов.

При этом важно заметить, что общественные отношения, выступающие предметом регулирования публичного и частного права, постоянно находятся в соответствующей динамике. В этом случае приоритет публично-правовым или частноправовым юридиче-

ским конструкциям всегда отдавался с учетом характера потребностей общества и государства. Повышение значимости уголовно-исполнительных отношений, основанных на самоответственности субъектов по своим обязательствам и действиям, гарантированной судебной защите, учитывающих расширение свободы волеизъявления лиц, отбывающих наказание, по вопросам санитарно-бытового, медико-гигиенического и адаптационного характера привело к активному использованию частноправовых конструкций в регулировании процесса отбывания уголовного наказания. В связи с этим показателен пример из судебной практики, демонстрирующий примат публично-правовых начал в регулировании уголовно-исполнительных отношений. Так, Хабаровским краевым судом гражданин Т. осужден к пожизненному лишению свободы с отбыванием первых 15 лет в тюрьме. Администрация тюрьмы, в которой отбывает наказание осужденный, обратилась в суд с ходатайством о зачете времени содержания данного лица под стражей до вступления приговора в законную силу в срок отбывания наказания в тюрьме. Хабаровский краевой суд 24 октября 2007 г. вынес постановление об удовлетворении ходатайства. Однако осужденный Т. в кассационной жалобе просил постановление отменить и производство по делу прекратить, ссылаясь на отсутствие его ходатайства о рассмотрении данного вопроса и на нарушение его прав. В результате вопрос был решен Судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации, которая постановлением от 3 июня 2008 г. постановление судьи Хабаровского краевого суда оставила без изменения, а кассационную жалобу без удовлетворения, указав, что этот вопрос не был решен судом первой инстанции лишь в связи с тем, что изменение редакции ч. 2 ст. 58 УК РФ было

Тепляшин П.В.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ГАРМОНИЗАЦИИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ В УСЛОВИЯХ ИНТЕГРАЦИИ ПРАВОВЫХ СИСТЕМ : МОНОГРАФИЯ. КРАСНОЯРСК: СИБЮИ МВД РОССИИ, 2010.

осуществлено после постановления приговора, поэтому «судья Хабаровского краевого суда применил к осужденному закон, улучшающий его положение... Отсутствие его ходатайства о рассмотрении данного вопроса не нарушило охраняемые законом его интересы и не могло повлиять на вынесение законного и обоснованного решения».¹ Как представляется, данное судебное решение устраняет диспозитивные начала в регулировании уголовно-исполнительных отношений, по существу, как раз не позволяет учитывать законные интересы осужденного лица, не отражает унификацию юридических правил изменения правового положения осужденного лица. Указание в определении Судебной коллегии на то обстоятельство, что отсутствие ходатайства осужденного не нарушило охраняемые законом его интересы, противоречит традиционно сложившемуся представлению о самих законных интересах как о стремлении субъекта пользоваться определенным социальным благом, как о категории, означающей «степень опосредования не противоречащих действующему законодательству устремлений граждан»². В рассмотренном примере такое «стремление» было полностью проигнорировано. Кроме того, действующее уголовно-исполнительное законодательство важное место в процедуре улучшения правового положения осужденного отводит его ходатайству. В частности, о таком ходатайстве идет речь в ст. 175

1 Рассмотрение вопроса о зачете времени содержания под стражей в срок отбывания наказания в тюрьме по ходатайству администрации тюрьмы, в которой отбывает наказание осужденный, соответствует требованиям закона : определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 3 июня 2008 г. № 58-008-8 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2008. № 12. С. 15.

2 Субочев В.В. Сущность законных интересов // Ленинградский юридический журнал. 2007. № 2(8). С. 54.

УИК РФ «Порядок обращения с ходатайством об освобождении от отбывания наказания и представления о замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания», регулирующей процедуру одного из вариантов улучшения правового положения осужденного. Наряду с данным вариантом зачет времени содержания под стражей в срок отбывания наказания в тюрьме также выступает улучшением правового положения осужденного, но порядок учета законных интересов осужденных в данных вариантах различен. Данная аритмия формально-нормативного и судебно-правоприменительного подходов в правовом регулировании уголовно-исполнительных отношений свидетельствует об отсутствии гармоничного сочетания естественно-правового и позитивистского типов правового понимания, не способствует достижению исправительного эффекта уголовного наказания.

Вместе с тем важность законных интересов в уголовно-исполнительных отношениях все же обусловила постепенное расширение их нормативного закрепления. Не случайно отмечается тенденция «повышения значимости законных интересов как инструмента, раскрывающего свой потенциал в механизме правового регулирования»¹.

Однако в уголовно-исполнительном законодательстве отсутствует единообразный подход к отнесению конкретных социально-правовых благ к законным интересам либо субъективным правам и происходит это, по существу, в условиях, когда ценность конкретного блага не может быть охвачена определенной нормой права. В этом случае используется прием декларирования соответствующих социально-правовых ценностей, тогда как их регулирование «выпадает» из-под

¹ Субочев, В.В. Установление законных интересов... С. 436.

механизма нормативного воздействия на общественные отношения. В частности, понятие «исправление осужденных» в ч. 1 ст. 9 УИК РФ закреплено как «формирование у них уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития и стимулирование правопослушного поведения», а конкретная формализация процесса исправления, по существу, отсутствует. В связи с неспособностью уголовно-исполнительных норм «вплестаться» в фактический процесс исправительного воздействия и абстрагированностью нормативных предписаний от данного процесса в последнее время возрос научно-практический интерес к двум проблемам – понятию исправления осужденных и степеням такого исправления.

Сущность законных интересов состоит либо в нецелесообразности закрепления либо инструментальной невозможности отражения в конкретной уголовно-исполнительной норме всех жизненных случаев и ситуаций, которые могут приводить к появлению у субъектов правоотношений стремления воспользоваться определенным социально-правовым благом. Например, законодатель в ч. 3 ст. 121 УИК РФ не уточняет при соблюдении каких конкретно условий осужденные, отбывающие наказание в облегченных условиях, в целях успешной социальной адаптации могут быть за шесть месяцев до окончания срока наказания освобождены из-под стражи и проживать за пределами исправительной колонии. Практически такими условиями выступает отсутствие у осужденного лица взысканий за нарушение установленного порядка отбывания наказания, положительная характеристика, добросовестное отношение к труду, наличие родственников и средств к проживанию за пределами исправительного учреждения и другие обстоятельства, перечень и содержание которых зависит

от конкретного случая. Таким образом, законодатель признает за осужденными как участниками уголовно-исполнительных отношений наличие целого ряда «неучтенных» законных интересов, ради которых данные лица готовы к позитивному и, следовательно, необходимому для государства поведению. В связи с чем законный интерес в системе уголовно-исполнительных правоотношений выступает важным «рычагом» стимулирования осужденного лица к исправлению.

О присутствии законных интересов в механизме правового регулирования уголовно-исполнительных отношений также говорят соответствующие юридические конструкции. Так, осужденным лицам, находящимся в строгих условиях отбывания наказания либо отбывающим меру взыскания в штрафных изоляторах, помещениях камерного типа, единых помещениях камерного типа и одиночных камерах, в соответствии с ч. 3 ст. 92 УИК РФ, может быть разрешен телефонный разговор лишь при исключительных личных обстоятельствах. Использование таких конструкций, как «исключительные личные обстоятельства», «исключительные случаи», «уважительные причины», безусловно свидетельствует о проявлении диспозитивности правового регулирования общественных отношений и признании тех форм реализации своего правового статуса участниками данных отношений, которые в конкретной жизненной ситуации являются наиболее рациональными и приемлемыми для достижения цели исправления осужденных лиц с позиций правоприменителя. Подобное проявление диспозитивности стимулирует и правовую активность осужденного как участника уголовно-исполнительных отношений, что также способствует их исправлению. Ведь как верно отмечает А.В.Сумачев, правовая диспозитивность состоит в волевом избрании независимых друг от друга

Тепляшин П.В.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ГАРМОНИЗАЦИИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ В УСЛОВИЯХ ИНТЕГРАЦИИ ПРАВОВЫХ СИСТЕМ : МОНОГРАФИЯ. КРАСНОЯРСК: СИБЮИ МВД РОССИИ, 2010.

субъектов «из предусмотренных законом альтернативных вариантов правомерного поведения такой, который наиболее полно способствовал бы удовлетворению законных интересов этих субъектов»¹.

Реализация законных интересов и их толкование возложено на правоприменителя, которые в силу систематической практики их применения создают своеобразные прецеденты, отражающие естественно-правовое понимание типичных жизненных ситуаций. Во многих случаях именно имеющийся «удачный» либо «авторитетный» прецедент приобретает руководящий характер для разрешения типичных случаев в дальнейшем. Данный правовой феномен отражает модель правового регулирования, при которой конкретные жизненные ситуации, по существу, не разрешаются нормой права, но регулируются правоприменителем.

Оптимальным проявлением «жизни» законного интереса выступает договор (соглашение, контракт), поскольку каждая из сторон договорного правоотношения действует в соответствии со своими законными устремлениями, ориентируясь лишь на законодательные требования к форме и условиям таких отношений. В связи с этим достаточно конструктивным видится заключение с лицами, осужденными к отбыванию уголовного наказания в виде лишения свободы, своеобразного соглашения, реализуемого в форме персональной программы отбывания наказания. Данная программа позволила бы, во-первых, закрепить соответствующие позиции сторон, опирающиеся на те интересы, которые опосредовать в правовых нормах невозможно, во-вторых, максимально учесть особенности личности осужденного лица и, в третьих, предельно персонифицированно закрепить взаимовыгодный

¹ Сумачев А.В. Диспозитивность в уголовном праве // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2008. № 1(4). С. 67.

порядок отбывания наказания, включающий особенности прав и обязанностей, режима, воспитательной и психологической работы, профессиональной подготовки и труда осужденного. В связи с этим показателен зарубежный опыт. Так, начиная с конца 1990-х гг. в практику обращения с заключенными в тюрьмах Швеции, США, Англии и некоторых других стран активно внедряется составление индивидуальной программы поведения осужденного лица. Детализация правового статуса заключенного в данной программе основывается на всестороннем учете всех индивидуальных социально-психологических особенностей его личности. Программа закрепляет ряд персональных мер, отражающих как режимные мероприятия, направленные на предупреждение угрозы самоповреждения, суицида, побега, насилия со стороны других осужденных и персонала, так и сугубо исправительные, предусматривающие особенности лечебно-оздоровительных, досуговых, спортивных, коммуникативно-социализирующих и адаптационных мероприятий.¹ В частности, международный советник по вопросам заключения и условного освобождения Б.Л.Йоханссон отмечает, что в разрабатываемом в Швеции для каждого заключенного индивидуальном плане «уточняются возможности контактов с семьей и окружающими, обязательного отпуска»². В содержании рассматриваемой программы «осевым» моментом должна выступать идея юридиче-

1 Wortley R. *Situational Prison Control. Crime Prevention in Correctional Institutions*. Cambridge: University Press, 2002. P. 95–96, 113, 151, 204.

2 Йоханссон Б.Л. Общие сведения о системе исполнения наказаний в Швеции // Пути взаимодействия пенитенциарных учреждений и некоммерческих организаций в области образования : материалы международной конференции, Санкт-Петербург, п. Репино, 7–10 октября 2004 г. / сост. И.М. Княжева. СПб., РОО «Центр женских инициатив», 2004. С. 30.

ской дозволенности, вытекающая из общего смысла исправительного воздействия и воплощающая не только максимально возможное, желаемое для осужденного лица поведение, но и гарантированность такого поведения со стороны государства.

Таким образом, персональная программа отбывания наказания демонстрирует естественно-правовой тип правопонимания и является способом преодоления недостаточно гибкой позитивистско-нормативной модели регулирования уголовно-исполнительных отношений, требующих более рельефного учета интересов их участников. Ведь правовая норма, бесспорно являясь универсальным регулятором общественных отношений, все же не может выступать универсальной формой опосредования разнообразных интересов личности, ее стремлений на обладание социально-правовым благом.

§ 2. ПЕРСПЕКТИВЫ РАСШИРЕНИЯ СУДЕБНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Перспективы внедрения прецедентного права в орбиту уголовно-исполнительных отношений взаимосвязаны с необходимостью расширения судебного контроля и качественной процедурности в регулировании исполнения уголовных наказаний. При этом конституционные положения о признании высшей ценностью для государства и общества прав и свобод человека и гражданина обуславливают обязанность судов обеспечить соблюдение и защиту прав и свобод лиц, отбывающих уголовные наказания. Именно су-

дебный компонент занимает особое место в механизме обеспечения правового положения осужденных.

В настоящее время применительно к национальным правовым системам обнаруживается тенденция целенаправленного поиска наиболее адекватных и эффективных средств и форм правового регулирования общественных отношений. В связи с этим обстоятельством М.Н.Марченко отмечает: «закон, сохраняя свое доминирующее положение в системе источников права в подавляющем большинстве стран, в особенности тех, которые относятся к странам романо-германского права, все чаще сочетается, а в ряде случаев последовательно вытесняется такими формами права, как прецедент, создаваемый не только национальными, но и наднациональными судами»¹. По существу, это тенденция проявляется на межнациональном и национальном уровнях, отражая очевидное и повсеместное усиление «роли и значения судейского права, а вместе с ним и его источников в виде прецедента и судебной практики»². И.Я.Козаченко считает, что «роль судебных прецедентов в качестве источника права и предмета анализа юридической науки в Российской Федерации будет постоянно возрастать. Правда, существенным тормозом на пути внедрения в отечественную правоприменительную практику судебного прецедента выступает присущий российской уголовно-правовой действительности консерватизм с гипертрофированным чувством собственного достоинства»³.

Как представляется, повышение роли судебного правотворчества повышает авторитет и социальную значимость судебной практики и правовых позиций

1 Марченко М.Н. Об основных тенденциях развития права в условиях глобализации // Государство и право. 2009. № 6. С. 7.

2 Там же. С. 8.

3 Козаченко И.Я., Койстинена Я. Указ. соч. С. 21.

суда. В частности, Н.А.Власенко отмечает значительную роль в регулировании общественных отношений судебных правовых позиций, то есть адаптированную в решении суда норму права.¹

При этом категория «судебная практика» используется в доктрине романо-германского права уже давно, однако только во второй половине прошлого столетия она стала наполняться несколько иным содержанием, отражающим тенденцию усиления роли решений вышестоящих судебных органов над нижестоящими.² В настоящее время рассматриваемая категория предполагает возможность быть включенной в систему источников права. Так, по справедливому мнению И.В.Воронцовой, «исключать возможность признания судебной практики в качестве источника российского права только лишь на том основании, что суд не может создавать норму права, было бы неверным. Высшие суды компетентны принимать соответствующие постановления, которые становятся обязательными для всех, а нижестоящие суды обязаны ссылаться на эти постановления, содержащие официальное толкование отдельных норм права и рекомендации»³. А.И.Рарог указывает, что разъяснения, например, Пленума Верховного Суда Российской Федерации по вопросам судебной практики носят и должны носить рекомендательный характер, но с учетом высокого авторитета этого органа, квалифицированности и научной обоснованности его рекомендаций служат ориентиром для правильного и единообразного применения зако-

1 См.: Власенко Н. «Тревожные» вопросы по поводу судебных правовых позиций // Новая юстиция. 2008. № 1. С. 25,27–28.

2 Подр.: Марченко М.Н. Особенности судебного прецедента в системе романо-германского права // Государство и право. 2006. № 8. С. 22–28.

3 Воронцова И.В. Судебное правотворчество: домыслы или реальность? // Современное право. 2009. № 6. С. 82.

на.¹ Таким образом, подобные разъяснения *de facto* обладают силой закона, но *de jure* источником права не являются.

Однако, как отмечает М.Н.Марченко, «в романо-германской правовой семье реальный статус и реальная юридическая сила прецедента определяется не формально-юридическими актами, а фактическими жизненными обстоятельствами... решающим для определения его реального правового статуса и его юридической силы будет не статут или любой иной формально-юридический акт, а реальные жизненные обстоятельства, а также практическая необходимость и потребность в прецеденте как источнике права. Это касается прецедента не только в системе романо-германского права, но и в любой иной правовой семье и системе, включая правовую систему современной России»². При этом специфика уголовно-исполнительных отношений состоит именно в наличии особых жизненных обстоятельств, свидетельствующих о достижении или, наоборот, не достижении важнейшей практически значимой цели уголовно-исполнительного законодательства – исправлении осужденного. Об исправлении осужденного может свидетельствовать неограниченный круг поведенческих актов, опосредованных в особых жизненных обстоятельствах (например, специфика режима исполнения и отбывания наказаний как связанных, так и не связанных с изоляцией осужденного от общества, потребности и интересы осужденных в условиях правоограничений, вытекающих из факта осуждения).

При исследовании перспектив внедрения судебного прецедентного компонента в регулирование уголовно-

1 См.: Рарог А.И. Правовое значение разъяснений Пленума Верховного Суда РФ // Государство и право. 2001. № 2. С. 53, 57.

2 Марченко М.Н. Особенности судебного прецедента... С. 28.

исполнительных отношений следует исходить из рассмотренных выше теоретических положений, выполняющих роль методологических ориентиров.

Как представляется, в правоприменительной судебно-прецедентной практике содержится важнейшая методологическая предпосылка повышения роли судебного регулирования уголовно-исполнительных правоотношений, поскольку формальная практика судов приводит к качественно негативному нивелированию применения многих институтов, связанных с процессом исполнения и отбывания уголовных наказаний. В частности, в современных условиях институт условно-досрочного освобождения имеет очень низкую эффективность как раз в силу формального единообразного отношения судов к его применению. Однако оставить непоколебимым принцип формального и единообразного соблюдения нормативных установок можно посредством признания необходимости соблюдения «эталонных» решений суда по вопросам условно-досрочного освобождения. Безусловно, можно ориентироваться на разъяснения постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 апреля 2009 г. №8 «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания».¹ Однако разъяснения, изложенные в рамках данного постановления, носят максимально обобщенный характер, не содержат четких критериев о признании осужденного досрочно исправившимся и не имеют четко определенной связи с конкретным судебным решением, которое могло бы иметь эталонный характер и отражать ценность естественного типа правопонимания. Более того, как справедливо отмечает С.Ю.Скобелин, «Пленум Верховного Суда не до конца последователен и нарушает

¹ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2009. № 7. С. 2–6.

сложившуюся практику условно-досрочного освобождения»¹. Роль суда в условно-досрочном освобождении сводится к механическому рассмотрению типичных обстоятельств дела и формальному принятию, по сути, заранее известного решения. Справедливости ради важно заметить, что обращение в суд с ходатайством об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания, согласно ч. 1 ст. 175 УИК РФ, является правом осужденного (его адвоката либо законного представителя), но такое обращение должно находиться в непосредственной зависимости от выполнения условий персональной программы отбывания наказания. Так, зачастую суды рассматривают поступившие материалы об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания, характер которых практически однозначно свидетельствует о том, что осужденного нельзя признать исправившимся. Например, в Советский районный суд г. Красноярска поступили материалы с ходатайством осужденного К. об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания в виде лишения свободы следующего содержания: постановление начальника отряда исправительной колонии №27 о признании осужденного К. злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания, представление дисциплинарной комиссии исправительной колонии о признании осужденного злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания, постановление начальника колонии о водворении осужденного в штрафной изолятор, акт выявления нарушения, признанного злостным нарушением порядка, рапорт и пояснительные от дневального о факте злостного нарушения порядка отбывания на-

1 Скобелин С.Ю. Условно-досрочное освобождение от отбывания наказания и замена неотбытой части наказания более мягким видом наказания // Уголовное право. 2009. № 6. С. 65.

казания. С учетом имеющихся материалов осужденному К. в удовлетворении ходатайства об условно-досрочном освобождении судом было отказано.¹

Однако бывают ситуации, когда суды удовлетворяют ходатайства осужденных об условно-досрочном освобождении и при наличии отрицательной характеристики и возражений представителей исправительного учреждения об удовлетворении данного ходатайства. При этом отрицательная характеристика осужденного и возражения представителей прописываются в самом постановлении суда об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания. Например, федеральным судом Советского района г. Красноярска 17 ноября 2008 г. вынесено постановление об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания осужденного Р., несмотря на то, что представитель администрации ИК-31, в которой осужденный отбывал наказание, его ходатайство не поддержал, указав: «осужденный нарушал установленный порядок отбывания наказания, окончательно на путь исправления не встал, имеет не выплаченные исполнительные листы, не имеет четкой установки на будущую жизнь, не исключен рецидив преступления, цели исправления не достигнуты»².

В результате исследования 216 ходатайств с материалами об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания, поступивших в суды г. Красноярска в период с 1 февраля 2007 г. по 1 февраля 2009 г. (путем случайной выборки), мы обнаружили в 56 ма-

1 Дело № 1-142/07. Материалы ИК-27 по ходатайству осужденного К. об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания. Архив федерального суда Советского района г. Красноярска.

2 Постановление федерального суда Советского района г. Красноярска от 17 ноября 2008 г. об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания осужденного Р. Архив федерального суда Советского района г. Красноярска.

териалах (25,9%) отрицательные характеристики осужденного, однако 43 ходатайства из них (19,9% от общего количества) были удовлетворены судами.

Вызывает интерес английский опыт предоставления осужденным условно-досрочного освобождения (*parole*). Так, с 1 апреля 1968 г. Законом об уголовной юстиции (*Criminal Justice Act*) 1967 г. в английском уголовном правосудии введены основы современной концепции *parole*, суть которой в соответствии с этим Законом состоит в том, что в известный момент длительное тюремное заключение для определенной части осужденных становится либо ненадлежащим, либо излишним средством воздействия в целях достижения должного исправительного эффекта, в силу чего некоторые заключенные, которых нет необходимости продолжать содержать в условиях лишения свободы до истечения всего срока приговора, подвергаются досрочному освобождению.¹ Данный законодательный акт регламентировал предоставление досрочного освобождения для лиц, осужденных к более чем 18 месяцам тюремного заключения, после отбытия ими не менее чем одной третьей либо 12 месяцев срока заключения. Принципиальное же отличие системы *parole* от ранних форм, нередко представляемых в английской юридической литературе единым термином «*remission*» (прощение), состоит в том, что досрочное освобождение после 1967 г. стало правом осужденного, а не привилегией.

В целом система досрочного освобождения до 10 октября 1992 г., когда вступил в силу Закон об уголовной юстиции 1991 г., характеризовалась тем, что, во-первых, приговор тех лиц, которые попали под досрочное освобождение от отбывания тюремного заключения, фактически считался отбытым и, следова-

¹ Fitzgerald M. Sim J. *British Prisons*. 2nd ed. Oxford: Basil Blackwell, 1982. P. 102.

тельно, эти лица не подвергались какому-либо специальному посттюремному контролю со стороны государства¹ и, во-вторых, институт, по существу, работал на снижение количества лиц, содержащихся в тюремном заключении.²

Предпосылками к иному изложению системы досрочного освобождения в Законе об уголовной юстиции 1991 г. послужили получившие актуальность в конце 1988 г. два ключевых принципа уголовной политики Англии: экономии уголовной репрессии и «реального времени тюремного заключения», послуживших лейтмотивом для активизации реформ в области уголовной юстиции и, в частности, вовлекших в действие своих интересов институт досрочного освобождения.

Вопрос о условно-досрочном освобождении решается Комиссией по делам досрочного освобождения (The Parole Board), до недавнего времени функционировавшей в рамках Министерства внутренних дел Великобритании, либо, в особых случаях, предусмотренных, например, Законом о детях и молодежи (Children and Young Persons Act) 1933 г. или Законом об уголовной юстиции 1972 г. (в отношении ограничено правоспособных заключенных, содержащихся под стражей подростков до 18 лет и некоторых других), непосред-

1 Данный вопрос поднимался на обсуждение задолго до 1991 года. В частности, еще в 1948 году Макс Грюнхут отмечал, что «одна лишь только угроза неминуемого возврата в тюремное заключение [при отсутствии должного поведения досрочно освобожденного лица] недостаточна для достижения результата реабилитации. Как в случае с пробацией условно-отсроченное наказание [к которому он относил и досрочное освобождение] требует дополнительного позитивного вмешательства: персональной опеки и надзора». Далее он замечает, что как в случае с пробацией работа с экс-заключенными должна значить больше чем просто надзор, который в сущности отсутствовал касательно досрочно освобожденных лиц (Grünhut M. Op. cit. P. 316).

2 Cavadino, M. The Penal System. An Introduction... P. 267.

ственно министр, который, как и в настоящее время, уже имел окончательное слово в решении вопроса о досрочном освобождении.

С 1 июля 1996 г. Законом об уголовной юстиции и общественном порядке (Crime Justice and Public Order Act) 1994 г. Комиссия по делам досрочного освобождения становится независимым вневедомственным (имеется в виду – вне структуры министерства внутренних дел) исполнительным органом. В настоящее время Комиссия по делам досрочного освобождения состоит более чем из ста членов. В среднем в ней работают 110 человек, в том числе один председатель, два служащих на постоянной основе и 107 – не на постоянной основе (23 судьи, 19 психиатров, 9 офицеров Национальной Службы Пробации, 5 криминологов и 51 независимых представителей общественности). Работа проводится в группах, как правило, по три человека. Имеется несколько типов таких групп, в основу разделения которых положен вид досрочного освобождения: 1) группа, решающая вопросы дискреционного условного досрочного освобождения и в среднем одновременно рассматривающая 24 дела о досрочном освобождении; две подгруппы, занимающиеся вопросами о досрочном освобождении осужденных к пожизненному заключению – 2) мандатная комиссия, имеющая на рассмотрении 16 дел и 3) группа особых вопросов, работающая обычно только с тремя делами; 4) группа, имеющая дело с лицами, осужденными к длительным срокам тюремного заключения; 5) группа, рассматривающая вопросы о возврате осужденного обратно в место отбывания наказания и работающая в составе только лишь двух членов, причем не являющихся судьями или психиатрами. До 1 июля 1996 г. Комиссия состояла более чем из 16 типов групп (иногда их количество доходило до 24). В 1992 г. в работе

Комиссии были задействованы 45 специалистов и 40 независимых представителей общественности.¹

Комиссией по делам досрочного освобождения в лице указанных групп, перед тем как решить вопрос о досрочном освобождении либо дать соответствующие рекомендации министру (с последующим направлением материалов в суд), устанавливаются следующие вопросы: 1) сущность и обстоятельства преступления, за совершение которого лицо отбывает наказание; 2) степень того, насколько велик риск совершения лицом нового преступления и, соответственно, насколько высока степень безопасности общества в этом плане; 3) характер поведения заключенного и его прогресс в исправлении; 4) в случае преступлений сексуального и насильственного характера особо устанавливаются обстоятельства, влияющие на повышение риска повторного совершения лицом подобных деяний; 5) условия, которые должны быть положены в основу надзора, и уступки, которые могут быть при этом допущены; 6) длительность надзора; 7) индивидуальный план реабилитирующих мероприятий; 8) а также предлагается встречная программа надзора, которая исходит от офицера Национальной Службы Пробации, предположительно под надзор которого может попасть осужденный. Обратим внимание, что изучение вопроса о тяжести преступления, за совершение которого лицо отбывает наказание, необходимо лишь для избрания формы и содержания надзора, но не для принятия решения о досрочном освобождении в принципе. Таким образом, при рассмотрении этого вопроса Комиссия руководствуется только критерием отсутствия

¹ См.: Hood R., Shute S. Parole in Transition. Evaluating the Impact and Effects of Changes in the Parole System. Phase One. Establishing the Base-Line. Occasional Paper № 13. Oxford: University of Oxford, Centre for Criminological Research, 1994. P. 43–77.

риска совершения лицом нового преступления безот-
носительно учета тяжести совершенного деяния, так
как по сути данное обстоятельство уже учитывалось
судом при назначении наказания.¹ Эта проблема
«double weighting» (двойного учета как тяжести совер-
шенного преступления, так и риска совершить новое),
устраненная новой концепцией принимаемого реше-
ния о досрочном освобождении, в английском уголов-
ном правосудии была решена в связи с принятием За-
кона об уголовной юстиции 1991 г.²

Таким образом, рассмотрение ключевых моментов
английского института досрочного освобождения по-
казывает, что данный институт, во-первых, компен-
сирует определенные недостатки уголовной системы
правосудия, во-вторых, является одним из немногих
«восстановительных институтов», направленных на
успешную адаптацию преступника в обществе, и, в-
третьих, стимулируя положительные свойства и побу-
ждая осужденное лицо к законопослушному поведе-
нию, существенным образом снижает степень его
опасности для общества, нежели с порой непредска-
зуемой и вероятной пролонгацией такого риска после
отбытия лицом всего, как правило, длительного срока
тюремного заключения.

Как представляется, данный опыт гармонично со-
четается с задачами российского уголовного правосу-
дия и его необходимо учитывать при совершенствовани-
и отечественных механизмов регулирования уго-
ловно-исполнительных отношений, особенно в части

1 Подр. см.: Тепляшин П.В. Современное тюремное право Англии : монография. Красноярск: СибЮИ МВД России, 2007. С. 77–109.

2 Результаты специальных исследований новых критериев принятия решения о досрочном освобождении показали их высокую эффективность (Hood R., Shute S. *Op. cit.* P. 25–58).

расширения диспозитивности в судебном-правовом механизме предоставления условно-досрочного освобождения лицам, отбывающим уголовные наказания.

Так, отечественная практика безусловного ориентирования судов на норму права, которые, по существу, выступают социально детерминированными шаблонами поведения людей, приводит к шаблонным решениям, не в полной мере учитывающими весь многообразный спектр интересов и притязаний участников общественных отношений. Нормы уголовного и уголовно-исполнительного законодательства в опосредованной форме адекватно отражают закономерности уголовной политики, но сформулированные в общем виде и в процессе неоднократного применения не способны зачастую адекватно отражать конкретный жизненный случай. В данном случае можно наблюдать объективный прогресс формализации норм. Следовательно, роль судебного прецедента состоит в уточнении и конкретизации абстрактных по своей сути уголовно-правовых и уголовно-исполнительных норм. Как справедливо отмечает К.А.Волков, «...правовая норма имеет абстрактный, общий характер, это означает, что для своего точного применения к конкретному случаю она нуждается в опосредовании определенной совокупностью отдельных положений. Такая совокупность отдельных положений, определений, раскрывающих понятия, термины, связи правовой нормы и дает конкретное во всем его многообразии, помогает организовать исполнение общей, абстрактной нормы права»¹. По существу, содержание прецедента выво-

1 Волков К.А. Судебный прецедент и правоприменительная конкретизация в уголовном праве // Проблемы обеспечения законности и правопорядка в Дальневосточном регионе: сборник научных трудов по материалам международной научно-практической конфе-

дится на основе анализа *ratio decidendi* и *obiter decidendi* судебного решения. Таким образом, судебный прецедент демонстрирует «жизненность» права, отражает его непосредственную связь с конкретными и в определенном смысле уникальными жизненными случаями и посредством этого укрепляет принцип законности и индивидуализации исполнения наказания.

Исследуя роль правоприменительной и гипотетически правотворческой деятельности суда в воздействии на общественные отношения необходимо отметить, что важнейшей тенденцией гармонизации сферы исполнения уголовных наказаний выступает расширение роли именно судебного регулирования уголовно-исполнительных отношений. При этом важно заметить, что государство, реализуя конституционную идею о приоритете прав, свобод и законных интересов отдельного человека, пытается построить комплексную систему средств и органов эффективного соблюдения и защиты указанных элементов правового статуса личности, вовлеченной в сферу исполнения уголовных наказаний. В частности в ст. 2 Конституции РФ закреплено, что признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина выступает обязанностью государства. Следовательно, наряду с ведомственным контролем, прокурорским надзором, деятельностью Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации и иными правозащитными субъектами важнейшим структурным элементом организационной системы соблюдения и защиты прав, свобод и законных интересов осужденных выступает судебный механизм обеспечения социальных ценностей граждан в местах отбывания уголовных наказаний.

Изложенная позиция в полной мере соотносится с государственным подходом к роли суда в системе правоохраны личности и закономерно ставит вопрос о реальном обеспечении задачи расширения сферы судебной защиты прав и свобод граждан, закрепленной в Концепции федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России на 2007–2011 годы».¹ При этом целями самой программы являются повышение качества осуществления правосудия, совершенствование судебной защиты прав и законных интересов граждан.

Думается, что расширение контрольных полномочий суда в процессе исполнения уголовных наказаний позволит усилить фактические возможности судебной власти по осуществлению правосудия в его широком понимании. Так, правосудие в нашей стране представляет собой особую функцию государственной власти и в соответствии со ст.118 Конституции РФ осуществляется только судом. Традиционно выделяют два признака правосудия: а) деятельность, осуществляемая специально уполномоченным государственным органом; б) деятельность, связанная с рассмотрением деяний, влекущих применение (или отказ от применения) существенных мер государственного принуждения, а также с защитой нарушенного либо оспариваемого права или охраняемого законом интереса.² На основе данных признаков можно говорить о том, что правосудие представляет собой особый вид юридической деятельности, осуществляемой в специальной процессуальной форме, которая реализуется именем и

1 Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 33, ст. 3652.

2 См.: Бойков А.Д. Сущность социалистического правосудия и его виды // Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 37. М.: Юрид. лит., 1982. С. 37.

властью государства при соблюдении ряда конституционно закрепленных процессуальных принципов и возлагается обществом и государством именно на судебную власть. Так, в соответствии со ст. 1 Федерального конституционного закона от 31 декабря 1996 г. №1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации», судебная власть в Российской Федерации осуществляется только судами и никакие другие органы и лица не вправе принимать на себя осуществление правосудия.¹

Вместе с тем доктринальное использование термина «правосудие» не соответствует его буквальному толкованию в указанном, так называемом «узком (нормативном) смысле», но определяет специфическую сферу государственной деятельности, связанную с реализацией интересов правосудия. Сущность правосудия в этом случае проявляется в специфических общественных отношениях, заключающих внутренние связи между субъектами правосудия по поводу реализации важнейших социально-политических интересов – охраны законных прав и свобод личности, общества и государства, обеспечения законности и восстановления социальной справедливости, профилактики преступности.

Следовательно, в содержание термина «правосудие» необходимо вкладывать более широкий смысл и понимать его как совокупность общественных отношений, обеспечивающих нормальную, строго регламентированную уголовным и гражданским процессуальным, административным и уголовно-исполнительным законодательством деятельность суда и органов и учреждений, ему в этом содействующих, по осуществлению задач и целей правосудия. Вынесение судом приговора, а также деятельность суда, направленная на рассмотрение дела или конкретного вопроса и при-

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. – 1997. – № 1, ст. 1.

нятие соответствующих решений (также и при процессуальном взаимодействии с иными субъектами: органами дознания, прокуратурой, исправительными учреждениями и др.) является, по существу, формой осуществления правосудия. Поэтому правосудие не складывается из одной лишь процессуальной деятельности. Исполнение назначенного судом наказания соответствующими органами в полном объеме и в установленном законом порядке – неотъемлемая задача правосудия, выражение связи между назначенным судом приговором и его обязательным, эффективным исполнением. Целью же правосудия в уголовном судопроизводстве, по сути, выступает исправление преступника и обоснования тем самым целесообразности судебной деятельности.

Таким образом, реализация выраженного в приговоре предписания о применении к лицу, признанному виновным в совершении преступления, наказания является содержанием правосудия по уголовным делам. Исполнение назначенного судом виновному наказанию в установленной форме, полном объеме и с максимальным результатом (исправление осужденного лица) гармонично доводит процесс правосудия до его логического завершения.

В контексте сказанного закономерно резюмировать, что судебный контроль в сфере исполнения уголовных наказаний выступает важным направлением судебной деятельности, распространяющейся на весь процесс отбывания осужденным конкретного вида уголовного наказания. Как справедливо отмечает В.А.Азаров, «...судебный контроль, с учетом постоянного наращивания его законодательного и организационного потенциала, сегодня – уже одно из основных направлений судебной деятельности, осуществляемой наряду и вме-

сте с отправлением правосудия»¹. При этом контрольная деятельность судебных органов, предусмотренная ст. 20 УИК РФ, по справедливому мнению многих авторов, осуществляется в рамках уголовно-исполнительного процесса.² Данное обстоятельство показывает возрастание естественно-правовых начал и роли судебно-правоприменительного подхода в правовом регулировании уголовно-исполнительных отношений.

Развивая аргументы о значимости судебного контроля в сфере исполнения уголовных наказаний и в преломлении данного вопроса необходимо указать на существенный недостаток в механизме правового регулирования отечественной, так называемой прогрессивной, системы исполнения наказаний. Предварительно необходимо отметить, что прогрессивная система представляет урегулированный нормами уголовно-исполнительного законодательства процесс изменения фактических и юридических условий отбывания наказания и, соответственно, правового положения осужденного, в зависимости как от характера поведения самого осужденного, так и нормативно-правовых требований в целях достижения максимального исправительного эффекта уголовного наказания. Сфера проявления прогрессивной системы преимущественно распространяется на уголовные наказания, связанные с изоляцией осужденного от общества (ли-

1 Азаров В.А. Судебный контроль в системе средств обеспечения прав и свобод личности (уголовно-процессуальный аспект) // Актуальные проблемы борьбы с преступностью и правоприменительной практики : межвузовский сборник научных трудов / отв. ред. В.И. Горобцов. Выпуск 3. Красноярск: Сибирский юридический институт МВД России, 2000. С. 70.

2 В частности, см.: Судебный контроль в стадии исполнения уголовного наказания / Н.А. Колоколов и др. // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2008. № 6. С. 19.

Тепляшин П.В.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ГАРМОНИЗАЦИИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ В УСЛОВИЯХ ИНТЕГРАЦИИ ПРАВОВЫХ СИСТЕМ : МОНОГРАФИЯ. КРАСНОЯРСК: СИБЮИ МВД РОССИИ, 2010.

шение свободы на определенный срок и пожизненное лишение свободы), что обусловлено не только историческими аспектами ее становления и развития в условиях каторги и тюремного режима,¹ но и фактической возможностью функционирования лишь в условиях помещения осужденного в зарытое исправительное учреждение. Так, известный английский ученый М.Грюнхут отмечал, что «прогрессивная система представляет такую организацию тюремного режима, при которой осужденному дается самостоятельная возможность взойти от начальной ступени своего заключения до момента освобождения. Эта система стимулирует исправление, улучшает его взаимоотношения, укрепляет и испытывает его волю и, таким образом, отдает его судьбу в его же собственные руки»².

Однако «вовлечение» в данную сферу уголовных наказаний, не связанных с изоляцией осужденного от общества, обусловлено потребностями прогрессивной системы в варьировании между максимально и минимально суровыми условиями отбывания наказания. В качестве основы прогрессивной системы выступает классификация осужденных по видам исправительных учреждений, отражающая, согласно ст. 8 УИК РФ, принцип дифференциации исполнения наказания. С учетом того, что уголовное наказание назначается только по приговору суда, выбор вида исправительно-

1 В частности, см.: Wines F.H. Punishment and Reformation. An Historical Sketch of the Rise of the Penitentiary. London: Swan Sonnenschein&CO, 1895. P. 184; Barry J.V. Alexander Maconochie of Norfolk Island. A study of a Pioneer in Penal Reform. London·Wellington·New York: Oxford University Press, 1958. P. 99–121, 129–137, 167–175; Фойницкий И.Я. Учение о наказании в связи с тюрьмоведением. М. Добросвет-2000; Городец, 2000. С. 76–77, 307–320.

2 Grünhut M. Penal Reform. A comparative study. Oxford: At the Clarendon Press, 1948. P. 42.

го учреждения осуществляется также исключительно судом. Можно выделить четыре основные формы прогрессивной системы: 1) изменение условий отбывания наказания в рамках одного исправительного учреждения; 2) изменение вида исправительного учреждения; 3) условно-досрочное освобождение; 4) замена уголовных наказаний.

Дисгармония между сущностью судебного контроля и проявлением прогрессивной системы состоит в отсутствии судебно-контрольного регулирования первой формы прогрессивной системы. Ведь каждая форма прогрессивной системы предполагает соответствующий «скачек» в изменении объема прав, обязанностей и законных интересов осужденного лица, что, безусловно, позволяет продемонстрировать не только исправительный потенциал уголовно-исполнительного законодательства, позволяющий мотивировать позитивное поведение осужденного лица, но и его карательно-репрессивную сущность. При этом судебно-контрольная деятельность отражает сформулированное в ч. 1 ст. 6 УПК РФ назначение уголовного судопроизводства – защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. Логическим отражением указанной задачи должен выступать судебный контроль законности и обоснованности перевода осужденных из одних условий (в тюрьме – режима) отбывания наказания в другие. В этом случае установление судебного контроля будет выполнять и сугубо утилитарную роль в исправительном воздействии на осужденного, которому придется готовиться не просто к комиссии исправительного учреждения, но судебному порядку решения его вопроса. Такой подход повысит ответственность и работников уголовно-исполнительной системы, которые зачастую принимают формальные решения, не

Тепляшин П.В.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ГАРМОНИЗАЦИИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ В УСЛОВИЯХ ИНТЕГРАЦИИ ПРАВОВЫХ СИСТЕМ : МОНОГРАФИЯ. КРАСНОЯРСК: СИБЮИ МВД РОССИИ, 2010.

способствующие достижению исправительного эффекта наказания. Показательны следующие примеры. Осужденный 16 января 2003 г. к 15 годам лишения свободы М., отбывая с 10 апреля 2008 г. наказание в тюрьме г. Минусинска Красноярского края, 19 мая 2009 г. по постановлению начальника тюрьмы был переведен из строгого режима отбывания наказания на общий режим. Среди аргументов, положительно характеризующих поведение осужденного и свидетельствующих о возможности его перевода на общий режим, в постановлении указывалось на отсутствие у осужденного М. действующих взысканий за нарушение установленного порядка отбывания наказания. Вместе с тем в представленной на осужденного характеристике наряду с отдельными положительными моментами указывалось, что М. «...приспосабливается к существующим условиям с извлечением любых выгод для себя, ...поддерживает связь с осужденными отрицательной направленности... В коллективе старается занять роль лидера... Вину признает частично». Кроме того, в представленной справке о поощрениях и взысканиях нет ни одного поощрения, однако имеется перечень из 24 погашенных взысканий, 21 из которых были связаны с водворением в штрафной изолятор.¹ В другом примере осужденный 14 августа 2003 г. к 12 годам лишения свободы С., отбывая с 18 апреля 2008 г. наказание в тюрьме г. Минусинска Красноярского края, 17 сентября 2009 г. по постановлению начальника тюрьмы был переведен из строгого режима отбывания наказания на общий режим. Среди аргументов, положительно характеризующих поведение осуж-

¹ Постановление от 19 мая 2009 г. № 82 и материалы о переводе осужденного М. из строгого режима отбывания наказания в общий режим содержания. Учреждение УП-288/Т г. Минусинска Красноярского края.

денного и свидетельствующих о возможности его перевода на общий режим, в постановлении также шаблоно указывалось на отсутствие у С. действующих взысканий за нарушение установленного порядка отбывания наказания, хотя в представленной на осужденного характеристике наряду с отдельными положительными моментами указывалось, что он «...поддерживает связь с осужденными отрицательной направленности... в коллективе старается занять роль лидера... желание быть трудоустроенным не высказывает... имеющийся иск не гасит... Вину признает частично, раскаяния в содеянном не проявляет». В представленной справке о поощрениях и взысканиях также отсутствуют поощрения, однако имеется перечень из 25 погашенных взысканий, 12 из которых были связаны с водворением в штрафной изолятор и одно – в единое помещение камерного типа сроком на 6 месяцев.¹ Данные примеры свидетельствуют о важности не просто сочетания уголовно-исполнительного законодательства и практики его применения с судебной юрисдикционной деятельностью, но и расширения возможностей судебного порядка регулирования процесса исполнения наказания и исправительного воздействия на осужденных. По этому поводу в юридической литературе справедливо отмечается значительная роль взаимодействия суда и органов уголовно-исполнительной системы в обеспечении эффективного применения к осужденным уголовно-правовых мер воздействия и создании условий, необходимых для ис-

¹ Постановление от 17 сентября 2009 г. № 135 и материалы о переводе осужденного С. из строгого режима отбывания наказания в общий режим содержания. Учреждение УП-288/Т г. Минусинска Красноярского края.

правления осужденных.¹ Можно поддержать авторов, предлагающих нормативно усилить контрольную деятельность судебных органов за процессом исполнения уголовных наказаний, посредством принятия закона о «О контроле за деятельностью учреждений и органов, исполняющих наказания».² Указанное предложение представляется целесообразным, поскольку назревшие потребности усиления именно судебного контроля в рассматриваемой области не могут быть нормативно отражены лишь в ст. 20 УИК РФ «Судебный контроль» и настоятельно требуют принятия соответствующего правового акта, который бы конкретизировал назначение, формы, пределы, способы такого контроля.

Естественно, что организационно достаточно сложно обеспечить судебный порядок перевода осужденного из одних условий (в тюрьме – режима) отбывания наказания в другие. Но эти проблемы носят организационно-технический характер и, безусловно, могут быть преодолены путем совершенствования телекоммуникационных возможностей проведения судебных заседаний и решения давно назревшего вопроса о создании пенитенциарного суда Российской Федерации. Данное предложение соответствует не только потребностям правоприменительного регулирования прогрессивной системы исполнения наказаний и в частности уголовно-исполнительных отношений, но и общим тенденциям судебных реформ. Так, специалисты в области реформирования судебной системы указывают на необходимость дальнейшей специа-

1 Напр., см.: Судебный контроль в стадии исполнения уголовного наказания / Н.А.Колоколов и др. С. 11.

2 В частности, см.: Гришко А.Я. Судебный контроль за исполнением наказаний и новые Европейские пенитенциарные правила // Российский судья. 2007. № 2. С. 41; Судебный контроль в стадии исполнения уголовного наказания / Н.А.Колоколов и др. С. 19.

лизации судебных органов.¹ В компетенцию данного органа необходимо включить контроль и разрешение соответствующих вопросов, охватывающих функционирование прогрессивной системы исполнения уголовных наказаний.

В унисон рассмотрению вопросов о расширении судебно-юрисдикционного контроля за порядком исполнения уголовных наказаний важно обратить внимание на необходимость совершенствования иных правозащитных механизмов в этой сфере.

Так, одной из целей, которые ставятся перед правовыми реформами, выступает построение в Российской Федерации системы специализированных органов, основной функцией которых была бы защита нарушенных права граждан. Одним из таких органов стал Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации. Данный правовой институт функционирует с 1997 г., что было связано с принятием Федерального конституционного закона от 26 февраля 1997 г. №1-ФКЗ «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации»², который определил порядок назначения и освобождения Уполномоченного, его компетенцию, организационные формы и условия деятельности. В настоящее время институт уполномоченного успешно выступает в качестве одной из важнейших дополнительных гарантий прав и свобод человека и гражданина в России. Как справедливо отмечает А.С.Ландо, функции данного института связаны с защитой прав человека и гражданина и суще-

1 В частности: Ефремова Н.Н. Эволюция отечественного правосудия (судебные реформы XX –начала XXI вв.) // Право. 2009. № 1. С. 34.

2 Собрание законодательства Российской Федерации. – 1997. – № 9, ст. 1011.

ственно отличаются от законодательного, судебного, административного и иных форм контроля.¹

Между тем, анализируя законодательство и практику деятельности Уполномоченных в России и за рубежом, нетрудно сделать вывод о том, что Уполномоченный с небольшим аппаратом будет иметь невысокую эффективность разрешения жалоб и обращений в стране с более чем 140 миллионным населением и почти полуторамиллионной «армией» осужденных, отбывающих наказания и иные меры уголовно-правового характера, как связанные с изоляцией от общества, так и не связанные с изоляцией от общества. Для качественного решения задач омбудсменовской службы необходима ее своеобразная децентрализация. Первые шаги в этом направлении были сделаны в ст. 5 указанного выше закона предусмотрена возможность учреждения должности Уполномоченного в субъектах Российской Федерации.

Тем не менее, прогнозируя тенденции развития института омбудсмана в России, можно предположить, что не исключена дальнейшая децентрализация функций Уполномоченного по правам человека и образование специализированных служб в сферах наиболее распространенного и грубого нарушения прав человека, например, прав детей, заключенных, военнослужащих, беженцев и вынужденных переселенцев и т.д.

Определенное беспокойство вызывает состояние прав и свобод лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы и содержащихся под стражей. Известны факты продолжающихся нарушений прав осужденных и лиц, содержащихся под стражей. Несмотря

¹ См.: Ландо А.С. Институт Уполномоченного по правам человека в России и Европе // Российская и европейская правозащитные системы: соотношение и проблемы гармонизации : сборник статей / под ред. В.М.Баранова. С. 561.

на прошедшие реформы и продолжающееся реформирование уголовно-исполнительной системы организация ее деятельности еще во многом расходится с представлениями о гуманизме и справедливости.

Как представляется, институт Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации в том виде, в каком он существует сейчас, не в полной мере эффективен. Это связано с малочисленностью аппарата Уполномоченного и отсутствием специальной (профильной) направленности его деятельности в сфере исполнения уголовных наказаний и содержания подозреваемых, обвиняемых и подсудимых под стражей.

Поэтому представляется целесообразным в качестве одной из мер преодоления сложившейся ситуации создать институт специализированных уполномоченных по контролю за состоянием прав и свобод лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы. В качестве аргументов создания в России службы Уполномоченного по правам осужденных и лиц, содержащихся под стражей, помимо уже указанной выше необходимости децентрализации, выступают определенные факторы. Во-первых, действующие на сегодняшний день правовые институты неспособны эффективно разрешать поступающие к ним жалобы. Как следствие возникает потребность либо реформировать уже существующие органы и учреждения, либо создавать новые. Обратившись же к зарубежному опыту, например опыту Англии – государства старейшей демократии, чье законодательство и тюремная практика являются общепризнанными эталонами мировых пенитенциарных реалий, отметим, что в этой стране уже существовала аналогичная ситуация, которая успешно разрешилась именно благодаря созданию Уполномоченного по делам тюрем и пробации (Prison and Proba-

tion Ombudsmen).¹ Деятельность Уполномоченного полностью сочетается с ключевым направлением деятельности Тюремной Службы, установленной Д.Бланкеттом (David Blunkett), – строительство безопасного, справедливого и толерантного общества, в котором гармонично сочетались бы права и ответственность человека и общества, а также обеспечение охраны и защиты общества от преступных посягательств. Из семи задач, установленных министром для достижения данной цели, четвертая специально относится к деятельности Службы, являющейся структурным подразделением Министерства внутренних дел – эффективное исполнение судебных приговоров в целях снижения повторности преступных актов и защиты общества от преступников. Достижение указанной задачи основано на содержании преступников в безопасных, соответствующих и здоровых условиях и снижении преступности путем специальных режимных мероприятий, по возможности адресованных каждому заключенному, улучшения их образования и трудовых навыков, стимулировании законопослушного поведения как во время заключения, так и после освобождения.² В основу решения данной задачи положены следующие принципы:

1 Оценивая деятельность английского омбудсмана по делам тюрем на современном этапе, следует заметить, что в целом он эффективно справляется с возложенными на него обязанностями. Об этом говорит тот факт, что каждый год число обратившихся за помощью заключенных возрастает в среднем на 10–12%, причем, по статистике, 87% жалоб, связанных с недовольством заключенными тюремными условиями содержания, удовлетворяются.

2 Подр. см.: Тепляшин П. Исполнение наказаний, не связанных с изоляцией от общества, в Англии и Уэльсе // Уголовное право. 2004. № 3. С. 64–65; Он же. Теория и практика функционирования тюремной системы Англии и Уэльса на современном этапе // Человек: преступление и наказание (научный журнал). 2004. № 4 (48). С. 84–90.

– честность, открытость и человечность в отношениях с заключенными как со стороны сотрудников тюремной системы, так и со стороны всех иных лиц, вступающих в какой-либо контакт с ними;

– индивидуальная оценка, опека и поддержка каждого заключенного;

– равные возможности и отсутствие дискриминации в отношении осужденных по любым признакам;

– конструктивная работа и сотрудничество с различными органами уголовной юстиции и иными негосударственными организациями, так или иначе способных оказать помощь в исправлении и реабилитации преступников;

– внедрение в практику лучшего из накопленного опыта.¹

Характеризуя институт Омбудсмана по правам тюрем и probation, следует заметить, что он лишен недостатков института Парламентского уполномоченного, касающихся затрудненности доступа и длительности разбирательства, вследствие чего он более эффективно справляется с возложенными на него обязанностями.

Как показывает опыт Англии, специализированные службы, не входящие в систему государственных органов, а поэтому лишенные их недостатков, способны более эффективно удовлетворять насущные социальные запросы в области соблюдения прав заключенных, чем традиционные институты. Уполномоченный по правам осужденных и лиц, содержащихся по стражей, должен обладать той же «рамочной» компетенцией, теми же правами и обязанностями, что и Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации, но быть ограничен соответствующей сферой общест-

¹ The Oxford Handbook of Criminology /edited by M. Maguire, R. Morgan and R. Reiner. 3rd ed. Oxford: University Press, 2002. P. 1125–1126.

Тепляшин П.В.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ГАРМОНИЗАЦИИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ В УСЛОВИЯХ ИНТЕГРАЦИИ ПРАВОВЫХ СИСТЕМ : МОНОГРАФИЯ. КРАСНОЯРСК: СИБЮИ МВД РОССИИ, 2010.

венных отношений и кругом лиц, имеющих право обращаться к нему.¹

Таким образом, предпосылки создания в Российской Федерации Уполномоченного по правам осужденных и лиц, содержащихся под стражей, обусловлены сложной правоприменительной ситуацией, которая сложилась в учреждениях уголовно-исполнительной системы. Создание данного института по образцу английского Уполномоченного по делам тюрем и probation и на основе Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, позволит не только более успешно противостоять нарушениям прав осужденных и лиц, содержащихся под стражей, но и будет способствовать гармонизации отечественной уголовно-исполнительной системы с европейскими правозащитными моделями, расширению частноправовых начал в регулировании уголовно-исполнительных отношений и сближению с цивилизованными эталонами естественных прав человека.

¹ Подр. см.: Тепляшин П.В. Уполномоченный по правам осужденных и лиц, содержащихся под стражей: постановка проблемы и зарубежный опыт // Защита прав человека в формирующемся гражданском обществе: выполнение Россией обязательств по обеспечению прав человека, принятых в связи с её вступлением в Совет Европы : сборник материалов региональной научно-практической конференции (9 декабря 2004 г.) / отв. ред. И.Е.Жмаков. Красноярск: Филиал Санкт-Петербургского института внешнеэкономических связей, экономики и права в г. Красноярске, 2004. С. 141–145.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изложенный материал, безусловно, не претендует на исчерпывающее описание методологических основ гармонизации уголовно-исполнительного законодательства России в условиях интеграции (конвергенции) правовых систем, но призван обеспечить понимание основных проблем, связанных с развитием и современным состоянием практики обращения с осужденными в Российской Федерации с учетом влияния международных пенитенциарных стандартов и правил, расширения судебно-правового регулирования уголовно-исполнительных правоотношений и активного использования метода сравнительного правоведения. На основании изложенного материала можно сформулировать ряд следующих выводов и предложений.

1. Культурно-правовое сближение отдельных стран и правовых систем охватывает правовые системы романо-германского и англосаксонского права. Российская правовая система, относящаяся по основным параметрам к романо-германской правовой системе, подвержена процессам культурно-правового сближения с англосаксонской правовой системой. Вместе с тем каждая из «сближающихся» правовых систем, обладая высокой социально-исторической развитостью,

сохраняет свою «самобытность», коренные ценности и начала каждой из них будут продолжать иметь органически включенные в правовую материю очертания. В этом процессе остается непоколебимой зависимость национальной правовой системы от ее культурной идеологии и менталитета народа. Фарватер современного развития отечественного права должен находиться в русле универсальной юридической культуры и правосознания граждан, отражать так называемое «право цивилизованных народов».

Правовая конвергенция, подчиняясь прогрессивным тенденциям в сфере международного и внутринационального права, выступает методологическим каркасом гармонизации национального права. Основа правовой интеграции (конвергенции) – наличие соответствующих правовых потребностей, тогда как ее важнейшим условием является правило так называемой «презумпции идентичности», согласно которому существующие единые правовые потребности для любой правовой либо национальной системы, обеспечиваются (решаются) в какой-то мере единообразно. Наличие подобных потребностей отражает духовно-идеологические, культурно-цивилизационные либо социально-экономические особенности правовой системы и конкретных публично-правовых институтов, но в конечном итоге их удовлетворение воплощается в единообразном результате. Следовательно, проблема обращения с осужденными всегда реализуется в исправительном воздействии на них, однако данное воздействие как самостоятельный публично-правовой институт имманентно отражает указанные особенности соответствующей правовой системы.

Правовая интеграция имеет две основные сферы проявления – внешнюю, отражающую диалектическое взаимодействие императивных и диспозитивных на-

чал в праве, публично-правовых и частноправовых юридических конструкций, и внутреннюю, отражающую эталонные преобразования в правовой материи и ценность права. Внутренняя сфера демонстрирует утверждение важности социального статуса личности и ее связи с государством, гарантирующего ролевую значимость каждого осужденного в уголовно-исполнительных отношениях и защиту его прав со стороны соответствующих публичных институтов. Внешняя сфера проявления правовой интеграции предполагает дальнейшее признание и конструктивное осмысление ценности права, его моделей, конструкций и механизмов, выступающих резервами повышения эффективности регулирования процесса исполнения и отбывания наказания, основа которых уже заложена в различных правовых системах. Органическое взаимодействие данных сфер отражает сближение романо-германской и англосаксонской правовых систем: первая из них символизирует ценность закона (нормативного правового акта), вторая – прецедента (казуса, закрепленного в судебной практике и выступающего эталоном применения).

2. Гармонизация уголовно-исполнительного законодательства России в условиях интеграции правовых систем предполагает внутреннее согласование его норм со стандартами и правилами международного пенитенциарного права и нормами национального права конкретных государств, относящихся к «противоположной» правовой системе (семье) – англосаксонской. Ставится задача гармонизации законодательства трех в известной степени разноплановых субъектов, связанных иерархической зависимостью в обеспечении единства системы права: международного пенитенциарного права, накопленного положительного опыта обращения с осужденными в зарубежных стра-

нах и отечественного уголовно-исполнительного законодательства.

Концептуальная идея гармонизации уголовно-исполнительного законодательства России состоит в том, что в условиях конвергенции правовых систем исследование и последующая реализация как международных стандартов в области обращения с осужденными, так и зарубежного пенитенциарного опыта способствует пониманию отечественных традиций, самобытного уклада и перспектив развития национального уголовно-исполнительного права и законодательства.

3. Основой такой гармонизации уголовно-исполнительного законодательства выступает международное пенитенциарное право, аккумулирующее общечеловеческие стандарты и принципы обращения с осужденными. Задаваемое процессами правовой интеграции влияние международного пенитенциарного права на уголовно-исполнительное законодательство России будет приводить к гармоничному сочетанию в отечественном законодательстве интересов личности, общества и государства, а также повышению роли в системе уголовно-исполнительных отношений культуры прав человека, приближает отечественную практику исполнения уголовных наказаний к прогрессивным пенитенциарным образцам и активизирует поиск национальных интересов и самобытных путей развития уголовно-исполнительного права.

Постепенная гармонизация уголовно-исполнительного законодательства и отечественной практики исполнения наказаний влияния происходит в рамках следующих направлений влияния международных пенитенциарных стандартов и правил на отечественное уголовно-исполнительное законодательство: 1) обеспечение максимальной открытости правовых основ исполнения наказаний; 2) юридическое определение со-

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

отношения международных стандартов и отечественного уголовно-исполнительного законодательства; 3) влияние международных стандартов на определение задач и принципов пенитенциарного законодательства, а также в целом на отечественную уголовно-исполнительную политику; 4) использование международных стандартов при толковании норм уголовно-исполнительного законодательства.

Усиление самостоятельности международного пенитенциарного права произошло на фоне процессов интеграции правовых систем. Именно сближение правовых систем позволило обнаружить широкий спектр общих для многих национальных правовых систем проблем в области исполнения наказаний. На основе свойственного данной отрасли права императивно-диспозитивного метода такое «сближение» правовых систем детерминировало появление собственного предмета, обеспечило принятие значительного перечня международно-правовых актов, явившихся источниками международного пенитенциарного права, ускорило потребность в выработке единых принципов.

Таким образом, потребность в непреложной реализации международных стандартов в отечественной практике исполнения уголовных наказаний, в первую очередь связанных с изоляцией осужденного от общества, детерминирована объективно поступательным процессом сближения правовых систем, усилением в российской правовой системе частноправовых начал, гуманитарных ценностей и судебно-процедурных механизмов правового регулирования общественных отношений. В целях избегания голословного декларирования международных норм и стандартов важно создание специального механизма их реализации с обоснованием роли и эффекта действия конкретных пенитенциарных правил для отечественной правоохран-

тельной системы, соответственно их интерпретация нормами национального права и гармоничное закрепление в правовой материи Российской Федерации.

Влияние международных пенитенциарных стандартов и образцов зарубежного опыта обращения с осужденными на российскую практику исполнения уголовных наказаний привело к реформированию отечественной уголовно-исполнительной системы. Данная реформа олицетворяет отход от так называемого «реабилитационного идеала» к концепции контроля, поскольку усиливает предупредительный потенциал уголовных наказаний и фактически связана с переходом от «колонийской» к «тюремной» модели размещения осужденных, расширением практики технического надзора за осужденными и «трудотерапии» с перспективами введения нового наказания в виде принудительных работ. Однако без гармоничной системы уголовных наказаний, направленного применения исправительного воздействия, основанного на комплексной реализации всех средств исправления, закрепленных в ч. 2 ст. 9 УИК РФ, расширения судебного компонента в механизме регулирования уголовно-исполнительных отношений и диспозитивных основ уголовно-исполнительного законодательства, создания программ индивидуального обращения с осужденными результаты такой реформы не будут иметь скорого эффекта профилактического воздействия на преступность. При этом идея всемерного соблюдения и дальнейшего закрепления прав, свобод и законных интересов осужденных стала выступать непосредственным содержанием деятельности соответствующих субъектов по исполнению уголовных наказаний, тогда как должна быть скрепляющим компонентом правовой оболочки указанной деятельности. Таким образом, произошла неоправданная с методологической точки зрения

«подмена понятий» в ущерб собственно исправительной направленности уголовного наказания.

Настоятельно требуется усиление «Развитие уголовно-исполнительной системы (2007–2016 годы)» комплексными указаниями на конкретные международные пенитенциарные стандарты, которые должны быть реализованы Российской Федерацией. Реализация изложенных в программе стандартов только санитарно-бытового характера не в полной мере отражает потребности отечественной уголовно-исполнительной системы в гармоничном развитии и накоплении арсенала всех средств воздействия на осужденного, поскольку реализация таких стандартов направлена в первую очередь на гуманизацию условий содержания подозреваемых, обвиняемых и подсудимых в следственных изоляторах, а не на создание условий для эффективного исправления осужденных в местах лишения свободы.

Как представляется, процесс гармонизации уголовно-исполнительного законодательства России с международными пенитенциарными стандартами и правилами должен основываться на следующих принципах:

– синхронности, предполагающем четко определенную временную последовательность издания и соответственно реализацию как материальных, так и производных от них процедурных норм, направленных на их исполнение, соблюдение и применение международных стандартов и правил обращения с осужденными;

– единого уровня юридической силы материальных и процедурных норм, обеспечивающих непреложную реализацию международных пенитенциарных стандартов и правил, а не только их зачастую голословное декларирование. В связи с этим необходимо стремиться к тому, чтобы разрыв между материальным и процедурным уровнями был минимальным;

Тепляшин П.В.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ГАРМОНИЗАЦИИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ В УСЛОВИЯХ ИНТЕГРАЦИИ ПРАВОВЫХ СИСТЕМ : МОНОГРАФИЯ. КРАСНОЯРСК: СИБЮИ МВД РОССИИ, 2010.

– социально-экономической согласованности, позволяющем избежать дублирования и противоречий между национальным и международным правом с точки зрения возможностей реализации соответствующих стандартов в существующих социально-экономических условиях;

– системности, обеспечивающем связь таких требований, предъявляемых к процессу гармонизации уголовно-исполнительного законодательства России с международными пенитенциарными стандартами и правилами, как последовательность, ясность и целесообразность гармонизации, исключающей приоритет каких-либо политических целей и правового конформизма как стремления к в известной степени модным и зачастую лишь конъюнктурным преобразованиям в праве, отражающим процессы глобализации.

4. Построение модели обращения с осужденными должно не только отражать унифицированные международные стандарты и правила в области обращения с осужденными, но и посредством правовой интеграции использовать достижения в пенитенциарной сфере отдельных стран, а также «высвечивать» недостатки и, наоборот, показывать преимущества национальной системы исполнения уголовных наказаний. Поэтому конкретным инструментарием гармонизации уголовно-исполнительного права выступает метод сравнительного правоведения. В отражении результатов использования метода сравнительного правоведения возможно будут понятны самобытные пути развития отечественного уголовно-исполнительного права и уголовно-исполнительной системы в целом.

Сравнительно-правовое исследование в уголовно-исполнительном праве представляет собой самостоятельное научное направление, основывающееся на цивилизационных достижениях пенитенциарной прак-

тики, выходящее за рамки позитивно-правового содержания самой отрасли права. Поэтому подобный вид исследования способен обогатить науку уголовно-исполнительного права интеллектуальным содержанием, придать ей методологически заверченный вид и цивилизационную ценность. Сравнительно-правовое исследование в сфере исполнения уголовных наказаний должно проводиться в двух культурно-правовых континуумах – историческом и современном и на основе двух подходов – нормативном и функциональном, первый из которых опирается на сопоставление юридических текстов, сходных юридических понятий и категорий, второй – на изучение способа решения в зарубежном праве соответствующих проблем обращения с осужденными, имеющих значение для отечественной уголовно-исполнительной системы.

В условиях реформирования отечественной судебной и уголовно-исполнительной систем, обращение к зарубежным правоохранным моделям представляет особый интерес в силу того обстоятельства, что именно в этот момент отечественная правовая система нуждается в новых идеях, задающих дальнейший вектор ее развития. Критический анализ таких явлений в области исполнения уголовных наказаний как «неопределенные» приговоры, индивидуальная программа обращения с осужденными и отдельных уголовных наказаний позволяет по новому взглянуть на перспективы гармоничного развития отечественного уголовно-исполнительного законодательства и практику его реализации. Становится очевидным, что для реализации подобных и иных моделей обращения с осужденными необходим длительный период не просто реформирования судебной и уголовно-исполнительной систем, но модернизации уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законо-

дательства в направлении расширения диспозитивных и судебно-прецедентных начал правового регулирования общественных отношений.

Исследование европейской системы тюремного заключения как практической стороны пенитенциарной науки приводит к выводу о том, что заключение в исправительное учреждение с одновременной изоляцией преступника от общества явилось основной формой существующей карательной практики. Данный вывод объяснялся высоким карательным (репрессивным) эффектом тюремного заключения, способным лишать человека одного из его главных благ – физической (нередко и духовной) свободы, а также возможностью в рамках лишения свободы применения широкой гаммы средств и методов воздействия на преступника. По мере развития европейской тюремной системы практически в ее сердцевине все больше приживалась исправительная идея наказания, вытесняя при этом возмездный и исключительно репрессивно-карательный характер уголовного наказания. Сам процесс институционального роста тюремной системы находится в зависимости от концепции закона и становления гражданской модели общества. Однако учение об исправительной идее уголовного наказания в виде тюремного заключения одновременно и нередко вскрывает недостатки и лакуны в организации исполнения данного наказания.

Рассмотрение организации работы пенитенциарных учреждений и исполнения уголовных наказаний в Германии, Франции, Англии, США и некоторых других стран позволяет заключить, что исправительные заведения этих стран, обеспечивая условия, содействующие исправлению преступников, ставят перед собой задачу убедить осужденных в необходимости применения к ним индивидуальных исправительных программ (так

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

называемых программ «обращения»), заставить осознать полезность применяемых мер для самих заключенных и добиться их помощи в реализации проводимой реабилитационной деятельности. При этом прогрессивная мысль пришла к выводу, что ни одна исправительная программа не может стоить дороже, чем пустое бессмысленное заключение в тюрьму без применения специальных реабилитационных мер в отношении заключенных, которое в конечном итоге приведет к неизбежному росту тюремного населения в результате так называемого синдрома «вращающейся двери».

Вместе с тем рецепция европейских моделей обращения с осужденными, осуществляемая посредством международного пенитенциарного сотрудничества, затормаживалась отсутствием законодательного закрепления ряда личных и гражданских прав, медленным действием результатов судебной реформы, незавершенностью отраслевой дифференциации законодательства. При этом подобные ретроспективные особенности отечественной правовой системы характерны и для современной России.

5. Гармонизация уголовно-исполнительного законодательства России должна строиться на сочетании формально-нормативного и судебно-правоприменительного подходов в правовом регулировании уголовно-исполнительных отношений. Такое сочетание возможно на фоне повышения роли судебного акта, нормативного договора (договора с нормативным содержанием), усиления частноправовых начал в регулировании общественных отношений, нарастания процессуальности (процедурности) в механизме правового регулирования уголовно-исполнительных отношений, гуманизации уголовно-исполнительной политики.

В правоприменительном плане можно выделить два типа правопонимания – естественно-правовой и

позитивистский, которые, «переплетаясь», должны гармонично сочетаться в механизме правовой регуляции признания (санкционирования) и закрепления (позитивации) прав, свобод и законных интересов осужденных. Наиболее ярко недостатки и достоинства такого сочетания проявляются в признании и закреплении категории законных интересов осужденных. Оптимальным проявлением «жизни» законного интереса выступает соглашение (контракт), поскольку каждая из сторон договорного правоотношения действует в соответствии со своими законными устремлениями, ориентируясь лишь на законодательные требования к форме и условиям таких отношений. В связи с чем достаточно конструктивным видится заключение с лицами, осужденными к отбыванию уголовного наказания в виде лишения свободы, соглашения, реализуемого в форме персональной программы отбывания наказания, которая демонстрирует естественно-правовой тип правопонимания и является способом преодоления недостаточно гибкой позитивистско-нормативной модели регулирования уголовно-исполнительных отношений, требующих более рельефного учета интересов их участников.

6. В правоприменительной судебной-прецедентной практике содержится важнейшая методологическая предпосылка повышения роли судебного регулирования уголовно-исполнительных правоотношений, поскольку формальная практика судов приводит к качественно негативному нивелированию применения многих институтов, связанных с процессом исполнения и отбывания уголовных наказаний. В результате такой институт, как условно-досрочное освобождение, имеет очень низкую эффективность как раз в силу формального единообразного отношения судов к его применению.

Важнейшей тенденцией гармонизации сферы исполнения уголовных наказаний выступает расширение роли именно судебного регулирования уголовно-исполнительных отношений. Поэтому наряду с ведомственным контролем, прокурорским надзором, деятельностью Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации (в перспективе – Уполномоченного по правам осужденных и лиц, содержащихся под стражей) и иными правозащитными субъектами важнейшим структурным элементом организационной системы соблюдения и защиты прав, свобод и законных интересов осужденных выступает судебный механизм обеспечения социальных ценностей граждан в местах отбывания уголовных наказаний.

Поскольку каждая форма прогрессивной системы предполагает соответствующий «скачок» в изменении объема прав, обязанностей и законных интересов осужденного лица, постольку между сущностью судебного контроля и проявлением прогрессивной системы имеется дисгармония, заключающаяся в отсутствии судебно-контрольного регулирования такой формы прогрессивной системы, как изменение условий отбывания наказания, в рамках одного исправительного учреждения.

В целях более успешного противодействия нарушениям прав осужденных и лиц, содержащихся под стражей, обеспечения гармонизации отечественной уголовно-исполнительной системы с европейскими правозащитными моделями, расширения частноправовых начал в регулировании уголовно-исполнительных отношений и сближения с цивилизованными эталонами естественных прав человека представляется необходимым введение в Российской Федерации самостоятельной должности Уполномоченного по правам осужденных и лиц, содержащихся под стражей.

Таким образом, гармонизация уголовно-исполнительного законодательства России и построение искомой модели обращения с осужденными должно не только отражать унифицированные международные стандарты и правила в области обращения с осужденными, но и посредством правовой интеграции использовать достижения в пенитенциарной сфере отдельных стран, а также «высвечивать» недостатки и, наоборот, показывать преимущества национальной системы исполнения уголовных наказаний. При этом достижения отечественного уголовно-исполнительного права в основном отражают ценность закона, опираются на его непреложное верховенство в регулировании общественных отношений, но имеют значительное расхождение с правоприменительной практикой и возможностями судебного порядка регулирования процесса исполнения наказания и исправительного воздействия на осужденных.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

*Нормативные акты и официальные документы**

1. Минимальные стандартные правила обращения с заключенными: принятые Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями 30 августа 1955 г.

2. Приложение к Рекомендации №R (87)3 Комитета Министров государствам-членам относительно Европейских пенитенциарных правил, принятое Комитетом Министров Совета Европы 12 февраля 1987 г.

3. Резолюция (76) 2 Комитета министров Совета Европы об обращении с лицами, осужденными к длительным срокам заключения, одобренная 17 февраля 1976 г.

4. Конституция Российской Федерации.

5. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации.

6. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации.

7. О судебной системе Российской Федерации : Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 г. №1-ФКЗ.

8. Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации : Федеральный конституционный закон от 26 февраля 1997 г. №1-ФКЗ.

* Использованы документы по состоянию на 1 октября 2010 года. Тексты документов: СПС КонсультантПлюс.

Тепляшин П.В.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ГАРМОНИЗАЦИИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ В УСЛОВИЯХ ИНТЕГРАЦИИ ПРАВОВЫХ СИСТЕМ : МОНОГРАФИЯ. КРАСНОЯРСК: СИБЮИ МВД РОССИИ, 2010.

9. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с введением в действие положений Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации о наказании в виде ограничения свободы : Федеральный закон от 27 декабря 2009 г. №377-ФЗ.

10. О внесении изменения в статью 12 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации : Федеральный закон от 19 июля 2009 г. №191-ФЗ.

11. О внесении изменений в статью 3 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации : Федеральный закон от 3 апреля 2008 г. №40-ФЗ

12. О международных договорах Российской Федерации : Федеральный закон от 15 июля 1995 г. №101-ФЗ.

13. Концепция федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России на 2007–2011 годы».

14. Федеральная целевая программа «Развитие уголовно-исполнительной системы (2007-2016 годы)», утвержденная постановлением Правительства Российской Федерации №540 от 5 сентября 2006 г.

15. Об утверждении перечня аудиовизуальных, электронных и иных технических средств надзора и контроля, используемых уголовно-исполнительными инспекциями для обеспечения надзора за осужденными к наказанию в виде ограничения свободы : постановление Правительства Российской Федерации от 31 марта 2010 г. №198.

16. Инструкция по организации исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества : утв. приказом Минюста России от 20 мая 2009 г. №142.

17. О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 апреля 2009 г. №8.

18. Рассмотрение вопроса о зачете времени содержания под стражей в срок отбывания наказания в тюрьме по ходатайству администрации тюрьмы, в которой отбы-

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

вает наказание осужденный, соответствует требованиям закона (определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 3 июня 2008 г. №58-008-8) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2008. – №12. – С. 15.

Литература на русском языке

19. Агапов, Д.А. Правовая культура как элемент гражданского общества / Д.А. Агапов // Правовая культура. – 2007. – №1. – С. 10–14.

20. Азаров, В.А. Судебный контроль в системе средств обеспечения прав и свобод личности (уголовно-процессуальный аспект) / В.А. Азаров // Актуальные проблемы борьбы с преступностью и правоприменительной практики: межвузовский сборник научных трудов / отв. ред. В.И. Горобцов. Вып. 3. – Красноярск: Сибирский юридический институт МВД России, 2000. – С. 68–79.

21. Аннерс, Э. История европейского права : пер. со швед. / Э. Аннерс. – М.: Наука, 1996. – 395 с.

22. Ансель, М. Новая социальная защита (гуманистическое движение в уголовной политике) / М. Ансель / пер. с франц. Н.С. Лапшиной; под ред. А.А. Пионтковского – М.: Прогресс, 1970. – 312 с.

23. Арановский, К.В. В преддверии сравнительного правоведения / К.В. Арановский // Правоведение. – 1998. – №2. – С. 58–63.

24. Байльдинов, Е.Т. Проблемы эффективности наказания и устойчивое развитие общества / Е.Т. Байльдинов // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2010. – №2. – С. 65–68.

25. Баранов, Ю.В. Стадии ресоциализации осужденных в свете новых социолого-антропологических воззрений и социальной философии / Ю.В. Баранов. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2006. – 275 с.

Тепляшин П.В.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ГАРМОНИЗАЦИИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ В УСЛОВИЯХ ИНТЕГРАЦИИ ПРАВОВЫХ СИСТЕМ : МОНОГРАФИЯ. КРАСНОЯРСК: СИБЮИ МВД РОССИИ, 2010.

26. Бачило, И.А. Проблемы гармонизации в законодательстве / И.А. Бачило // Журнал российского права. – 2000. – №8. – С. 84–92.

27. Беккария, Ч. О преступлениях и наказаниях / Ч. Беккария ; сост. и предисл. В.С. Овчинского. – М.: ИНФРА-М, 2004. – 184 с.

28. Берви, В.В. Очерк судебного управления в Англии / В.В. Берви // Журнал Министерства юстиции. – 1859. – №9 (сентябрь). – С. 63–120.

29. Березиков, С. Условия отбывания наказания в исправительных учреждениях надо менять / С. Березиков // Законность. – 2009. – №6. – С. 41–43.

30. Бехруз, Х.Н. Сравнительное правоведение как самостоятельная юридическая наука и учебная дисциплина / Х.Н. Бехруз // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2007. – №2. – С. 35–42.

31. Воздействие глобализации на правовую систему России / С.В. Поленина [и др.] // Государство и право. – 2004. – №3. – С. 5–15.

32. Йоханссон, Б.А. Общие сведения о системе исполнения наказаний в Швеции / Бо Леннарт Йоханссон // Пути взаимодействия пенитенциарных учреждений и некоммерческих организаций в области образования : материалы международной конференции, Санкт-Петербург, п. Репино, 7–10 октября 2004 г. / сост. И.М. Княжева. – СПб.: РОО «Центр женских инициатив», 2004. – С. 29–32.

33. Бобылев, А.И. Актуальные теоретические проблемы правовой системы общества / А.И. Бобылев, Р.Г. Миннихметов // Государство и право. – 2004. – №7. – С. 108–113.

34. Богородский, С.О. Очерк истории уголовного законодательства в Европе с начала XVIII века / С.О. Богородский. – Т. I. – Киев: Университетская Типография, 1862. – 656 с.

35. Бойков, А.Д. Сущность социалистического правосудия и его виды / А.Д. Бойков // Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 37. – М.: Юрид. лит., 1982. – С. 34–44.

36. Быкова, Е.В. Значение передачи осужденных в международном сотрудничестве / Е.В. Быкова // Уголов-

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

но-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2007. – №3. – С. 12–15.

37. Быкова, Е.В. Проблемы взаимодействия правовых систем на современном этапе / Е.В. Быкова // Международное публичное и частное право. – 2008. – №3(42). – С. 30–33.

38. Ведерникова, О.Н. Теория и практика борьбы с преступностью в Великобритании / О.Н. Ведерникова. – М.: Российская криминологическая ассоциация, 2001. – 344 с.

39. Виноградов, П.Г. История правоведения. Курс для историков и юристов. Лекции, читанные в Императорском Московском Университете в осеннем семестре 1908/9 года / П.Г. Виноградов / издание А.Ф. Изюмеа и Н.П. Невзорова. – М.: Типо-Литография Ю. Венер, преемн. О.Фальк, Петровка, Рахмановский пер., д. Грачева. 1908. – 224 с.

40. Власенко, Н. «Тревожные» вопросы по поводу судебных правовых позиций / Н. Власенко // Новая юстиция. – 2008. – №1. – С. 24–28.

41. Волков, К.А. Судебный прецедент и правоприменительная конкретизация в уголовном праве / К.А. Волков // Проблемы обеспечения законности и правопорядка в Дальневосточном регионе : сборник научных трудов по материалам международной научно-практической конференции (12-13 мая 2004 г.). – Хабаровск: Дальневосточный юридический институт МВД России, 2004. – С. 86–90.

42. Волков, К.А. Судебный прецедент и его влияние на уголовную политику / К.А. Волкова // Уголовная политика и право в эпоху перемен : материалы международной научно-практической конференции, посвященной памяти профессора П.С. Дагеля / науч. ред. А.И. Коробеев. – Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 2010. – С. 74–79.

43. Воронцова, И.В. Взаимодействие международного и внутреннего права государств / И.В. Воронцова // Современное право. – 2007. – №11. – С. 74–78.

Тепляшин П.В.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ГАРМОНИЗАЦИИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ В УСЛОВИЯХ ИНТЕГРАЦИИ ПРАВОВЫХ СИСТЕМ : МОНОГРАФИЯ. КРАСНОЯРСК: СИБЮИ МВД РОССИИ, 2010.

44. Воронцова, И.В. Судебное правотворчество: домыслы или реальность? / И.В. Воронцова // Современное право. – 2009. – №6. – С. 81–83.

45. Гаврилов, В. К вопросу о взаимодействии международной и национальных правовых систем в контексте идеологии и правосознания / В.К. Гаврилов // Контакт России и стран АТР в правовом дискурсе / отв. ред. А.И. Коробеев. – Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 2005. – С. 33–44.

46. Галкин, М.Н. Материалы к изучению тюремного вопроса / М.Н. Галкин. – Санкт-Петербург: Типография Второго Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1868. – 174 с.

47. Гернет, М.Н. История царской тюрьмы: в 5 т. / М.Н. Гернет. – 3-е изд. – М.: Гос-е изд-во юрид. лит-ры, 1960. – 384 с.

48. Гогель, С.К. Вопросы уголовного права, процесса и тюремоведения. Собрание исследований / С.К. Гогель. – С.-Петербург: Типография товарищества «Общественная Польза», 1906. – 646 с.

49. Головкин, Л.В. Альтернатива лишению свободы – очередная химера? / Л.В. Головкин // ЭЖ-Юрист. – 2010. – №3. – С. 1, 10.

50. Гольденвейзер, А.С. Преступление – как наказание, а наказание – как преступление (Мотивы Толстовского «Воскресения»). Издание товарищей в ознаменование 35-летнего юбилея адвокатской деятельности автора / А.С. Гольденвейзер. – Киев: Тип. Р.К. Лубковского, Б.-Владимирская ул., №46, 1911. – 76 с.

51. Горобцов, В.И. Парадоксы отечественной реформы уголовно-исполнительной системы / В.И. Горобцов // Актуальные проблемы теории борьбы с преступностью и правоприменительной практики : межвузовский сборник научных трудов. Вып. 7 / отв. ред. В.И. Горобцов. – Красноярск: Сибирский юридический институт МВД России, 2003. – С. 109–119.

52. Городинец, Ф.М. Имплементация международно-правовых норм при исполнении наказания в виде лише-

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

ния свободы в российском законодательстве и правоприменительной практике : монография / Ф.М. Городинец. – СПб.: СПбГУАП, СПбУ МВД России, 2002. – 174 с.

53. Гришко, А.Я. Судебный контроль за исполнением наказаний и новые Европейские пенитенциарные правила / А.Я. Гришко // Российский судья. – 2007. – №2. – С. 37–41.

54. Громов, В.Г. О возможности реализации целей наказания в местах лишения свободы / В.Г. Громов, К.И. Бондаренко, С.О. Свиркина // Современное право. – 2009. – №8. – С. 107–113.

55. Дамаскин, О.В. Мировоззренческие и правовые аспекты сосуществования России и Запада / О.В. Дамаскин // Современное право. – 2007. – №11. – С. 68–73.

56. Денис, Я. Кодификация английского уголовного права / Я. Денис // СССР-Англия: юстиция и сравнительное правоведение: материалы советско-английского симпозиума. – М.: Институт государства и права Академии наук СССР, 1986. – С. 6–18.

57. Добрынина, М.Л. Международно-правовые основы правового положения лиц, содержащихся в исправительных учреждениях / М.Л. Добрынина // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2006. – №3. – С. 18–21.

58. Дриль, Д.А. Исправительное заведение (Reformatory) в Конкорде (шт. Массачусетс) / Д.А. Дриль // Журнал Министерства юстиции. – 1897. – №4 (апрель). – С. 249–258.

59. Дриль, Д.А. О применении основных начал принудительного воспитания к взрослым осужденным / Д.А. Дриль // Журнал Министерства юстиции. – 1901. – №7 (сентябрь). – С. 102–136.

60. Егоров, А.В. К истории понятия сравнительного правоведения / А.В. Егоров // Государство и право. – 2009. – №3. – С. 91–96.

61. Емельянова, Е.В. Международные стандарты в области привлечения осужденных к труду и их реализация в уголовно-исполнительном законодательстве России / Е.В. Емельянова // Вестник Томского государственного университета. – 2009. – №318 (Январь). – С. 143–145.

62. Есаков, Г.А. Источники уголовного права Англии / Г.А. Есаков // *Lex Russica* (Научные труды Московской государственной юридической академии). – 2007. – №4 (июнь). – С. 759–784.

63. Ефремова, Н.Н. Эволюция отечественного правосудия (судебные реформы XX – начала XXI вв.) / Н.Н. Ефремова // *Право*. – 2009. – №1. – С. 21–35.

64. Жижиленко, А.А. Наказание. Его понятие и отличие от других правоохранительных средств / А.А. Жижиленко. – Петроград: Типография «Правда», Разъезжая, 16-18, 1914. – 676 с.

65. Иванов, А.А. Российская правовая наука рубежа XIX–XX веков и формирование личностного подхода в наказании / А.А. Иванов // *Журнал российского права*. – 2005. – №5. – С. 125–133.

66. Иванюк, О.А. Прецедент: поиск законодательного определения / О.А. Иванюк // *Законодательная дефиниция: логико-гносеологические, политико-юридические, морально-психологические и практические проблемы : материалы Международного «круглого стола» (Черновцы, 21-23 сентября 2006 года)* / под ред. В.М. Баранова, П.С. Пацуркивского, Г.О. Матюшкина. – Нижний Новгород: Нижегородский исследовательский научно-прикладной центр «Юридическая техника», 2007. – С. 473–480.

67. История права: Англия и Россия / рук. авт. кол. В. Нерсесянц, У. Батлер. – М.: Прогресс, 1990. – 304 с.

68. Кананыкина, Е.С. Правовая система Соединенных Штатов Америки / Е.С. Кананыкина // *Международное публичное и частное право*. – 2009. – №1 (46). – С. 40–48.

69. Карбонье, Ж. Юридическая социология / Ж. Карбонье / пер. с фр. и вступит. статья В.А. Туманова. – М.: Прогресс, 1986. – 352 с.

70. Карцов, А.С. Проблема рецепции в контексте консервативного правопонимания / А.С. Карцов // *Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения*. – 2008. – Первый выпуск (№12). – С. 63–69.

71. Киселев, Н.В. Диспозитивные начала правового регулирования исполнения уголовного наказания в виде

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

лишения свободы : дис. ... к.ю.н. / Н.В. Киселев. – Томск: Юридический институт Томского государственного университета, 1998. – 200 с.

72. Клейменов, И.М. Борьба с преступностью в государствах различных правовых систем (сравнительное исследование) : автореф. дис. ... к.ю.н. / И.М. Клейменов. – Омск: Академия МВД России, 2002. – 24 с.

73. Ковалевский, М. Общественный строй Англии в конце средних веков / М. Ковалевский. – М.: Типография О.Б. Миллера. Покровка, Машков пер., д. №82, 1880. – 398 с.

74. Казакова, Е.Н. Пожизненное лишение свободы в Канаде: законодательство и практика / Е.Н. Казакова // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2006. – №3. – С. 21–22.

75. Козаченко, И.Я. Проблемы соотношения предмета национального и международного уголовного права / И.Я. Козаченко // Российское уголовное право: традиции, современность, будущее : материалы научной конференции, посвященной памяти профессора М.Д. Шаргородского / под ред. Н.М. Кропачева, Б.В. Волженкина. – СПб.: Издательский Дом СПб. гос. ун-та, Издательство юридического факультета СПб. гос. ун-та, 2005. – С. 169–178.

76. Козаченко, И.Я. Проблемы сравнительного правоведения в сфере уголовного права России и Финляндии / И.Я. Козаченко, Я. Койстинен // Российский юридический журнал. – 2010. – №1. – С. 19–32.

77. Кораблин, К.К. История развития пенитенциарной системы в России : учебное пособие / К.К. Кораблин. – Хабаровск: Дальневосточный юридический институт МВД России, 2001. – 80 с.

78. Кубанцев, С.П. Применение probation и досрочного освобождения от отбывания наказания в виде лишения свободы в США / С.П. Кубанцев // Журнал российского права. – 2006. – №1. – С. 121–132.

79. Ландо, А.С. Институт Уполномоченного по правам человека в России и Европе / А.С. Ландо // Российская и европейская правозащитные системы: соотношение и

проблемы гармонизации : сборник статей / под ред. В.М. Баранова. – Нижний Новгород, 2003. – С. 561–568.

80. Лопашенко, Н.А. Сообщение о защите диссертации «Уголовное право Италии: основные институты», представленной М.А. Игнатовой на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Н.А. Лопашенко // Уголовное право. – 2003. – №2. – С. 138.

81. Лукьянова, Е.Г. Основные тенденции развития российского права в условиях глобализации / Е.Г. Лукьянова // Государство и право. – 2004. – №7. – С. 84–89.

82. Любашиц, В.Я. Современное государство в глобализирующемся мире: проблемы теории / В.Я. Любашиц // Правоведение. – 2004. – №4. – С. 203–221.

83. Люблинский, П.И. Условное освобождение и неопределенные приговоры в Северной Америке / П.И. Люблинский // Журнал уголовного права и процесса. – 1913. – №2. – С. 1–36; №3. – С. 1–54.

84. Максимова, М.В. Проблемы использования зарубежного опыта по нейтрализации последствий криминального экстремизма органами внутренних дел : автореф. дис. ... к.ю.н. / М.В. Максимова – М.: Академия управления МВД России, 2003. – 26 с.

85. Малиновский, А. Система международного уголовного права / А. Малиновский // Сравнительное конституционное обозрение. – 2009. – №1. – С. 111–116.

86. Мальцев, В.В. Проблемы освобождения от уголовной ответственности и наказания в уголовном праве: монография / В.В. Мальцев. – Волгоград: Академия МВД России, 2003. – 212 с.

87. Манов, Б.Г. Современное международное право в условиях глобализации / Б.Г. Манов // Международное публичное и частное право. – 2008. – №1. – С. 2–4.

88. Малько, А.В. О некоторых чертах модернизационных процессов в современных условиях // А.В. Малько, А.Ю. Саломатин // Государство и право. – 2004. – №3. – С. 23–31.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

89. Малько, А.В. О роли сравнительного правоведения в современной правовой жизни / А.В. Малько, А.Ю. Саломатин // Правоведение. – 2009. – №2. – С. 125–133.

90. Марченко, М.Н. Об основных тенденциях развития права в условиях глобализации / М.Н. Марченко // Государство и право. – 2009. – №6. – С. 5–11.

91. Марченко, М.Н. Особенности судебного прецедента в системе романо-германского права / М.Н. Марченко // Государство и право. – 2006. – №8. – С. 22–28.

92. Марченко, М.Н. Сочетание в правовой системе Евросоюза элементов романо-германского и англосаксонского права (общие черты и отличия) / М.Н. Марченко // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2008. – №3. – С. 24–31.

93. Медведев, В.А. Правовая культура российского общества: особенности и тенденции развития : автореф. дис. ... к.ю.н. / В.А. Медведев. – Казань: Чебоксарский кооперативный институт, 2004. – 26 с.

94. Международное право и национальное законодательство. – М.: Инс-т законодательства и сравнит. Правоведения при Правительстве Российской Федерации, Эксмо, 2009. – 704 с.

95. Мелешников, А.В. Историко-правовые предпосылки согласования российской и европейской правозащитных систем / А.В. Мелешников // Российская и европейская правозащитные системы: соотношение и проблемы гармонизации : сборник статей / под ред. В.М. Баранова. – Нижний Новгород, 2003. – С. 22–33.

96. Милинчук, В.В. Проблемы и перспективы совершенствования механизмов имплементации международных инструментов в области предупреждения преступности и борьбы с ней / В.В. Милинчук // Государство и право. – 2005. – №1. – С. 40–52.

97. Миттермайер, К.Ю. Уголовное судопроизводство в Англии, Шотландии и Северной Америке / К.Ю. Миттермайер ; издание Унковского. – М.: Типография Грачева и комп., 1864. – 446 с.

Тепляшин П.В.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ГАРМОНИЗАЦИИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ В УСЛОВИЯХ ИНТЕГРАЦИИ ПРАВОВЫХ СИСТЕМ : МОНОГРАФИЯ. КРАСНОЯРСК: СИБЮИ МВД РОССИИ, 2010.

98. Морщакова, Т.Г. Доктринальные основы имплементации международных стандартов прав и свобод средствами конституционного правосудия // Право. – 2008. – №1. – С. 3–16.

99. Нерсисянц, В.С. Процессы универсализации права и государства в глобализирующемся мире / В.С. Нерсисянц // Государство и право. – 2005. – №5. – С. 38–47.

100. Нечепуренко, А.А. Испытание в уголовном праве Российской Федерации : автореф. дис. ... д.ю.н. / А.А. Нечепуренко. – Омск: Академия МВД России, 2009. – 44 с.

101. Нигматуллин, Р.В. К вопросу становления международного сотрудничества государств по борьбе с преступностью / Р.В. Нигматуллин // История государства и права. – 2005. – №8. – С. 14–19.

102. Никитенко, И.В. Реализация международных стандартов обращения с осужденными как одно из направлений гуманизации уголовно-исполнительной политики России И.В. Никитенко // Проблемы обеспечения законности и правопорядка в Дальневосточном регионе : сборник научных трудов по материалам международной научно-практической конференции (12–13 мая 2004 г.). – Хабаровск: Дальневосточный юридический институт МВД России, 2004. – С. 149–152.

103. Овчинский, В.С. О реформе российской пенитенциарной системы в условиях финансово-экономического кризиса / В.С. Овчинский // Уголовная политика и право в эпоху перемен : материалы международной научно-практической конференции, посвященной памяти профессора П.С. Дагеля / науч. ред. А.И. Коробеев. – Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 2010. – С. 149–161.

104. Ольховик, Н.В. Рецидивная преступность осужденных и ее предупреждение / Н.В. Ольховик, Л.М. Прокументов. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 2009. – 160 с.

105. Осакве, К. Типология современного российского права на фоне правовой карты мира / Кр. Осакве // Государство и право. – 2001. – №4. – С. 12–22.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

106. Печников, А.П. Тюремные учреждения российского государства (1649–октябрь 1917 гг.): Историческая хроника / А.П. Печников. – М.: Щит-М, 2004. – 325 с.

107. Пионтковский, А.А. Смертная казнь в Европе / А.А. Пионтковский. – Казань: Типолитография Императорского Университета, 1908. – 124 с.

108. Плешаков, А.П. Правовая культура и становление новой российской государственности / А.П. Плешаков // Правовая культура. – 2007. – №1. – С. 46–53.

109. Познышев, С.В. Основные начала науки уголовного права (Общая часть уголовного права) / С.В. Познышев. – М.: Изд-е А.А. Карцева, 1912. – 665 с.

110. Пржевальский, В.В. Профессор Франц Лист и его основные воззрения на преступление и наказание / В.В. Пржевальский // Сборник правоведения и общественных знаний : Труды юридического общества, состоящего при Императорском московском университете, и его статистического отделения. – Т. 6. – СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, Вас. остр., 5 л., 28, 1896. – С. 70–127.

111. Пугина, О.А. Правопреемственность как базовый элемент интеграции правовых систем / О.А. Пугина // Современное право. – 2006. – №7. – С. 68–75.

112. Пшеничников, М.А. К вопросу о концепции гармонизации российского законодательства в контексте международно-правовых стандартов / М.А. Пшеничников // Международное публичное и частное право. – 2007. – №3. – С. 32–34.

113. Пшеничников, М.А. Формы дисгармонии российской и европейской правозащитных систем / М.А. Пшеничников // Российская и европейская правозащитные системы: соотношение и проблемы гармонизации : сборник статей / под ред. В.М. Баранова. – Нижний Новгород, 2003. – С. 138–148.

114. Рарог, А.И. Правовое значение разъяснений Пленума Верховного Суда РФ // Государство и право. – 2001. – №2. – С. 51–57.

115. Реале, Дж. Западная философия от истоков до наших дней: в 3 т. / Дж. Реале, Д. Антисери. Том 3. Новое

время / пер. С. Мальцевой; науч. ред. Э. Соколова. – СПб.: Петрополис, 1996. – 736 с.

116. Ременсон, А.Л. Избранные труды / А.Л. Ременсон. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 2003. – С. 58–61, 73–75.

117. Реформирование уголовно-исполнительной системы: теоретический проект: учебное пособие / под общ. ред. А.А. Реймера. – М., Рязань: Академия ФСИН России, 2009. – 72 с.

118. Рожков, С.А. Международные стандарты обращения с осужденными и уголовно-исполнительное законодательство РФ / С.А. Рожков // Вестник Пермского университета. – 2009. – Выпуск 1(3). – С. 125–131.

119. Ромашов, Р.А. Законодательная дефиниция в условиях интеграции правовых систем: проблемы унификации / Р.А. Ромашов // Законодательная дефиниция: логико-гносеологические, политико-юридические, морально-психологические и практические проблемы : материалы Международного «круглого стола» (Черновцы, 21–23 сентября 2006 года) / под ред. В.М. Баранова, П.С. Пацуркивского, Г.О. Матюшкина. – Нижний Новгород: Нижегородский исследовательский научно-прикладной центр «Юридическая техника», 2007. – С. 101–117.

120. Сабо, И. Теоретические проблемы сравнительного правоведения / И. Сабо // Сравнительное правоведение: сборник статей / сост., ред. и вступ. ст. В.А. Туманова. – М.: Прогресс, 1978. – С. 54–75.

121. Саидов, А.Х. Сравнительное гражданское право как наука и учебная дисциплина / А.Х. Саидов // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2007. – №1. – С. 52–61.

122. Саидов, А.Х. Сравнительное правоведение и законотворчество / А.Х. Саидов // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2006. – №1. – С. 16–22.

123. Саломатин, А.Ю., Гуманизация уголовной политики в контексте модернизации права в Западной Европе и США (конец XVIII–XIX вв.) / А.Ю. Саломатин, Н.В. Дол-

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

женкова // Правовая политика и правовая жизнь. – 2004. – №2. – С. 149–154.

124. Сафронов, А.А. Правовая культура личности в механизме устойчивого развития российского государства (теоретико-методологический анализ) : автореф. дис. ... к.ю.н. / А.А. Сафронов. – Ростов-на-Дону: Юридический институт МВД России, 2005. – 28 с.

125. Сенатова, Е.В. Действие уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации в пространстве и во времени : автореф. дис. ... к.ю.н. / Е.В. Сенатова. – Рязань Академия права и управления Минюста России, 2003. – 28 с.

126. Сереброва, С.О. О необходимости законодательного закрепления дефиниции «правовая система» / С.О. Сереброва // Законодательная дефиниция: логико-гносеологические, политико-юридические, морально-психологические и практические проблемы : материалы Международного «круглого стола» (Черновцы, 21–23 сентября 2006 года) / под ред. В.М. Баранова, П.С. Пацуркивского, Г.О. Матюшкина. – Нижний Новгород: Нижегородский исследовательский научно-прикладной центр «Юридическая техника», 2007. – С. 383–397.

127. Сизый, А.Ф. Институт установления степеней исправления осужденных как эффективный способ достижения целей уголовного наказания / А.Ф. Сизый // Закон и право. – 2005. – №5. – С. 74–77.

128. Скобелин, С.Ю. Условно-досрочное освобождение от отбывания наказания и замена неотбытой части наказания более мягким видом наказания / С.Ю. Скобелин // Уголовное право. – 2009. – №6. – С. 64–68.

129. Соковых, Ю.Ю. Реализация международного гуманитарного права в законодательстве Российской Федерации: состояние и перспективы / Ю.Ю. Соковых // Государство и право. – 1997. – №9. – С. 76–86.

130. Социальная антропология права современного общества: монография / под ред. И.А. Честнова. – СПб.: Санкт-Петербургский институт внешнеэкономических

Тепляшин П.В.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ГАРМОНИЗАЦИИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ В УСЛОВИЯХ ИНТЕГРАЦИИ ПРАВОВЫХ СИСТЕМ : МОНОГРАФИЯ. КРАСНОЯРСК: СИБЮИ МВД РОССИИ, 2010.

связей, экономики и права, Общество «Знание» Санкт-Петербурга и Ленинградской области, 2006. – 248 с.

131. Спиридонов, А.П. Взаимодействие российского уголовного права с системами права других государств: исторический аспект / А.П. Спиридонов // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2009. – №3(34). – С. 37–43.

132. Сталев, Ж. Сравнительный метод в социалистической правовой науке / Ж. Сталев // Сравнительное правоведение : сборник статей / сост., ред. и вступ. статья В.А. Туманова. – М.: Прогресс, 1978. – С. 15–53.

133. Степкин, Е.Ю. К вопросу о юридической силе норм международного права в российском праве / Е.Ю. Степкин // Труды Академии управления МВД России. – 2009. – №1(9). – С. 31–35.

134. Субочев, В.В. Сущность законных интересов / В.В. Субочев // Ленинградский юридический журнал. – 2007. – №2(8). – С. 35–55.

135. Субочев, В.В. Установление законных интересов в юридических предписаниях: проблемы правотворческой дефиниции / В.В. Субочев // Законодательная дефиниция: логико-гносеологические, политико-юридические, морально-психологические и практические проблемы : материалы Международного «круглого стола» (Черновцы, 21–23 сентября 2006 года) / под ред. В.М. Баранова, П.С. Пацуркивского, Г.О. Матюшкина. – Нижний Новгород: Нижегородский исследовательский научно-прикладной центр «Юридическая техника», 2007. – С. 419–437.

136. Судебный контроль в стадии исполнения уголовного наказания / Н.А. Колоколов [и др.] // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2008. – №6. – С. 10–34.

137. Сумачев, А.В. Диспозитивность в уголовном праве / А.В. Сумачев // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2008. – №1(4). – С. 66–79.

138. Тарбагаев, А.Н. Введение в уголовное право Нидерландов: основные институты Общей части : учебное

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

пособие / А.Н. Тарбагаев. – Красноярск: Государственный ун-т, 2000. – 135 с.

139. Тепляшин, П. Исполнение наказаний, не связанных с изоляцией от общества, в Англии и Уэльсе / П. Тепляшин // Уголовное право. – 2004. – №3. – С. 64–65.

140. Тепляшин, П.В. Современное тюремное право Англии : монография / П.В. Тепляшин. – Красноярск: СибЮИ МВД России, 2007. – 124 с.

141. Тепляшин, П.В. Становление и развитие теории специального предупреждения (частной превенции) преступности в контексте социально-правовой гармонизации тюремного заключения / П.В. Тепляшин // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2007. – №3-4 (2). – С. 10–14.

142. Тепляшин, П.В. Уполномоченный по правам осужденных и лиц, содержащихся под стражей: постановка проблемы и зарубежный опыт / П.В. Тепляшин // Защита прав человека в формирующемся гражданском обществе: выполнение Россией обязательств по обеспечению прав человека, принятых в связи с ее вступлением в Совет Европы : сборник материалов региональной научно-практической конференции (9 декабря 2004 г.) / отв. ред. И.Е. Жмаков. – Красноярск: Филиал Санкт-Петербургского института внешнеэкономических связей, экономики и права в г. Красноярске, 2004. – С. 141–145.

143. Тепляшин, П.В. Теория и практика функционирования тюремной системы Англии и Уэльса на современном этапе / П.В. Тепляшин // Человек: преступление и наказание (научный журнал). – 2004. – №4 (48). – С. 84–90.

144. Титаренко, А.П. Тенденция изменений юридической природы мер уголовно-правового принуждения на современном этапе развития общественных отношений / А.П. Титаренко // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. – 2010. – №1(18). – С. 115–118.

145. Тиунов, О.И. Интерпретация норм европейского гуманитарного права в российской правовой системе / О.И. Тиунов // Российская и европейская правозащитные системы: соотношение и проблемы гармонизации :

Тепляшин П.В.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ГАРМОНИЗАЦИИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ В УСЛОВИЯХ ИНТЕГРАЦИИ ПРАВОВЫХ СИСТЕМ : МОНОГРАФИЯ. КРАСНОЯРСК: СИБЮИ МВД РОССИИ, 2010.

сборник статей / под ред. В.М. Баранова. – Нижний Новгород, 2003. – С. 167–185.

146. Тиунов, О.И. Современные проблемы международного гуманитарного права / О.И. Тиунов // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2008. – Первый выпуск (№12). – С. 70–82.

147. Толстик, В.А. Общепризнанные принципы и нормы международного права в правовой системе России / В.А. Толстик // Журнал российского права. – 2000. – №8. – С. 67–77.

148. Толстик, В.А. Проблемы иерархического соотношения российской и европейской правозащитных систем / В.А. Толстик // Российская и европейская правозащитные системы: соотношение и проблемы гармонизации : сборник статей / под ред. В.М. Баранова. – Нижний Новгород, 2003. – С. 46–60.

149. Тохова, Е.А. Зарубежный опыт социально-правового контроля за лицами, освобожденными из исправительных учреждений / Е.А. Тохова // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2009. – №4. – С. 30–36.

150. Трунцевский, Ю.В. Международное пенитенциарное право : лекция / Ю.В. Трунцевский. – М.: Юрист, 2001. – 48 с.

151. Трунцевский, Ю.В. Международное пенитенциарное право как отрасль международного права / Ю.В. Трунцевский // Московский журнал международного права. – 1999. – №1. – С. 28–38.

152. Туманов, Г.А. Реакционный характер тюремной политики и тюремоведения в капиталистических странах : лекция / Г.А. Туманов. – М.: Высшая школа МООП РСФСР, 1965. – 32 с.

153. Уголовное законодательство России и стран АТР: компаративное исследование : монография / кол. авт.; отв. ред. А.И. Коробеев. – Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 2008. – 272 с.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

154. Усанов, В. Судебный прецедент: проблемы конвергенции в российскую правовую систему / В. Усанов // Новая юстиция. – 2008. – №1. – С. 18–23.

155. Уткин, В.А. Международное уголовно-исполнительное право: к концепции формирования / В.А. Уткин // Правовые проблемы укрепления российской государственности : сборник статей. Ч. 9 / под ред. С.А. Елисеева. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 2002. – С. 151–153.

156. Фалиев, Н.И. Условное осуждение. Новая область его применения / Н.И. Фалиев. – М.: Издание книжного магазина «Правоведение», 1904. – 108 с.

157. Фефелов, В.А. Социально-правовая востребованность цивилизации уголовно-исполнительного права Российской Федерации : учебное пособие / В.А. Фефелов. – Уфа: Высшая школа МВД России, 1993. – 162 с.

158. Фойницкий, И.Я. Учение о наказании в связи с тюремоведением / И.Я. Фойницкий. – М.: Добросвет-2000; Городец, 2000. – 464 с.

159. Фримен, Д. Политика вынесения приговоров в английском праве и практике / Д. Фримен // СССР-Англия: юстиция и сравнительное правоведение : материалы советско-английского симпозиума. – М.: Институт государства и права Академии наук СССР, 1986. – С. 27–37.

160. Фруменков, Г.Г. Узники Соловецкого монастыря / Г.Г. Фруменков. – Архангельск: Северо-Западное книжное издательство, 1970. – 200 с.

161. Хатунов, С.Ю. Ранняя стадия уголовно-правового регулирования в средневековой Англии / С.Ю. Хатунов // История государства и права. – 2003. – №2. – С. 53–59.

162. Хуторская, Н.Б. Европейское пенитенциарное сотрудничество / Н.Б. Хуторская // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2006. – №4. – С. 10–11.

163. Хуторская, Н.Б. Опыт участия России в работе Совета по пенитенциарному сотрудничеству Совета Европы: теоретическое и практическое значение / Н.Б. Хуторская // Правовые проблемы укрепления российской госу-

Тепляшин П.В.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ГАРМОНИЗАЦИИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ В УСЛОВИЯХ ИНТЕГРАЦИИ ПРАВОВЫХ СИСТЕМ : МОНОГРАФИЯ. КРАСНОЯРСК: СИБЮИ МВД РОССИИ, 2010.

дарственности: сборник статей. Часть 38 / под ред. В.Д. Филимонова, Н.Т. Ведерникова. – Томск: ДиВо, 2007. – С. 79–81.

164. Цаплин, И.С. Правовые и организационные основы охраны исправительных учреждений Минюста России : автореф. дис. ... к.ю.н. / И.С. Цаплин. – Москва: Академия управления МВД России, 2003. – 26 с.

165. Цепелев, В.Ф. Международные стандарты в области прав человека и их реализация в процессе назначения и исполнения пожизненного лишения свободы / В.Ф. Цепелев, Е.Н. Казакова // Российский криминологический взгляд. – 2008. – №3. – С. 249–260.

166. Чернявский, А.Г. Перспективы интеграции и гармонизации российской и европейской правовых систем / А.Г. Чернявский // Российская и европейская правозащитные системы: соотношение и проблемы гармонизации: сборник статей / под ред. В.М. Баранова. – Нижний Новгород, 2003. – С. 202–220.

167. Чирикин, В.А. Международное сотрудничество правоохранительных органов России по борьбе с преступностью (1861–1917 гг.) : дис. ... к.ю.н. – М.: Академия управления МВД России, 1999. – 178 с.

168. Чубинский, М.П. Курс уголовной политики / М.П. Чубинский. – Ярославль: Типография губернского правления, 1909. – 446 с.

169. Шериф Бассиуни, М. Философия и принципы международного уголовного правосудия / М. Шериф Бассиуни // Сравнительное конституционное обозрение. – 2009. – №1. – С. 99–110.

170. Шипунова, Т.В. Аутопойесис пенитенциарной системы / Т.В. Шипунова // Криминология: вчера, сегодня, завтра. Труды Санкт-Петербургского криминологического клуба. – 2002. – №3 (4). – С. 152–156.

Литература на английском языке

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

171. Ashton, J. What Everyone in Britain should Know about Crime and Punishment / J. Ashton, D. Wilson. – 2nd ed. – Oxford: University Press, 2001. – 200 p.

172. Ashworth, A. Principles of Criminal Law / A. Ashworth. – 3rd ed. – New York·Oxford: University Press, 1999. – 534 p.

173. Barry, J.V. Alexander Maconochie of Norfolk Island. A study of a Pioneer in Penal Reform / J.V. Barry. – London·Wellington·New York: Oxford University Press, 1958. – 278 p.

174. Brownlee, I. Community Punishment. A Critical Introduction / I. Brownlee. – London and New York: Longman, 1998. – 222 p.

175. Cavadino, M. Criminal Justice 2000: Strategies for a new century / M. Cavadino. – Winchester: Waterside Press 1999. – 346 p.

176. Cavadino, M. The Penal System. An Introduction / M. Cavadino, J. Dignan. – 3rd ed. – London: SAGE Publications, Thousand Oaks, New Delhi, 2002. – 405 p.

177. Changing Concepts of Crime and its Treatment / edited by H.J. Klare. – Oxford: Pergamon Press, 1966. – 186 p.

178. Cornil, P. John Howard, European Penal Reformer / P. Cornil // Changing Concepts of Crime and its Treatment / Edited by H.J. Klare. – Oxford: Pergamon Press, 1966. – P. 177–183.

179. Craig, P. EU Law. Text, Cases and Materials / P. Craig, Gráinne de Burca. – 3rd ed. – Oxford: Oxford University Press, 2002. – 1242 p.

180. Grünhut, M. Penal Reform. A comparative study / M. Grünhut. – Oxford: At the Clarendon Press, 1948. – 486 p.

181. Doherty, M. Criminal Justice and Penology / M. Doherty. – London: Old Bailey Press, 2000. – 254 p.

182. Fitzgerald, M. British Prisons. – 2nd ed. / M. Fitzgerald, J. Sim. – Oxford: Basil Blackwell, 1982. – 182 p.

183. Enforcing European Community Rules: criminal proceedings, administrative procedures and harmonization

ТЕПЛЯШИН П.В.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ГАРМОНИЗАЦИИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ В УСЛОВИЯХ ИНТЕГРАЦИИ ПРАВОВЫХ СИСТЕМ : МОНОГРАФИЯ. КРАСНОЯРСК: СИБЮИ МВД РОССИИ, 2010.

/ edited by C. Harding and B. Swart. – Aldershot, Brookfield USA, Singapore, Sydney: Dartmouth, 1996. – 200 p.

184. Ewing, A.C. The Morality of Punishment with some Suggestions for a General Theory of Ethics / A.C. Ewing / with a Foreword by W.D. Ross. – London: Kegan Paul, Trench, Trubner & CO., 1929. – 234 p.

185. Grünhut, M. Penal Reform. A comparative study / M. Grünhut. – Oxford: At the Clarendon Press, 1948. – 486 p.

186. Heath, J. Eighteenth Century Penal Theory / J. Heath. – Oxford: University Press, 1963. – 288 p.

187. Hitchens, P. History of Crime. The Decline of Order, Justice and Liberty in England / P. Hitchens. – London: Atlantic Books, 2003. – 316 p.

188. Hood, R. Parole With New Criteria. Evaluating the Impact and Effects of Changes in the Parole System: Phase Two / R. Hood, S. Shute. – Occasional Paper №16. – Oxford: University of Oxford, Centre for Criminological Research, 1995. – 58 p.

189. Howard, J. The State of the Prisons / J. Howard. – London: J.M. Dent&Sons Ltd.; New York: E.P.Dutton&Co.Inc, 1929. – 306 p.

190. Hudson, B. Understanding Justice. – Buckingham: Open University Press, 1996. – 175 p.

191. Krebs, A. John Howard's Influence on the Prison System of Europe with Special Reference to Germany // Prisons Past and Future / edited by J.C. Freeman. – London: Heinemann, 1978. – P. 42–43.

192. Martin, J. The English Legal System / J. Martin. – 3rd ed. – London: Hodder&Stoughton, 2002. – 298 p.

193. Paley, W. The Principles of Moral and Political Philosophy / W. Paley. – 16th ed. – In Two Volumes. – Vol. I. – London: Printed for R. Faulder, New Bond-Street, 1806. – 422 p.

194. Prisons Past and Future / edited by J.C. Freeman. – London: Heinemann, 1978. – 240 p.

195. Robinson, G. Risk-management and rehabilitation in the probation service: collision and collusion / G. Robinson // Howard Journal. – 1999. – Vol. 38. – №4. – P. 421–433.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

196. The Oxford Handbook of Criminology / edited by M. Maguire, R. Morgan and R. Reiner. – 3rd ed. – Oxford: University Press, 2002. – 1228 p.

197. Weatherill, S. Law and Integration in the European Union / S. Weatherill. – Oxford: Clarendon Press, 1995. – 294 p.

198. Whitfield, D. Tacking the Tag. The Electronic Monitoring of Offenders / D. Whitfield. – London: Waterside Press, 1997. – 144 p.

199. Wiener, J. Globalization and the Harmonization of Law / J. Wiener. – London and New York: Pinter, 1999. – 220 p.

200. Wines, F.H. Punishment and Reformation. An Historical Sketch of the Rise of the Penitentiary / F.H. Wines. – London: Swan Sonnenschein&CO, 1895. – 340 p.

201. Worrall, A. Punishment in the Community: The Future of the Criminal Justice / A. Worrall. – London and New York: Longman, 1997. – 170 p.

202. Wortley, R. Situational Prison Control. Crime Prevention in Correctional Institutions / R. Wortley. – Cambridge: University Press, 2002. – 254 p.

Материалы правоприменительной практики

203. Приговор Байкитского районного суда Красноярского края от 8 апреля 2010 года в отношении П. Дело №1-05/2010 // Архив Байкитского районного суда Красноярского края.

204. Приговор мирового судьи судебного участка №15 в Большемуртинском районе Красноярского края от 12 февраля 2010 года в отношении С. Дело №1-29/2010 // Архив судебного участка №15 в Большемуртинском районе Красноярского края.

205. Постановление федерального суда Советского района г. Красноярска от 17 ноября 2008 года об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания осужденного Р. // Архив федерального суда Советского района г. Красноярска.

206. Дело №1-142/07. Материалы ИК-27 по ходатайству осужденного К. об условно-досрочном освобождении от

Тепляшин П.В.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ГАРМОНИЗАЦИИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ В УСЛОВИЯХ ИНТЕГРАЦИИ ПРАВОВЫХ СИСТЕМ : МОНОГРАФИЯ. КРАСНОЯРСК: СИБЮИ МВД РОССИИ, 2010.

отбывания наказания // Архив федерального суда Советского района г. Красноярска.

207. Постановление №135 от 17 сентября 2009 года и материалы о переводе осужденного С. из строгого режима отбывания наказания в общий режим содержания // Учреждение УП-288/Т г. Минусинска Красноярского края.

208. Постановление №82 от 19 мая 2009 года и материалы о переводе осужденного М. из строгого режима отбывания наказания в общий режим содержания // Учреждение УП-288/Т г. Минусинска Красноярского края.

Электронные источники

209. URL: <http://www.kremlin.ru/transcripts/3148>.

210. URL: <http://www.fsin.su/main.phtml?aid=2741>.

211. URL: <http://www.prison.org/lib/comments/bard001.htm>.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

План издания №14

Павел Владимирович Тепляшин,
кандидат юридических наук, доцент

**МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ГАРМОНИЗАЦИИ
УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ
В УСЛОВИЯХ ИНТЕГРАЦИИ ПРАВОВЫХ СИСТЕМ**

Монография

Печатается в авторской редакции
Технический редактор М.Н. Киценко

Подписано в печать *20 октября 2010 г.*
Формат Р 60x84. Бумага типографская.
Гарнитуры Bookman Old Style, Academy.
Печать офсетная. 8,25 уч. изд. л. (14,25 усл.п.л.).
Тираж 500 экз. Первый завод 150 экз. Заказ_____

Организационно-научный и редакционно-издательский отдел.
Сибирский юридический институт МВД России.
660131, г. Красноярск, ул. Рокоссовского, 20.

Отпечатано на участке оперативной полиграфии
Сибирского юридического института МВД России.
660050, г. Красноярск, ул. Кутузова, 6